

РЕУН



1987

26

Вече

Независимый русский альманах

26

Седьмой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1986

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

НАМ ПИШУТ	195
Вл. Самарин - Третье обращение к русской эмиграции	197
ОТ РЕДАКЦИИ	199

О. Б и р ю к о в

І. Пошатнувшийся идол

Среди диссидентов, как в Советском Союзе, так и за рубежом, паника. Паника, растерянность и глубокое уныние: их кумир, вождь, учитель, вдохновитель и знаменосец, академик Андрей Дмитриевич Сахаров, переметнулся в стан врага. Помирился с Горбачевым, вернулся из ссылки (кстати, он ее уже называет не „ссылкой“, а скромно, чтобы не обидеть своего могущественного нового друга и покровителя, Михаила Сергеевича, только „изоляцией“), и, потрясая сердца и умы, выступил на московском „Форуме за безъядерный мир, за выживание человечества“. Идол, вознесенный на небывалую высоту, предмет забот и покровительства высочайших особ Запада, многочисленных речей и выступлений о правах человека, таких же многочисленных, поступавших от каждого, кому не лень, писем и обращений советским правителям, а также писем и обращений в ООН, президенту Рейгану, президенту Миттерану, премьер-министру Тетчер – кому куда не вздумается, кумир всей западной диссидентской братии, вдруг, не предупредив, не спросив разрешения у таких светил диссидентизма, как Владимир Максимов и Владимир Буковский, как Лев Наврозов и оный Лев синайский – Копелев, как Эрнест Неиз-

вестный и прочие, совсем уж неизвестные, Эрнесты и не-Эрнесты – перешел совместно со своей женой, хитроумной Еленой Боннер, из положения вождя диссидентов на положение официальной, разрешенной, и возможно даже с радостью принимаемой, оппозиции советской власти.

Я понимаю растерянность и горе диссидентов. Одни из них приумолкли, сознавая нелепость положения, в какое они попали. Приумолкли, надеясь, что Андрей Дмитриевич не совсем их предал, ссылаются на то, что идеи его неизменны (это верно – но об этом ниже). Другие, особенно рьяно торговавшие его именем, в основном его родственнички (по-существу „седьмая вода на киселе“, как говорят в России, а не родственники), затягивают пояса: пора всевозможных аудиенций, выступлений, интервью и причих хлебных мероприятий прошла. Некоторые же начинают бешеную критику Сахарова. Они-то наиболее интересны, так как вскрывают многие истины о мировоззрении академика Сахарова, истины, которые до сих пор старательно замалчивались.

Но мне не жаль ни одних, ни других, ни третьих. Не жаль диссидентов, так опозорившихся со своим кумиром. Мне жаль тех искренних русских людей – как в Советском Союзе, так и за рубежом, которые позволили себя обмануть, поверили, что Сахаров противник советской власти, что он русский человек (не этнически, а по самосознанию). Им невдомек, что Сахаров материалист, атеист, марксист-ленинец, что его общественный идеал – это социалистическое общество, **что он не противник советской власти**. Об этом он сам говорит в „Предисловии для печати“, предназначенном для опубликования совместно с текстом его выступлений на „Форуме“. Более того, он заявил, что: „Главными и постоянными составляющими в моей позиции являются... убеждения, что только конвергенция социалистической и капиталистической систем – кардинальное, окончательное решение проблемы мира и сохранения человечества“. Итак, мы должны признать – по меньшей мере – советскую власть

как морально и идеологически равноправного партнера и идти на конвергенцию с ней, то есть „осовечиваться“.

Когда я говорил о бурной отрицательной реакции некоторых диссидентов, я прежде всего имел в виду статьи Льва Наврозова, опубликованные на английском языке в газете «Нью-Йорк Сити Трибьюн» и перепечатанные в некоторых русскоязычных изданиях. Критика Льва Наврозова очень резкая, но и очень односторонняя. Это критика диссидента-западника и совсем не касается интересов России и русского народа, а только интересов Запада, в частности Америки. Наврозов разоблачает марксистско-социалистическое лицо Сахарова, но абсолютно не замечает, что Сахаров, формально русский, весьма мало интересуется Россией и для дела русского национального и религиозного возрождения не только человек бесполезный, но и вредный.

Как можно охарактеризовать Сахарова? Мне кажется, как человека, находящегося в тройном плену.

До своего примирения с Горбачевым, Сахаров был в первую очередь в физическом плену, в ссылке (или „изоляции“) в Горьком. Но какая это была ссылка! Это не село в Горно-Алтайской области и не Мигунь – место ссылки Игоря Огурцова, в лесах и болотах. Горький – город с миллионным населением, и Сахаров жил там с полным комфортом. Советская власть марксиста-ленинца не очень обижала.

Второй плен, уже духовный – это плен у внутренних политических сил, чуждых России и ее интересам. Кого только, например, не защищал Сахаров в своей правозащитной деятельности: и крымских татар, и евреев, и украинцев-сепаратистов, и грузин – только русских фамилий встречается среди его подзащитных очень мало, да если и есть, это люди западническо-либерального толка. Не слышали мы ни разу, чтобы Сахаров проронил хоть одно слово в защиту Огурцова, Леонида Бородина – подлинно русских людей, борющихся за национальное возрождение России, за русскую православную веру. Как я уже говорил, Сахаров, хотя по происхождению, этнически

– русский, интересы России, русского народа ему глубоко чужды. Видимо, в этом отношении на него пагубное влияние оказывает его жена, Елена Боннер, да и диссидентские круги, с которыми он общался, состоящие в большинстве своем из людей не русской национальности.

Третий плен – это западнические убеждения Сахарова. Он типичный либерал-западник, который наивно как-то совмещает марксистские идеи и социалистический общественный и экономический строй с либерализмом в области прав человека. Как ни странна это комбинация, мы видели предреволюционные русские интеллигентские круги, находившиеся в таком же идейном плену, как и Сахаров. Да и в настоящее время на Западе немало таких наивных людей среди интеллектуалов, не только гуманистариетов, но даже среди научных работников и даже политических деятелей. Но если этим западным недотепам можно простить, то человеку, пережившему сталинщину и вообще испытывавшему на себе, что такое советская власть, такие заблуждения непростительны.

Что изменилось после возврата Сахарова в Москву? Да очень немного. Он остался в плену западнических идей. Его отчужденность России и русским интересам не изменилась. Единственно, устранен **физический** плен, но заменен он пленом несравненно худшим – пленом **духовным**. Пойдя на компромисс с советской властью, Сахаров будет думать о том, как бы снова не порвать с ней, на него ляжет гнет самоцензуры.

Почему Сахаров пошел на такой шаг? Некоторые уверяют, что его убедила это сделать Елена Боннер – побывала, мол, на Западе, увидела, что от Запада проку мало, и решила, что лучше держаться Горбачева. Возможно, что и так. Мне же кажется, что Сахаров давно уже мечтал о примирении – как мы видим, с советской властью ему спорить не о чем. Выпустил Горбачев некоторое количество политзаключенных (конечно, не в угоду Сахарову, а для международного престижа), не то проводит всерьез, не то делает вид, что проводит экономические и социальные реформы – вот и есть предлог для

оправдания своего шага.

Диссиденты, конечно, огорчены. С одной стороны, престиж их резко снизился. С другой – обидно, обскакал Сахаров их, ведь большинство из них такие же марксисты и социалисты, как и он, и готовы были занять этакое положение „официальной оппозиции“. Диссидентская деятельность вся была пронизана этим духом, начиная от их коронного требования, адресованного советской власти: „Соблюдайте свою конституцию“. Конституцию, в которой записано положение о ведущей роли партии...

Мы же, русские националисты, можем только радоваться, что открылось воочию всем подлинное лицо Сахарова. Конечно, было бы лучше, если бы это лицо было иным, подлинно русским, – но лучше горькая правда, чем приятный обман. И наука нам – следующий раз, когда нас позовут демонстрировать за одного или другого диссидента, подписывать петицию или делать еще что-либо подобное, то мы хорошенько посмотрим, что же это за человек и что он проповедует. Мы уже сейчас ученые, нам теперь ясно, что человек с материалистическо-атеистическими воззрениями, социалист, а тем паче, марксист, не может быть последовательным и бескомпромиссным противником советской власти.

Мне же лично очень жаль Андрея Дмитриевича Сахарова. По мне, он простой, бесхитростный человек (и гениальный физик), наивный и доверчивый, которым играют чуждые и ему самому, и России силы. Человек, который добровольно обрек себя на участь слепца, которого мнимые друзья ведут к пропасти. Пожелаем ему скорейшего прозрения.

II. Ненавидящее слово

В России произошло событие, на первый взгляд не такое крупное, но имеющее громадное значение: столкнулись два ненавидящих слова.

Одно ненавидящее слово скрытное, если не подлое; слово лживое, слово ненависти к русскому народу. Слово инспирированное страхом перед нарастающей волной, перед девятым валом народной памяти, народного гнева.

Другое ненавидящее слово яростное, грозное слово отказа от лжи, отказа от жизни во лжи, слово народной памяти, сметающее ложь.

Я говорю об обмене письмами между историком Натаном Эйдельманом и писателем Виктором Астафьевым. Иба эти письма напечатаны в № 25 «Вече». „Анкетные данные“ о себе Натан Эйдельман приводит в своем письме. Виктор Астафьев – писатель, написавший потрясающий всех читателей роман „Печальный детектив“, горький, но предельно правдивый, и рассказ „Ловля пескарей в Грузии“ – вещь, которая послужила Эйдельману отправной точкой для его письма.

Переписка эта имеет огромное значение для понимания того, какой глубокий ров пролегает между двумя частями подсоветской интеллигенции, основное различие между которыми, – отношение к России, к русскому народу, к русской истории, к русским духовным ценностям. Этот ров полностью совпадает с тем разломом, который мы видим в эмиграции между русскоязычными писателями и политическими деятелями – русофобами и русскими писателями (среди которых есть и „русскоязычные“ в том смысле, что они этнически не русские), которые работают над русским национальным и религиозным возрождением. Мы уже привыкли к диким наскокам на Александра Исаевича Солженицына вообще и к обвинениям его в антисемитизме за то, что он написал правду о Богрове, убийце Столыпина, сказал, что Богров был еврей. Мы привыкли к тому, как Андрей Синявский рьяно, на всех углах поносит Россию, русский народ, клеветает всюду, по всем иностранным приходам на русские национальные силы как в России, так и за рубежом. Мы привыкли к тому, что третьеземлигрантские борзописцы провозглашают писанину маркиза де Кюстина истинным свидетельством о России и т. п., и т. п. Переписка между

Эйдельманом и Астафьевым показывает, что в России сейчас есть два разлома: один между сторонниками советской власти и ее противниками, второй – между западниками, в значительной своей части русофобами, противниками – по разным причинам – русского национально-возрожденческого движения, и деятелями национально-религиозного возрождения.

Многие осуждают Астафьева за резкий тон его ответа. Но такой тон и оправдан, и вынужден. Эйдельман не только критиковал рассказ Астафьева „Ловля пескарей в Грузии“, он всячески порочил Астафьева как человека, с ехидцей, с „подковыркой“, старался уязвить его с высоты своего величия человека „окончившего МГУ, многолетнего работника музея, школы, специалиста по истории XVIII-XIX века“. Даже от гнусного намека на физический недостаток Астафьева не воздержался (Астафьев почти слепой – после войны). Он ждал, что в ответ на свое письмо, предназначенное, конечно, не Астафьеву лично, – хотя и начинается оно с личного обращения, – а для определенных кругов советской интеллигенции, так как дальше об адресате пишет он в третьем лице, получит такой же ответ в стиле язвительной салонной дискуссии, где за словоблудием теряется смысл. Но он ошибся. Получил он оглушительный удар дубиной в переносицу, поставивший всё на свои места. И попытки уязвить противника, и попытки лгать и клеветать на Россию, на русский народ, мудрствуя лукаво, и вся ложь и все хитросплетения освободили место для голой правды, страшной правды о царубийстве и детоубийстве в Екатеринбурге, о сталинских лагерях, о растлении души народной, об ответственности за все случившееся. Когда я читал эти два письма, мне вспомнились слова Льва Толстого из „Войны и мира“ – о Наполеоне, который пошел в Россию, чтобы провести там изящную дуэль на шпагах, а русский мужик встретил его не то дубиной, не то оглоблей (не ручаюсь за точность, но смысл передан правильно). Изящная дуэль на литературных шпагах у Эйдельмана не вышла. Пришлось выслушать то, что та-

ким людям, как Эйдельман, в Советском Союзе слышать непривычно.

Многие люди, комментирующие ответ Астафьева, уверяют, что он антисемит. Это неверно. Если бы на месте Эйдельмана был не еврей, а скажем латыш, то ответ Астафьева был бы не о еврее Юровском, а о кровавом палаче, чекисте Петерсе или о каком-либо другом латышском карателе. Но латыши помалкивают, по русской пословице: „знает кошка, чье мясо съела“. А еврею Эйдельману почему-то захотелось вмешаться в спор, никакого отношения к евреям не имеющий, вмешаться глупо и несправедливо.

Эйдельман ополчился на два основных момента в рассказе Астафьева: на его, Астафьева, отрицательное отношение к грузинам, спекулирующим фруктами и цветами по всей России, и на описание Астафьевым осквернения монголами храма в Грузии.

Первый момент, – осуждение спекулянтов, – вызвал инцидент на съезде писателей в прошлом году. Грузинская делегация даже покинула зал заседаний при обсуждении этого вопроса. Видно, это расхрабрило Эйдельмана и он решил подлить масла в огонь. Смысл его высказываний (он даже приводит цитату из Пушкина для поддержки своего мнения), что критиковать грузин могут только сами грузины.

С такой точкой зрения можно было бы, с некоторой натяжкой, согласиться, если бы грузины спекулировали в Грузии, у себя – мол, чисто грузинский внутренний вопрос. Но эти грузинские (и не только грузинские, но и узбекские, и молдавские, и украинские, и русские с Северного Кавказа и из Крыма спекулянты обируют русских, пользуясь их бедственным положением. Во время дискуссии на съезде писателей один делегат из Средней Азии пожаловался, что в литературе создан стереотип южного человека-спекулянта, в кепке невообразимых размеров, наглого и жуликоватого. Увы, такой стереотип есть, и в представлении русского народа имеются два совершенно непохожих друг на друга стереотипа грузин:

один, как о людях мужественных, честных, гордых, гостеприимных и очень талантливых; другой – как о бессовестных, наглых обиралах. К сожалению, со вторым типом русский народ встречается чаще (не потому, что их больше, а потому, что „положительные“ грузины, в основном, сидят дома, а спекулянты шныряют по всей стране). Достаточно зайти на любой рынок, чтобы увидеть там эти наглые рожи – иначе не скажешь – занявшие добрую половину рынка. Для того, чтобы понять, как к этим людям относится народ, можно бы посоветовать Эйдельману спросить своих же единоплеменников, московских евреев. Грузинские спекулянты – это не только Грузия, это горькая, неприятная сторона жизни русского народа в советских условиях, и непонятно, почему об этом не может писать русский писатель.

Но внутренний смысл требования Эйдельмана, что о недостатках какого-либо народа имеют право говорить и писать только люди из данного народа (кстати, правом этим они пользуются очень редко, а то и вовсе не пользуются), значительно серьезнее проблемы грузинских спекулянтов. Тут снова нужно вспомнить пословицу о кошке и мясе, которое она съела. Очень, очень многим кошкам не хочется, чтобы вспоминали, чье они мясо съели. Одним кошкам не хочется, чтобы вспоминали, кто был цареубийца Юровский, другим – кто был палач Петерс. Хочется замолчать, замазать преступления совершенные единоплеменниками, а для этого надо прежде всего лишить права других говорить об этом.

Во втором вопросе, – об осквернении церквей, – Эйдельман становится просто провокатором и лжецом-русофобом. Разрушение и осквернение православных храмов монголами – исторический факт, не только в Грузии, но и по всей Руси. Так почему же русские не могут говорить об этом? Или вообще надо молчать о том, что было татаро-монгольское нашествие, что двести сорок лет русский народ терпел издевательства и унижения, смерть и рабство? Разве дружба народов может быть куплена ложью? Зачем Эйдельману натравливать на русских каза-

хов, бурятов „и других монголоидов – калмыков, крымских татар“ из-за того, что грузинский народ еще не потерял памяти о величайшем несчастье в его истории? Не потому ли он это делает, что ненавидит русский народ, из-за того, что боится народной памяти, памяти не о том, что было семь с лишним веков назад, а о том, что было в нашем, двадцатом веке?

Кстати: неплохо бы Натану Эйдельману, окончившему МГУ и прочая, и прочая, знать, что крымские татары не монголоиды.

Русский народ умеет оценить свои поступки и покаяться в них. Пример приводит сам Эйдельман, цитируя Льва Толстого. Прекрасно, что именно грузин Абуладзе и грузинские актеры создали фильм „Покаяние“, – не только осудив своего преступного земляка, Сталина, но как бы попросили прощения у грузинского и других подсоветских народов. Натану же Эйдельману следует посоветовать, чтобы повнимательнее прочел Солженицына и понял, что единственный шанс на спасение для всех состоит в покаянии. И чтобы изгнал злобу из чрева своего, потому что времена и сроки силы ее, этой злобы, прошли. Сейчас времена ярости народной, и горе тому, кого накроет волной этой ярости.

Но Эйдельман не только в этом вопросе проявляет свою безграмотность (или нарочито лжет, путает карты). Для того, чтобы показать, что русские не лучше татар, он ссылается на Карамзина, который писал о разгроме цветущих провинций Римской империи „северными варварами“. Так Натан Эйдельман хочет нас уверить, что среди этих „северных варваров... важнейшую роль играли древние славяне“. Окончившему МГУ следовало бы знать, что истории точно известно, кто грабил и разорял Рим и римские провинции, кто был Аларих, а кто Гензерих, а кто Одоакр, и что если среди вестготов, вандалов, герулов и прочих и были славяне, то только как покоренное племя. Но русофобу Эйдельману ложь не претит: славяне стали „важнейшими“ разорителями Рима. Как же после этого, – по Эйдельману, – относиться с уважением и

любовью к русским, этим потомкам древних славян?

Но значение всех этих русофобских экзерсисов невелико. Эйдельман не первый и не последний в этом амплуа. Гораздо большее значение имеет ответ Астафьева, в котором сказаны вещи, немыслимые до сих пор в Советском Союзе. Это письмо замечательное по своей силе и убедительности. Его надо читать и читать, вдумываясь в смысл каждого слова, в правду каждой мысли. А мысли таковы:

Русский народ возрождается духовно. У этого возрождения появились враги. Значит, это возрождение настолько сильно, что пугает врагов России, врагов русского народа.

Астафьев указал всем, в том числе и Эйдельману, что русский народ хочет, чтобы его духовная, культурная жизнь была в его руках. Что комментировать дневники Достоевского он будет сам. И что так неизбежно будет, и что русскому народу не нужна инородная опека и инородная ложь в его культурной жизни.

Что русский народ, „все еще народ **большой**, и нас еще мало убить, но надо и повалить“. И что „мы, русские, еще не потеряли памяти“. Этого-то больше всего боится Эйдельман, поэтому он и затеял эту переписку.

Как пример этого сохранения памяти, Астафьев приводит убийство царской семьи. Астафьев затронул тему, которая была под строжайшим запретом в Советском Союзе. И как затронул! Безвинно расстрелянную дочь царя поставил в пример христианской любви и всепрощения.

И напомнил Эйдельману, что если он (или его отец, не очень ясно) был в лагере, то это, помимо прочего, последствие того злодеяния, которое совершил Юровский.

Астафьев поставил ребром вопрос об исторической ответственности каждого человека, каждого народа за то, что произошло на нашей родине. Напомнил, что увильнуть никому не удастся, переложить вину на другого не допустит народная память. Не для мести, а для исторической правды. А то слишком много людей, слишком

много народов рядится в белоснежные ризы невинности. Слишком много людей, слишком много народов старательно обливают грязью ризы русского народа, не белые, а залитые кровью, пропитанные слезами. И заявил всем во всеуслышание, что русский народ имеет право и хочет быть самим собой, жить своим умом, вдохновляться своим прошлым, своими православными идеалами, служить своему будущему. Мне кажется, что значение этого письма, такого короткого и немногословного, огромно и последствия его необозримы.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Владимир О с и п о в

Лгущее искусство или лгущая критика?*

В «Московском художнике», газете малотиражной и до сей поры незаметной, выступили вооруженные дубинами искусствоведы: В. Костин, В. Мейланд, М. Чегодаева («МХ» от 22.8.1986). В. Кисунько проторил им дорогу. Его статья в «Советской культуре» (10.7.1986) – черная перчатка русскому национальному самосознанию. „Неизменную сомнительность концепции“ обнаружил Кисунько в творчестве И. С. Глазунова. Сам критик „предпочитает первоисточники – мотивам, проблемы – жонглированию ими“. Заявлено с апломбом: сам Кисунько, видите ли, решает проблемы всерьез, по-умному (есть такое ходячее выражение) а Глазунов, дескать, не дорос до уровня. Первоисточники! Может быть, храм Христа-Спасителя ему дороже? Или те памятники, что отстаивал Глазунов? Илларионово „Слово о законе и благодати“? Любителям первоисточников так „предпочтительно“ это Слово, что оно по сей день не опубликовано на современном языке. И потом – что мотив и что – первоисточник? Всю живо-

* Печатается без ведома и согласия автора.

пись можно назвать мотивом. Все искусство. Одни библейские мотивы занимают половину музеев. „Он (Глазунов – В. О.) распознал нарастающий вал интереса к отечественной истории...“ Художник **способствовал** в огромной степени нарастанию указанного интереса. В числе первых он повел борьбу за сбережение памятников истории и культуры. Заслуга Глазунова на ниве возрождения, как и заслуга Солоухина, Лихачева – „молодогвардейцев“ рубежа 60-70-х годов не вызывает сомнений. Ни одно его выступление в печати („калейдоскоп безудержной рекламы“) не обходится без напоминания о гибнущих памятниках или озабоченности разгулом безродности. В „безудержной“ рекламе России художнику действительно не откажешь. Но кисуньки, они не русофобы. Они только против „кваса“, против живого и жертвенного чувства. Все, что идет от преданности Отечеству, для них – „псевдо“. Не нравится им якобы „только“ псевдо-Русь. А настоящую – подавай? Это как настоящую: без народа? Что эта чернь! Им хоть ГУМ подпирать, хоть Манеж. Прямо по Гете: „Что суетится народ, что кричит? – Прокормиться он хочет“. Долгие очереди к картинам Глазунова наглядно показывают, что художник этот не по одному лишь званию, как некоторые, а воистину народный. И это так страшит Чегодаеву, что она живописцу и в живописи отказывает. Наскоки художественных критиков на Глазунова сродни полузабытым нападкам литературных критиков (с циркулем и отвесом) на Достоевского. Те тоже отказывали великому писателю в мастерстве. У Глазунова и Достоевского то общее, что оба **горят** поглотившей их идеей, и это пламя так вырывается из полотен одного и романов другого, что кого не опалит огонь, не тронет и форма. Впрочем, нападают чаще не праздные формалисты, а четко знающие свою историческую задачу мастера. Они поднаторели в словах. Пикассова „Герника“ с нездоровым любопытством к разъятой плоти, по мнению таких же „эстетов“, – шедевр, а „Возвращение блудного сына“ с высоким духовным смыслом и истинной болью – „клубничка“.

Юона любит народ, а Глазунова – массы. У Дейнеки и Сикейроса есть „плоть“ живописи, а у Глазунова, оказывается, „нет“. И откуда у таких выпренных эстетов столько вдруг плотоядности?!

Почти в тех же выражениях в другом веке другие критики поносили Крамского. По свидетельству В. В. Стасова, „знатоки фельетонные“ писали, что портреты Крамского „блещут отсутствием... выразительности изображения“, что среди его полотен „нет ни одной почти картины“, что талант художника иссяк, обратившись „в подчиненную роль исполнителя заказов“. А как почтительно Кисунько величает Корина в противовес Глазунову. Да будь Корин жив, расклевали бы его всей трупой Кисунько, Мэйланд и Чегодаева! Отняли бы и талант, и ум, и способность к рисованию. А пока хвалят, потому что „неизменной сомнительностью концепции“ он не опасен, ибо лучшие творения Корина одиноко ютятся в обыкновенной квартире, неведомые ни народу, ни массам. Впрочем, Костин и Мейланд знаменательно проговорились: „Очень тяжелый осадок остается от фактической дискредитации прогрессивных времен „эстрадной“ поэзии, к которым Корзухин произвольно приобщает Глазунова“. Выходит, дело вовсе не в „массовой культуре“! Операция „Ы“: сначала отбросить в „массовую культуру“, а если кто примет это за чистую монету (как наивный Корзухин), то внести „исправление“, лишив Глазунова всякого места в искусстве. (Кстати, кто у нас пишет энциклопедии? Почему „эстрадный“ поэт А. Вознесенский есть в БСЭ, а Илья Сергеевич Глазунов в ней отсутствует?). И пусть проповедуют вселенский надлом, относительность долга, безродность и трын-траву, такое „массовое искусство“ они оправдают и благословят.

Поразителен накал ненависти к великому русскому художнику: „Страсти по Глазунову“. Аргументация практически отсутствует, в наличии одна скучная монотонная брань. Задача проста: чёрнить неустанно, что-нибудь да останется в ушах. Вот так: „Очень смущает и та легкость необыкновенная, с которой автор сталкивает „романтиче-

скую метафорику“ Глазунова с искусством Головина, Добужинского, Сомова...” Это Костин и Мейланд одергивают критика Корзухина, пытавшегося сказать что-то положительное о Глазунове. Чего стоит, например, одно лежащее на поверхности сравнение эклектичного глазуновского „Прощания“ с картиной... „Вот так, походя, небрежно“; „эклектичного“! Корзухин, по мнению критиков, пытается „пространно разглагольствовать о почвенности“ и „самобытно-национальном, простонародном сознании“. Когда за „круглым столом“ секции критики и искусствознания МОСХ РСФАР (29.7.1986) восхваляют ту тенденцию в искусстве последнего столетия, которую сами же именуют „прогрессивной, высоко-профессиональной, **космополитически-планетарной**“, то они не разглагольствуют, а глаголят. Да тут страсти не по Глазунову, а по Костину-Мейланду! В поисках авторитета „критика“ извлекла из частного письма Фаворского какой-то женщине мнение по поводу выставки И. С. Глазунова 1964 года: „Есть искусство не только ложное, но и лгущее“. Было бы лучше для чести покойного ксилографа не извлекать из архива сие крылатое выражение с посвистом летучей мыши. Теперь геростратова известность Фаворского оспорила в нем (пусть скромного) художника. Но для хулителей Глазунова крылатое выражение это „*Deus ex machina*“ греческой трагедии (для искусственного разрешения конфликта): „Именно так и воспринимается нами душераздирающая патетика творчества Глазунова“.

„Сергий Радонежский“, „Господин Великий Новгород“, „Портрет Н. В. Гоголя“, „Русский Икар“, „Легенда о царевиче Дмитриии“, „Борис Годунов“, „Загорск“, „Русская земля“, „Летописец“, „Два князя“, цикл работ о Куликовской битве, иллюстрации к Мельникову-Печерскому и Достоевскому – все это не может оставить равнодушным человека ищущего, думающего, стремящегося определить свое отношение к духовным ценностям. И в то же время все это – „душераздирающая патетика“ для тех, кто подобно Троцкому, проклявшему русский патриотизм, при всяком удобном случае изрыгает на него (прямо и

косвенно) каскад ненависти. Таков и пасквиль С. Шевчука («Вечерний Ленинград» от 13.10.1986), особо разгневанного присутствием Христа и русских подвижников на полотнах Глазунова. Столетиями, по его мнению, русские жили в дикости и невежестве. И это пишется о России на русском языке, для русских читателей! Творчество Глазунова в его исторической национальной панораме органично включает в себя прошлое и настоящее России. Сергей Радонежский естественно соседствует с героиней „Вечера на БАМе“ – тоже прямодушное и нелюбезное служение Отечеству. Разъединить эти образы идейно и стилистически – вот задача тех, кому Родина – не мать. У кого вместо Родины – „космополитически-планетарная“ химера. Именно так расценили, в частности, пасквиль Шевчука сотни ленинградцев, засыпавших редакцию „Вечерки“ гневными письмами за оскорбленное национальное достоинство.

Костин и Мейланд сетуют на портреты Глазунова: „В них нет даже намек на острые и точные характеристики. Все они словно подернуты лживым романтическим флером“. Поиск духовно прекрасных лиц действительно характерен для художника. В этом поиске сквозит тоска живописца по России совершенной, по идеалу. Его картины, включая портреты, увлекают к той широте, немеркантильности и правдоискательству, каковые были исторически свойственны нашему народу. „Нацией воров и пьяниц“ назвал русских Андрей Синявский. Что ж, если писать портреты, полные „острых и точных характеристик“, то, может быть, писать их сквозь очки Синявского? За это ратуют Костин, Мейланд и Чегодаева?

Характерно единство в ненависти к Глазунову лиц, казалось бы, полярно противоположных взглядов. Искусствовед Голомшток в передаче по „Свободе“ бичует Глазунова с псевдолиберальных позиций, а Костин и Мейланд – с псевдогражданской трибуны призывают дать Глазунову „должную общественную оценку“, которую Чегодаева и дает: „просто реакционный 'китч'“. Что же связывает ревнителя абстракционизма Голомштока и

стойких соцреалистов (по должности) в обход политического штатетника?

Раннего Глазунова с его изображением внутреннего личного мира, интимных взаимоотношений, одиночества в многолюдном городе, корили за „мелкотемье“, отход от важных социальных целей. Но по крайней мере его не обвиняли в отсутствии мастерства или псевдочеловечности. Стоило художнику масштабно обратиться к теме России, как сразу выросли судьи и прокуроры, вынесшие свой безапелляционный приговор: это – не художник. Святая простота немеет: как язык поворачивается называть белое черным?! Ничего, поворачивается – и довольно бойко. При этом против мнения других искусствоведов, равно как и против мнения сотен тысяч зрителей – высокомерная спесь. Чегодаева итожит обвинительное заключение: „Итак, перед нами непреложный факт: многие сотни зрителей усмотрели в творчестве данного художника ценнейшие качества – духовность, красоту, обращение к философско-нравственным проблемам, чувство России, внимание к русской художественной традиции и т. п.“ Нет, дескать, у Глазунова ни красоты, ни духовности, ни чувства России. Было время, когда это чувство приходилось таить. Теперь это время прошло. И поэтому сегодняшние вышибалы бьют не за русскость, а за якобы псевдопатриотизм. „Сверхрусскими патриотами“ именует Мейланд тех, кто не следует Шагалу, Фальку, Малевичу, кто держится исторических корней и традиций («МХ» от 24.10.1986). И бьют уже всех подряд: И. Глазунова, К. Васильева, А. Шилова... Между прочим, Чегодаева, оценивая „Возвращение блудного сына“, пренебрежительно бросает: „Позади Христа – „праведная Русь“: Толстой, Достоевский...“ (Кстати, где она там Толстого узрела?). Праведная Русь не по вкусу. Вот в чем загвоздка. С этого бы и начинать. А не мудрить по поводу „массовой культуры“. Коль пошла такая пьянка, не добавили ли „до кучи“ Есенина и Твардовского, этих любимцев народа или – в переводе Чегодаевой – массы? Ведь они куда популярнее и доступнее, чем Фет и Блок. И не пред-

ложить ли украинцам перевести в тот же разряд прославленного Шевченко?

Антиглазуновское ополчение сознает значимость и высоту Глазунова. Поэтому и воюют ретиво, не переводя дыхания. Извратить, высмеять, оболгать, унижить, охаять любым способом: „реакционер“, „черносотенец“, „приспособленец“, „просоветчик“, „бездарность“, „делец“ – хула фабрикуется для использования любой социальной группой у нас и на Западе, хула на любой вкус. Это упорное и длительное ожесточение теперь вооружилось гласностью и, пользуясь моментом, атакует всеми средствами. Чувствуется одна дирижерская палочка. Публикации в «Московском художнике», «Советской культуре», «Вечернем Ленинграде», «Смене», смешки в телепередаче „Вокруг смеха“, „смелые“ уличные демонстрации („Глазунов – вон из Ленинграда!“, „Вон из Союза художников!“), вопли на специально организованных заседаниях критиков – все это подчинено единой цели: морально убить Глазунова, уничтожить влияние самобытно-национального творчества художника и всей его многогранной деятельности. На одном из таких заседаний (упоминавшийся выше „круглый стол“ критиков МОСХ РСФСР 29.7.1986) экс-редактор журнала «Творчество» Ю. Нехорошев объявил Глазунова „идолом“, сотворенным неразвитым вкусом народа, а сотрудник ВНИИ искусствоведения А. Якимович, автор теории двух тенденций в современном искусстве (прогрессивной, космополитически-планетарной и патриотической, именуемой им „узко-националистической“), связал творчество Глазунова с фашистским искусством. Совсем зарпортовались – выходит, «Правда» защищает фашиста?! Одинокий А. Д. Корзухин, вызванный на ковер китами искусствоведения, отбиваясь от нападков за робко положительную статью о Глазунове, был заглушен воинственными криками с мест и лишен слова. Так понимают эти „антифашисты“ провозглашенную гласность. Гласность для себя, намордник – для патриотов. Редакция газеты «Вечерний Ленинград», поместившая грубый смердяковский опус С. Шевчука, не

только не извинилась перед читателями, но и еще готовит пилюлю: „обсуждение“ этого опуса, – репетируя подобранных ораторов. А Чегодаева и Ко перешли к активной лекционной пропаганде против художника. Уместно заметить, что ей вполне способствует снобистская уклончивость некоторых интеллигентов, имеющих „особое“ (от либеральной моды) мнение о художественных средствах Глазунова,

Один ленинградский ученый (доктор медицинских наук Л. Л. Гречишкин), возмущенный пасквилем Шевчука, напомнил редакции «Вечернего Ленинграда», что „досужие критики все хоронят и хоронят художника Глазунова, все уверяют нас, что это массовая культура, что это искажение истории и действительности – а он вот уже 30 лет продолжает творить, оставаясь верным себе, и народ все идет и идет на его выставки...“ А на глумливое отношение Шевчука к религии предков, ленинградец ответил с достоинством настоящего патриота: „И не пугают нас христианские образы на его картинах“.

Они пугают только лгущую критику. „Квалифицированную“, космополитически-планетарную, как она сама себя сознает. Успевшую за последние полтора-два десятилетия овладеть ключевыми позициями в русском искусстве, которое она и не любит, и не понимает.

г.Таруса. Ноябрь 1986 года.

От редакции. Большинству читателей «Вече» недоступны статьи, с авторами которых полемизирует В. Осипов. Мы воспроизводим одну из этих статей, – „С моей кровавой головой“, – опубликованную в газете «Вечерний Ленинград» от 13 октября 1986 г., чтобы ознакомить интересующихся с типичной реакцией большинства органов советской печати как на творчество И. Глазунова, так и на грандиозный успех выставок художника.

С моей кровавой головой

Илья Глазунов... Слава сопутствует ему, молва обгоняет его; искусство его нравится. Нравится многим тысячам. Не один современный советский художник не имеет такого грандиозного успеха. Что ж, будем мерить его творчество самыми высокими мерками. Будем искать в его картинах духовность, высокий нравственный идеал. Мечту и призыв к совершенствованию. Добро и любовь. Образ современности и дней давно прошедших – Истории. Боль и сострадание. Правду жизни – нелицеприятную, честную. Искусство освещающее, щедро льющее свет. А выше всего, главным мерилом, поставим правило, сформулированное Пушкиным: ценить художника „по законам им самим над собою признанным“.

Экспозиция живописи Глазунова открывается работами 50-х годов. Но зрелый, „настоящий“ Глазунов – это следующее десятилетие. Это монументальные красочные полотна. Подходишь к ним, смотришь... И получаешь сильнейший удар, жестокую встряску. Картина так беспощадно бьет в самые уязвимые места: в сердце, в жалость, в любовь, в милосердие... Лежит убитое дитя, плоское, словно раздавленное катком. Это тело царевича Дмитрия с огромной, как разинутый беззубый рот, раной на шее. Рана сочно алеет, рана поглощает все внимание зрителя...

В картине „Былина“ идет скорым, решительным шагом огромный мужик в посконной рубахе и лаптях, рядом с ним мальчик. Несет мужик, прижимая к груди, собственную отрубленную голову. Нет, не о былинном чуде рассказывает художник, не о сверхестественном деле, какое может совершить человек, сражающийся за родную землю. А представлен словно бы цирковой фокус: вот, глядите: без головы, а идет. И не поэзия древнего сказания, не наивная простота русича, желающего как чуда, освобождения своей Родины, становится смыслом картины, а

голова, прижатая к рубаше, шея, ее окровавленный срез, багровое человеческое мясо, жилы и хрящи, выставленные на показ.

В картинах на историческую тему кровь льется рекой... А помимо этого – грозные цари с пустыми глазами, убогие старухи, монахи, церкви, святые, Христос. Какая страшная, дикая, пустая и пустынная в картинах Глазунова русская земля! Нет в ней созидания, подвига, обыкновенного труда, человеческих отношений. Нет в этом образе Отечества ничего, чем мы могли бы гордиться сегодня. /.../

Нет, никак при всем желании не найти в исторических полотнах высокого строя мысли, знания родной истории, желания создать героический образ наших предков, с которых все и началось. Вариант истории, предлагаемый Глазуновым, тиражированный в десятках картин, оставляет нас без духовных, национальных корней. Какие могут быть корни, если на Руси ничего не было? Если убеждают зрителя в том, что главная фигура отечественной истории – монах в черном куколе с плоским лицом?

Грустно смотреть картины, написанные русским человеком о своей же Родине.

Но может быть, в других, рассказывающих о современности произведениях предстанет интересный, полнокровный, содержательный образ человека?

И вот ходишь среди картин на современную тему, ищешь тех, кого знаешь в лицо, кого встречаешь ежедневно. И не находишь. Потому что окружают со всех сторон, выходят из полотен Глазунова, идут косяками из картин, повествующих о современности... монахи и святые, священники, подглядывает за каждым шагом Христос. И видишь церкви и убогих старушек, которым не дают собирать милостыню, и детей эту милостыню подающих, и ребенка-нищего просящего среди бегущих машин на мосту подаяние. И горящие свечи, кресты, похороны, снова нищих, снова святых. Это все картины о сегодняшнем дне, о нашем времени?! К ним относится и странный паук, коварно вьющий паутину. И сам автор с потерян-

ным лицом, утопающий в бурном синем потоке...

Странная все же жизнь отображена в картинах Глазунова. Соответственно ей и образ человека. В одной из последних картин, в „Прощании“, собирает художник на кладбище самых разных людей. Тут и священник в богатом парчевом одеянии, подвыпившие мужики, распивающие боржоми, босой могильщик в фирменной майке. Но главное лицо – старик, присевший у открытого гроба. Он пришел на похороны в ватнике, приколов к нему георгиевский крест. Почему в ватнике? Почему рядом с царской наградой нет никаких других – ни за участие в Великой Отечественной войне, ни за доблестный труд? Что же это за старик? Представить его в жизни невозможно. Но ощущается некая двусмысленность в образе, намек на какие-то обстоятельства. И словно бы надо читать эту картину „между строк“ и что-то понимать в ней особое. Что?!

В картине „За ваше здоровье“ образ человека яснее.

...Сидит дед в ватнике на фоне плакатов, которыми оклеена стена, с граненым стаканом водки в руке. Сейчас хлопнет он стакан за милую душу, а прежде предлагает присоединиться к компании и зрителю. Мол, тяпнем, товарищи, вот так, по-простецки, за нашу распрекрасную жизнь!

Так сидит он на фоне плакатов, где изображены наши великие достижения: первые пятилетки, Гагарин в космосе – вся история страны, одним махом. И чтобы уж никто не сомневался, что старик этот наш, советский, – на фоне огромного красного паспорта. Получили крестьяне паспорта. Это большая радость, а как радуется советский человек? Глазунов считает, только одним способом, доступным ему: пьет водку.

Таким видит советского человека Глазунов. И обязательно в ватнике. Вероятно, в художническом сознании живописца теперешние мужчины и в праздники, и в будни носят эту теплую и практичную одежду – национальный русский наряд. Да, не доросли, не дотягивают они, видать, до пиджачной пары. Так же, как считает Гла-

зунов, не надо им никакой мебели. А зачем, если они такие советские: оклеят стены политическими плакатами, сядут на табуретки и будут жить да радоваться.

Из какого же окна, проезжая куда и пролетая откуда, увидел современную действительность Глазунов? Почему он показывает ее такой несуразной, уродливой, оскорбительной? Неужто, как жили мы столетия назад в дикости и невежестве, так и сейчас живем? Прозябаем в духовной пустоте и материальной нищете? Кому же на Руси Ильи Глазунова жить хорошо? Видно, не изменилась его Русь, все осталось в ней по-прежнему, как и было. И хорошо тем же, что и раньше: попу с кающимися грешниками да пьянчуге в ватнике.

В каком же веке живет художник? Какими глазами смотрит на окружающую жизнь, что же он видит, ценит в ней, если ничего от этой жизни в его творчестве нет? Жизни противоречивой, созидательной, развивающейся, ищущей, находящей и ошибающейся, героической, той жизни, которой живет уже седьмое десятилетие наша страна, в которой восторжествовали социализм и научное материалистическое мировоззрение.

Около двух полотен, висящих рядом, всегда толпится народ, всегда люди. Они всматриваются в „Возвращение блудного сына“ и в „Гимн героям“. Эти полотна в самом деле интересны, они дают возможность увидеть, как Глазунов представляет себе нравственные начала жизни. Здесь философская программа художника, его кредо, его „верую“. И одновременно – программа эстетическая. Все, на что способны его мысль и его кисть.

Библейский сюжет, рассказывающий о возвращении блудного сына, достаточно известен. Смысл притчи глубокий и человечен. Именно человеческого, а не религиозного смысла искали в ней великие художники. Предшественники Глазунова.

...Свиньи, огромные, сизые, клыкастые, хищные свиньи, с вожделием смотрящие на зрителя, занимают нижнюю часть монументального полотна. В непролазной грязи, в отвесах пожаров, в черной копоти дымов, среди

свиней стоит на коленях молодой человек в джинсах и с голым торсом. Рядом длинный, – уходящий как будто в бесконечность стол, на нем полуразложившиеся человеческие тела и отрубленная голова на тарелке. В верхнем углу портреты великих людей. Тех, кого Глазунов считает самыми великими из великих. Открывается галерея фирменным знаком – личиком конфетной русской красавицы – автоцитатой художника. А потом уже идут Суворов, Достоевский, Гоголь, Менделеев, Пушкин – писатели, композиторы, ученые. Подряд и вместе, без всякой логики, внутренней связи и смысла.

Но главное в центре. Здесь фигура Христа, а перед ней коленопреклоненный молодой человек в джинсах, тот, что жрал со свиньями, сидел за бесконечным столом с отвратительным, вызывающим рвоту натюрмортом. А теперь он просит прощения за все у Сына Божия*, и тот прощая возлагает на него руки. Вот, оказывается, как все просто: окунался в свинство парень, марался о насилие, а пришел к Христу, покаялся – и все, и прощен, и очищен. Ничего больше, оказывается, не надо современному человеку: нравственное возрождение он находит в церкви. Вот так-то!

Так, может быть, Глазунов – художник одной религиозной темы, которую он столь навязчиво предлагает современному человеку?

Нет, и это не вполне справедливо. Другая его картина – „Гимн героям“ – тоже по размеру полотно монументальное. На ней обнаженный атлет с лицом автора высоко поднимает отрубленную голову античного мудреца. Другой рукой он сжимает длинный острый меч. Еще один мужчина, поверженный, опрокинутый на спину, лежит беспомощно у его ног... Победитель горд своим триумфом. Его наготу прикрывает крылом хищная птица – царственный орел, которого не любят все завоеватели и насильники. Вдали портик Парфенона. Вавилонская башня, на которой растет башня Татлина. И... фигура Христа. И над всем катится холодная луна.

* В газетном тексте с маленькой буквы.

Гимн героям... Но за что же гимн этому герою, отрубившему чью-то мудрую голову? За что нам его прославлять? За то, что он уничтожил эллинскую культуру, античность, приготовил пути христианству? Это гимн насилию, жестокости, холодный, безжалостный. И смысл хвалебного песнопения в том, что не ход истории естественно движет культуру, а грубая сила. И меч в руках равнодушного атлета есть оружие прогресса.

Итак, вот круг тем и образов, из которых не выходит историческая мысль художника. Отрубленная голова, меч или финский нож, фигура Христа. Но какое отношение все это имеет к действительности, к духовным запросам людей, к современному искусству? Нет в работах Глазунова ни духовных, ни нравственных ценностей, ни правды жизни. Ни света подлинного искусства.

Глазунов предлагает очень комфортный, легко потребляемый вариант живописи, который вызывает приятное чувство интеллектуальной и культурной общности. Ведь многим льстит, что в картинах они все понимают. Узнают, например, что царевича Дмитрия зарезали в Угличе, что грозный царь Иван Васильевич головы рубил направо и налево, а Бориса Годунова повсюду преследовал юродивый, вздымая к небесам длинный кривой палец.

Импонируют кровь, отрубленные головы, церковь, кресты. Они не задевают ничего в душах человеческих, потому что сами пусты. Они всего лишь знаки. Но они шокируют, демонстрируют изобретательность, бьют по нервам. Особенно поначалу. А далее делаются приятными. И подлинные страдания далеких предков растворяются в асоциальной эйфории.

Это – массовая культура, культура разменных ценностей. Ей не нужен зритель. Ей нужна толпа, масса, которая может только поклоняться, слепо верить в своего идола. Нужен унифицированный, потребительский вкус. Она не может быть измерена ни одним критерием Искусства. Значит надо судить работы Глазунова по тем законам, которые он сам признает над собой, по законам мас-

совой культуры. И тут он на вершине, тут его полотна соответствуют избранным ценностям. В области массовой культуры, кича Глазунов супер-звезда. Настоящее светило.

С. Шевчук

Генеральному секретарю ЦК КПСС

М. С. Горбачеву

от

Мясникова Алексея Александровича,

129515 Москва, ул. Академика Королева,
д. 7, корп. 1, кв. 65

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Обращается к Вам один из тех, кто является искренним сторонником начатых в стране преобразований. Многие из нас ждали этого оздоровительного процесса, были

убеждены в его неотвратимости и добивались перемен. Жертвами, искалеченными судьбами заплатили мы за право участвовать в перестройке. Но – не дают.

Два года, как новое руководство у власти, год прошел после XXVII съезда партии – срок небольшой, однако вполне достаточный, чтобы изменить отношение к тем, кто пострадал за идеи и убеждения, высказываемые ныне с высоких трибун. Где-то на самом верху отношение меняется: идет амнистия, пересмотр дел осужденных за свои убеждения. Люди выходят из ссылок, тюрем и лагерей с надеждой, готовые к активной общественной деятельности. Большинство из них могут внести полезный вклад в перестройку. В отличие от массы приспособленцев, вьющихся вокруг должностей и кормушек, мы, как и прежде, готовы работать не за страх, а за совесть. Но несмотря на это, а может быть именно поэтому, – не дают работать. Кто не дает? Да те же лица и органы, кто не давал работать и раньше, кто преследовал, сажал, говорил „так нельзя мыслить“. Речь идет прежде всего о так называемых правоохранительных органах.

Мне 42 года. До ареста в 1980 г. я работал старшим научным сотрудником в лаборатории по трудовым ресурсам Госкомтруда РСФСР. Кандидат философских наук, социолог, печатался в специальных и популярных изданиях – около сотни публикаций. Но вот пришли домой с обыском, забрали рукописи, а затем и меня. Инкриминировали два текста: один, написанный в 1977 г. в связи с обсуждением проекта Конституции, квалифицировали как заведомо ложные измышления на советский государственный строй – „злая клевета“ – и обвинили по ст. 190-1; другой, рассказ, написанный в 1972 г., признали порнографическим и обвинили по ст. 228. Ни с одним из обвинений ни я, ни мой адвокат, кстати коммунист, ветеран войны, не согласились за отсутствием состава преступления. Эти сочинения нигде не публиковались, находились дома, никакой клеветы и систематического распространения не было. Тем не менее Мосгорсуд приговорил меня к трем годам лишения свободы – максимальный

срок по ст. 190-1. Инкриминируемые сочинения подшиты в материалы дела, остальные рукописи – рассказы, статьи, дневники, конспекты, записи – незаконно конфискованы под видом „вещественных доказательств“.

Так я лишился свободы и рукописей. Из меня сделали преступника, а прокурор Сербина, поддерживавшая обвинение, получила звание лучшего прокурора Москвы. Мою жену, философа по образованию, заставили уйти с работы, завели для острастки уголовное дело тоже по ст. 190-1, аннулировали прописку, силой выдворили из комнаты, больше года она не могла устроиться по специальности, мы были вынуждены развестись, чтобы ее оставили в покое. Все это делалось с санкции и властью правоохранительных органов – грубейший произвол, но наши заявления и жалобы – глас вопиющего в пустыне.

Так это было, так продолжается и сейчас.

Три года тюрем и лагеря убедили меня в том, что наша исправительно-трудовая система не исправляет, а калечит людей. Это рассадник преступности, отравляющий, деморализующий значительную часть нашего общества. То, что там происходит, не укладывается ни в какие нормы человеческой морали и права. Администрация издевается над людьми и законом в угоду собственной корысти и самодурству. Каково общество, таково и его исправительная система. Если о культуре хозяина судят сначала по отхожему месту, то представление о характере государства дает прежде всего его пенитенциарная система, и пока там не будет порядка, не будет порядка и в обществе. Об этом необходимо сказать, нужны срочные, решительные меры, но эта тема была и есть под запретом.

В 1983 г., отбыв срок, я вернулся в Москву. На пепелище – ни дома, ни работы. Ограничение в прописке. На каком основании? Паспортное управление ссылается на Положение о прописке и выписке в Москве, принятое Советом Министров СССР. Покажите! Нельзя: Положение закрытое, только для служебного пользования. Хочешь верь, хочешь не верь. Я не поверил: если бы

ст. 190-1 попадала под ограничение, администрация лагеря не разрешила бы мне возвращаться в Москву. Приемные Моссовета, ГУВД: ст. 190-1 в списке непрописных нет. Паспортное управление стоит на своем. Успокоили меня в аппарате Верховного Совета РСФСР: „Если вас прописывать, кого же тогда не прописывать?“ „Положение“ так никто и не показал. Характерная ситуация: всевозможные подзаконные, закрытые акты имеют большую силу, чем закон, которому отводится роль фигового листка, прикрывающего произвол. Ограничение в прописке – та же высылка, но только не по суду, т. е. противозаконная. Человек отбыл назначенное судом наказание. Он выходит на свободу. Он должен быть полностью восстановлен в правах, чтобы вернуться к нормальной жизни. На самом деле наказание продолжается: ограничение в прописке, постановка в милиции на учет, гласный или негласный надзор, изнурительные поиски жилья и работы.

Дали направление в Рязань. По закону в течение двух недель должны предоставить работу и обеспечить жильем. Соответствующее заявление я вручил начальнику отдела по труду облисполкома. Обегал десятка два организаций и предприятий. Не берут: ни по специальности, ни рабочим. Почему? Оказывается, надо разрешение органов – „сами знаете каких“. То есть я должен был идти устраиваться по блату в КГБ, как, например, Якир, который после освобождения работал здесь в одном из институтов, куда обращался и я. Ну, не с диссидента же пример брать: пошел на общих, законных основаниях в очередной отдел кадров. И там вдруг обнаружил, что у меня исчезли документы: кандидатский и университетский дипломы, трудовая книжка, направление в Рязань, выписка из приговора. Вечером еще были, а утром нет. (Копии приговора, обвинительного заключения и прочие материалы по делу стащили еще в лагере, незадолго перед концом срока). Документы так и не нашлись. Как и в Москве, в Рязани я оказался не ко двору. А через несколько дней, 28 сентября 1983 г., ВАК аннулировал мой

кандидатский диплом „за действия, не совместимые со званием советского ученого“. Наказание продолжается, лупят теперь без всякого суда и, как говорится, без следствия. Так из меня сделали изгоя.

Прописаться удалось в Калининской области, в сельской местности, живу в общежитиях, скитаюсь на случайных работах: экономистом (временно замещал ушедшую в декретный отпуск), грузчиком, рабочим в геологических партиях, кочегаром, в настоящее время работаю оператором очистных сооружений на турбазе. Отовсюду, разумеется, гонят.

После погашения судимости в августе 1986 г. наблюдательная комиссия Дзержинского райисполкома Москвы приняла решение о предоставлении мне жилого помещения „с ограниченными удобствами“. В декабре я получил ордер. Конец мытарствам? Как бы не так. Милиция не прописывает, соседей предупредили, чтоб не впускали в квартиру – я не мог вселиться по ордеру. Паспортное управление, орудуя от имени комиссии Моссовета, заставило райисполком аннулировать ордер на том основании, что я, дескать, лишен права на жилье. Конституция, закон, орган государственной власти – Советы дают это право, а милиция отменяет – в чьих руках власть? Я обратился в газету «Известия» и к председателю комиссии Моссовета по соц. законности академику В. Н. Кудрявцеву с просьбой рассмотреть работу паспортного управления с точки зрения действующего законодательства. «Известия» прислали заявление в Мосгорисполком. Ответа я не получил. Я написал председателю Моссовета В. Т. Сайкину и первому секретарю ГК КПСС Б. П. Ельцину. Ответ пришел из паспортного управления, от того же лица, действия которого я обжаловал, – отказ. На прием по вопросам прописки в Моссовете, в городской прокуратуре, в ЦК КПСС к ответственным лицам не допускают, суд тоже дела в производство не берет, и только в горкоме партии принял меня заместитель заведующего отделом административных органов В. Ф. Чернышев. Он написал зам. председателя Моссовета Костенко, чтобы меня при-

гласили на комиссию по прописке и разобрались в нарушениях законности, допущенных по моему делу.

Действительно пригласили. Но потребовали копию приговора. Приговор почему-то засекречен. Мосгорсуд дает только выписку. Председатель комиссии зам. начальника ГУВД Н. М. Шаранков разыграл перед членами комиссии сомнительную сценку: Мясников утверждает, что копию приговора ему якобы не дают. (А то он не знает! Ну, взял бы да позвонил.) Он не стал зачитывать ни моего заявления, ни характеристики с места работы. Зачитал выписку из приговора. И возмутился: „Мы боремся с проституцией, у нас честным труженикам жилья не хватает, а тут – преступник, аморальный человек, клеветал на советскую власть – таким не место в Москве!“ Я четыре года назад отбыл наказание, судимость погашена – по какому праву Шаранков принародно называет меня преступником и повторяет обвинительный приговор? Формальное основание отказа – ст. 60 ЖК РСФСР, в соответствии с которой договор найма жилого помещения расторгается с момента приведения приговора в исполнение, если там не проживают члены семьи осужденного. (Вот зачем им понадобилось выселить мою жену! Но это было сделано незаконно. Беззаконие умножает беззаконие.) Я напомнил о ст. 61 ЖК, согласно которой лишение права на жилплощадь производится в судебном порядке – такого судебного решения нет в моем случае. Однако Шаранкову судебного решения и не надо: „Зачем бюрократию разводить?“ Нельзя более точно определить отношение милиции к законодательству: пустая формальность, лишняя бюрократия, закон что дышло. Такова практика, но столь откровенно-циничное признание высокопоставленного милицейского чина да еще при членах комиссии не часто услышишь. А в газетах пишут о демократизации, принято постановление об укреплении законности в органах правопорядка – чего стоят широковещательные декларации и гласность, которые вводят в заблуждение? Мракобесие пока не пробиваемо.

Кстати о гласности. У меня нет иллюзии относительно того, что это открытое письмо будет у нас опубликовано, хотя я пошлю его в одну из центральных газет. Не дойдет оно и до Вас, хотя я направлю его в ЦК КПСС на Ваше имя. Сотрудники, занимающиеся почтой, лучше авторов знают, кому письмо должно быть адресовано, поэтому пересылают письма обычно тем, на кого автор жалуется. Из лагеря я дважды отправлял письмо Брежневу. Первый раз его завернула оперчасть, второй – политотдел Свердловского управления МВД. Выйдя на волю, куда я только не писал, чтобы снять кавычки со слова „воля“ и обрести права гражданства: и Громыко, и в ЦК, и XXVII съезду партии. На жалобы на паспортное управление ответ неизменно поступал либо из паспортного управления, либо из группы прописки Моссовета с тем же результатом. На жалобы на Мосгорсуд, незаконно конфисковавший мои рукописи под видом „вещественных доказательств“, отвечал тот же Мосгорсуд с оригинальным предложением обращаться в вышестоящую инстанцию. Куда выше – ЦК КПСС! Остальные все по порядку пройдены. К Богу теперь что ли? Да я не крещенный. Поэтому в последней надежде я обращаюсь к Вам точно так же, как верующий к Богу: без уверенности быть услышанным и получить ответ. Видно, это зачем-то человеку все-таки надобно. *Um spiro, spiro* – пока дышу, надеюсь.

Единственный способ добраться письму до Вас – публикация. Это у нас невозможно. Если бы письма и статьи на темы, которые я здесь затрагиваю, печатались, произвол наверняка бы убавился и не было бы нужды привлекать Ваше внимание. Темные силы отечественной бюрократии боятся гласности больше, чем Вас. Больше всего на свете они боятся самого света. Больше всего в жизни они боятся самой жизни. Сейчас они лицемерно поддакивают гласности только для того, чтобы никогда ее не допустить. Поэтому у нас пока нет подлинной гласности. И меньше всех в нее верят профессиональные глашатаи – редакторы. Просто ячейки цензурной сети, в которой дохнет наша печать, чуть стали шире, пос-

вежело, легче дышать – вот и вся наша гласность на сегодняшний день. Сеть-то осталась, и на каждого редактора куча начальства, от коего всецело зависим, и оно по-прежнему бдит. Сегодня кое-что дозволено, но где гарантия, что завтра редактор не слетит с работы? Гарантия у начальства, а оно бывает всякое, и настроение у начальства тоже всякое. Такой ненадежной гарантии редактор предпочитает более надежное, испытанное средство – осторожность. Острый материал он никогда не публикует, не получив „добро“ у начальства. Сегодняшняя гласность – это пока что административная гласность, гласность сверху, то, что разрешено, не более того. Подлинной, общественной, народной гласности, гласности снизу как не было, так и нет.

В канун XXVII съезда партии – перестройки и ускорения – «Известия» напечатала криминальную статейку (это у них называется „Репортаж с пристрастием“) „Сапожное дело“. Некто Чилингаров на базе захудалой сельской мастерской организовал производство модной, дефицитной обуви в шесть-семь раз больше планового задания. Не взял с государства ни копейки, но не обидел мастеров и себя, разумеется. Дали ему 8 лет. От мастерской остались рожки да ножки. Орлы милиционеры! – „с пристрастием“ восхищается автор, – разоблачили такую вредную фирму. А нет бы задуматься: почему у нас на скамье подсудимых нередко оказывается тот, кто не на словах, а на деле добивается перестройки и ускорения?

Я написал об этом в «Известия». К чести редакции, они не обиделись, наоборот, предложили подготовить статью по аналогичному хозяйственному делу и дали командировку в Тулу. Там шли крупные процессы, связанные с нелегальным производством и взятками должностным лицам, в том числе из милиции. Статью приняли и запланировали в печать. Но возник вопрос: почему я шесть лет не печатался? Я сказал почему. Редактор схватился за голову. Статью сняли. Я предложил поставить любую фамилию, отказался от авторства, от гонорара – лишь бы статью напечатали. „Никто не возьмет на себя ответст-

венность“, – был ответ. Страх перешиб интересы дела.

Однако быстро опубликовали в «Советской России». Правда, хорошенько отутюжили, выкинули все, что касалось мародерства милиции, недостатков расследования и безумной жестокости приговоров, а обвиненных предпринимателей назвали жуликами. Но остался смысл материала: это такие „жулики“, которые нужны в народном хозяйстве, а не в тюрьме, у которых официальной экономике есть чему поучиться. Принесли даже анкету для поступления на работу – в штат газеты. На 14 вопросе я споткнулся: привлекался ли к судебной ответственности? Дальше заполнять не имело смысла. У меня подготовлено еще три материала, два из них уже набраны – будете их печатать? Обещали печатать и предложили писать. Но с той поры статьи мои не появлялись на страницах газеты.

А зря. В одной из подготовленных к публикации статей речь идет о коррупции калининских властей, отправивших за решетку рабочего, который пожаловался прокурору на хулигана-директора. Рабочего удалось отстоять, но те, кто выступил в защиту, подверглись новым преследованиям и доносам. Не будет опубликована статья: произвол восторжествует и люди будут беспомощны перед ним. Дважды статью ставили в номер – ее снимали. Последний раз снял главный редактор «Советской России» В. Чикин, не объяснив почему. Где же справедливость и гласность?

Вторая статья о конфликте между рабочим и администрацией, разгоревшемся из-за систематических нарушений трудового законодательства, произвола в нормировании и оплате труда, которые выдаются сейчас за реформу в организации заработной платы. Критикуется заводская администрация и Госкомтруд. Заместитель председателя Госкомтруда СССР В. Н. Гаврилов воспротивился публикации – обычная реакция на критику. Редакция сказала, что статья будет напечатана. Но набранная статья так и застряла где-то там, наверху. Кто остановил? Госкомтруд? Судимость моя? Какая разница: всегда найдется управа на

гласность.

Для рассмотрения вопроса о прописке паспортное управление затребовало справку учреждения, которое бы согласилось взять меня на работу. Я обратился по прежнему месту работы – в лабораторию Госкомтруда РСФСР. Все руководство лаборатории „за“, но надо же согласовать такой серьезный вопрос с Госкомтрудом, а он не рекомендует. Кто же меня еще-то возьмет, если родное учреждение не рискует? Кто даст жилье, если свое отобрали? Вот уже седьмой год я лишен жилья и возможности работать по специальности. Седьмой год вне закона или на карательном острие закона. Доносы, допросы, за полгода я получаю кипу несуразных повесток в милицию, прокуратуру, суд. Далее такое положение становится невыносимым и опасным. Если до сих пор я еще на что-то надеялся, то теперь и надежду отняли. Никаких перспектив нормально устроиться. Что же делать? Ждать перестройки? Как долго и во что она выльется, если нельзя в ней участвовать? И что значит ждать? Продолжать скитаться без жилья и работы? Но сколько же можно? „До самой смерти!“ – отвечал протопоп. Но опальный Аввакум жил задолго до революции, а как это звучит через триста лет? Как это совместить с Конституцией, с современным курсом на законность и демократизацию, с недавним Пленумом о перестройке и кадрах? Призывают работать и не дают работать. Амнистируют политзаключенных, а бывшие политзеки по-прежнему поражены в правах. Освобождают из лагерей, а куда? На съедение мракобесам. Как можно жить и работать в таких условиях? Как бороться за оздоровление и перестройку общества? Я не представляю.

Пошел я в Московский ОВИР. Так и так, говорю, не нужен я здесь, только мешаю. Чего мне сидеть на тюремном пайке, на иждивении государства – отпустите. Может там, за кордоном, где-нибудь найду жилье и работу? А вы, говорят, не туда попали: мы отпускаем только к родственникам. Куда же мне обратиться? Этого в ОВИРе не знают. Заявление не приняли. Оказывается, у нас нет,

не создана еще организация для оформления частных выездных дел. То есть вроде бы не возражают, да только рассматривать некому. Сажать есть кому, а выпускать некому. В плену мы родились что ли?

„Учиться демократии“, „Демократия нам нужна, как воздух“ – Михаил Сергеевич, Вы произнесли вещие слова и положили начало историческим переменам. Вы завоевали великое число сторонников в стране и в мире. Противники перестройки в ничтожном меньшинстве, но это всесильная бюрократия, занимающая ключевые позиции в государстве, контролирующая преобразовательный процесс на практике и не желающая глубоких перемен. Их сила в сложившейся системе тотального контроля над обществом, за сохранность этой системы они держатся мертвой хваткой. Их лозунг: перестраиваться, ничего не меняя. И пока они в силе, они способны извратить любые реформы до неузнаваемости, обратить прогресс в свою противоположность. Поэтому преобразовательный процесс сейчас приобретает уродливые контуры некой демократии сверху, полицейской демократии. Перестройка для них – погребушка: побалуемся и перестанем. И действительно все остановится, если граждане не получат реальные права, если не будет настоящей демократии – снизу. И все бы пошло гораздо быстрее и эффективнее, если бы бюрократия не сковывала активность Ваших сторонников. Прекратить перемены она уже не может, но помешать, извратить – на это они не жалеют усилий. В этом легко убедиться хотя бы по крену в сторону госприемки или нарочито запутанного Закона о государственном предприятии.

Вопрос стоит так: либо бюрократия, либо демократия. Пока он не решен, подлинной перестройки не будет, сейчас идет не перестройка, а борьба за перестройку. Новый курс победит лишь в том случае, если удастся реорганизовать систему бюрократического контроля над производством и обществом, если общество победит бюрократа. Первое, что необходимо для этого: нормальная юстиция и гласность. Юстиция должна заложить

законодательную основу нового общества, освободив его от удушающих пут ведомственного псевдоправового регулирования, которым прикрывается бюрократический произвол. Гласность на основе независимых средств массовой информации обеспечит свободный диалог, обратную связь между обществом и государством. Будет у нас закон и будет кому за него заступиться.

Надо как-то определить отношение государства к так называемому диссидентству. С официальной точки зрения это преступники: клеветники, отщепенцы, предатели. На самом деле в основном это люди, отстаивающие гарантированное Конституцией право на свободу мысли, слова, передвижений. Я, например, даже не подозревал, что я диссидент, пока меня не посадили по ст.190-1.

Наверное, кому-то выгодно раздувать жупел опасности для государства, чтобы героически рыться в личных архивах, морить людей в тюрьмах и лагерях, увеличивать число государственных преступников, а заодно штаты карательных учреждений. Чем больше вредных людей, тем я полезней, чем больше ненужных, тем я нужней, чем меньше прав у других, тем у меня больше прав. Это единственный, для циника самый простой, способ доказать свою полезность, силу, преданность. Вот такая варварская логика, такие „патриоты“ и создали проблему диссидентства. А чем она оборачивается для общества?

И никто об этом слышать не хочет, ни до кого нельзя достучаться. И не дай Бог что-то опубликовать на Западе. А что остается делать? Как одолеть свою немоту и глухоту безответственных лиц, чтобы хоть как-то повлиять на правительство в интересах общества? В крошечной безгласности – Запад единственное спасение. Так кто виноват: те, кто обращается за помощью к западным средствам информации, или те, кто вынуждал на это, кто был обязан помочь, а не помог? Кто прав: те, кто мыслил, или те, кто не давал мыслить? Кто патриот: те, кто ратовал за перемены или те, кто сажал за подобные убеждения?

Что и говорить – критика не всегда приятна. Но разве

это не партийный лозунг: критика и самокритика? Клевета? Но почему клевета определяется в следственных кабинетах карательных органов, по какому праву они насилюют истину, претендуют на роль носителей истины в последней инстанции? Разве само общество, сами люди не способны отличить зерна от плевел? Проблемы возникали и будут возникать. Критика была и должна быть. Не сажать бы надо, а обсуждать – не было бы тогда и не будет никакого мифического диссидентства. А была бы просто демократия, нормальное, здоровое общество. Проблемы диссидентства нет, есть проблема тотального деспотизма. Проблема диссидентства насквозь фальшива, искусственно создана. Трагическая ошибка, из-за которой наше государство потеряло много честных, талантливых, нужных людей, еще больше было изолировано или отстранено от активной общественной деятельности. Амнистия политзаключенных – осознание и исправление этой ошибки.

Но этого мало. Надо вернуть этих людей к нормальной жизни. Вернуть то, что было отобрано: права, жилье, работу. Люди возвращаются из ссылок и лагерей, а жить многим негде, прописка – проблема, на работу не берут, в редакциях, учреждениях от них шарахаются. Они освобождены из заключения, но в обществе по-прежнему не свободны. И не будет у них реальных прав и свобод, пока на них клеймо судимости. **Нужна реабилитация.** Это абсолютно необходимо, если демократизация не внешне-торговая реклама, а реальный процесс.

Мы не клеветали и не подрывали. Наоборот, нас оклеветали те, кто подрывал, не давал развиваться обществу. Кто сегодня тормозит перестройку. Именно эти люди и сейчас не дают нам прохода. „Вы были и остаетесь преступниками“, – заявляют нам шаранковы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Их можно понять: они не хотят перестройки, боятся свободного слова, боятся разоблачений. А кто мы с точки зрения тех, кто за перестройку? Хотелось бы знать Ваше мнение, Михаил Сергеевич. А пока что мы – лишние люди.

Общество истосковалось по здравомыслящему руководству. Стране нужны честные, думающие люди. Если демократия нужна как воздух, то ведь и демократы нужны. Кто за нее будет бороться, проводить ее в жизнь – милиция, КГБ, Госкомтруд? Я надеюсь дожить до того времени, когда и названные органы будут не мешать, а защищать демократию, не нарушать, а соблюдать законы, не карать невиновных, а стоять на страже прав человека. Это возможно лишь в том случае, если в каждом проявлении свободомыслия – гражданского ли, хозяйственного ли – они перестанут видеть своего врага. Если личный, должностной или ведомственный интерес не вопреки общественному, то у нас должна быть одна цель – благо общества, и работать мы должны сообща.

**ОБРАЩЕНИЕ
К
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС**

М. С. ГОРБАЧЕВУ

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Исторические события, происходящие ныне в политической и общественной жизни страны, которые Патриарх Пимен в своем Пасхальном послании назвал „всеобъемлющим обновлением“, побуждают нас, членов Русской Православной Церкви, выступить с этим обращением и предложить ряд мер, которые, с нашей точки зрения, необходимы для проведения в жизнь перестройки в отношениях государства и Церкви.

Самыми реальными и обнадеживающими признаками этого обновления следует считать досрочное освобожде-

ние из тюрем, лагерей и ссылок тех, кого по праву называют „узниками совести“.

Но многие еще свободу не обрели. Мы не можем не вспомнить тех из братьев наших, которые все еще томятся в заключении за исповедание своей веры.

Православных – диакона Владимира Русака, Леонида Бородина, Зою Крахмальникову, Феликса Светова.

Католических священников – Альфонса Сваринскаса, Сигитаса Тамкявичюса, Йонаса Матулёниса.

До сих пор находятся в заключении и верующие других конфессий: евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня, католики восточного обряда.

Мы призываем к скорому освобождению всех верующих, как христиан, так и иудеев, как мусульман, так и кришнаитов, и вообще всех людей, попавших в неволю за их желание жить в согласии со своими религиозными и нравственными убеждениями, ибо Бог сотворил всех людей свободными, равными в своем достоинстве, наделенными совестью и алчущими правды.

Основополагающим изменением в отношениях государства и Церкви было бы предоставление Русской Православной Церкви возможности жить согласно ее вере, как понимает ее она сама, исходя из своего сознания и Предания, а не так, как понимают христианскую веру ее профессиональные ниспровергатели.

Те, кто за проявлением религиозной жизни видит убогую смесь предрассудков, пережитков и иллюзий, замешанную, чего доброго, еще и на „диверсии без динамита“, имеют, разумеется, полное право на свои взгляды и свободное их выражение. Но такое отношение к религии не может быть основанием для государственного законодательства, регулирующего внутреннюю жизнь Церкви. Разве столь могущественное государство не может предоставить право части своих граждан, верующим, не только исповедовать свою веру, но и по вере жить?

Так, мы исповедуем религию **л ю б в и**, ибо нам сказано:

„Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоей, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя“ (Евангелие от Матфея, гл. 22:37, 39). На этих двух заповедях, по слову Христа, „утверждается весь закон и пророки“, то есть самая суть духовной жизни. Этот закон неделим: одну заповедь нельзя отсечь от другой. Но повсюду, где любовь к ближнему могла бы вылиться в конкретное нравственное деяние, она натывается на рогадки преследующего ее закона.

Конечно, право любить своего ближнего не может быть отнято у отдельного человека, но какими софизмами можно оправдать тот факт, что это право отнимается у церковной общины или у Церкви как института?

Согласно действующему и по сей день Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года, религиозным объединениям в нашей стране воспрещается любое проявление социальной деятельности, даже во внутрицерковной жизни.

Все, что может быть выражено каким-то созидательным, милосердным действием, – будь то создание санаториев и больниц, домов для престарелых и инвалидов, каких-либо групп или кружков для совместного труда или создание касс взаимопомощи для оказания материальной поддержки своим членам – все это Церкви запрещено.

Согласно Уголовному законодательству РСФСР в разряд преступлений должны быть отнесены „занятия по религии, которые проводятся родителями не только со своими детьми, но с детьми других верующих“. И к важным признакам преступления против государства ведущий юрисконсульт Совета по делам религий (Г. Р. Гольст, „Религия и закон“, 1975 г.) относит действия людей, позволяющих детям „систематическое пение псалмов в хоре во время молитвенных собраний“.

Постановление 1929 года было принято во времена великого наступления на Церковь. Тогда многим в своей увлеченности разрушением Церкви хотелось думать, что религия, еще чуть-чуть подышав на ладан, вскоре прекра-

тит свое затянувшееся существование. Иллюзорность такого взгляда ныне отвергается даже официальными лицами, проводящими государственную политику в отношении Церкви.

Мы с надеждой встречаем признаки перемен отношения к верующим, появившиеся на путях обновления. В частности, мы имеем в виду материалы прессы и средств массовой информации, в которых проводится мысль, что верующие – не изгои и отщепенцы, а полноправные члены нашего государства и общества. Вместе с тем мы сознаем, что в мировоззренческом плане у верующих и атеистов существуют принципиальные расхождения. Но если в мире уже давно ведется диалог и сотрудничество между верующими и марксистами, то тем более это должно иметь место в нашей стране.

Выражая надежду на перемену в отношении государства к Церкви, мы предлагаем провести первоочередные изменения, насущно необходимые для полноценной религиозной жизни верующих.

– Как нам известно, в Совете по делам религий уже в течение многих лет идет пересмотр Законодательства о культах от 1929 года. Но есть серьезные опасения, что готовящиеся изменения будут неудовлетворительными и существенно не изменят положения Церкви в государстве. Необходимо гласное обсуждение этих изменений, для того чтобы атеисты и верующие смогли свободно высказать свои суждения о данном законодательстве, что соответствовало бы практике всенародного обсуждения проектов принимаемых в последнее время законодательных актов.

Особые протесты у верующих вызывает наличие в существующем законодательстве статьи 17, дискриминирующей элементарные права верующих и навязывающей им неприемлемое для их совести запрещение дел милосердия, благотворительности, внутриобщинной социальной жизни.

– Мы надеемся, что явно недостаточные тиражи Библии, религиозной литературы будут значительно уве-

личены. В частности, при Московской Патриархии мог бы быть организован выпуск подписных изданий религиозной литературы.

Библия могла бы быть издана государственным издательством, как в свое время издательством Академии наук был выпущен Коран. Еще проще издать Евангелие, значительно меньшую по объему книгу, необходимую для каждого христианина.

- В соответствии с традициями большинства конфессий в молитвенных зданиях издавна проводились внебогослужебные беседы, в том числе образовательные занятия для вступающих в общину (катехизация): беседы об основах вероучения, объяснение и толкование Библии, богослужения, учения св. Отцовъ. Настоящее же законодательство запрещает всякое собрание верующих в храме, не связанное с богослужением.

Должно быть разрешено преподавание религиозных дисциплин группе верующих детей и допущены занятия верующих с преподавателем, что действующим законодательством запрещено.

Для своей нормальной религиозной жизни общины, безусловно, нуждаются хотя бы в небольших библиотеках не только культового назначения, как это предписывает законодательство 1929 года, но и более широкого религиозного и богословского содержания.

Отрадно, что в некоторых храмах Москвы отменена противозаконная практика обязательной регистрации паспортов венчаемых и крещаемых, а в случае если крещаемый несовершеннолетний, то документов их родителей. Мы призываем Вас отменить эту порочную практику по всей стране.

- С первых лет революции в нашей стране возникали публичные диспуты в собраниях и печати между атеистами и верующими. Даже современному поколению известны знаменитые диспуты между А. В. Луначарским и обновленческим митрополитом Введенским. Возобновление диалога между атеистами и верующими, предоставление верующим определенного места в средствах мас-

совой информации (одно из первых отрядных проявлений этого – статья верующего-пятидесятника в журнале «Наука и религия» № 4 за этот год) способствовали бы процессу гласности и демократизации.

В канун 1000-летия Русской Православной Церкви знаком уважения к чувствам верующих была бы передача в Патриарший Богоявленский собор или в Даниловский монастырь святых мощей святителей Московских Петра, Филиппа, Ионы, Гермогена, которые сыграли выдающуюся историческую роль в становлении Церкви и Московского государства, как в свое время были переданы верующим мощи святителя Алексия. Недавний пример: возвращение верующим в г. Чернигове мощей св. Феодосия.

Проявлением великодушия было бы возвращение Церкви особо чтимых ею икон, находящихся в настоящее время в музеях.

Славный юбилей – событие, совершившееся 1000 лет назад в Киеве, – будет неполным, омраченным, если к этому времени верующим не будет возвращена Киево-Печерская лавра, закрытая во время религиозных гонений в 1961 году, но все еще живой болью отзывающаяся в народной памяти. Представляется возможным в оставшийся до юбилея срок возобновить богослужение в отданных под музеи храмах.

Мы перечислили лишь наиболее животрепещущие нужды Церкви. Нам хотелось бы верить, что период враждебного отношения государственного атеизма к верующим нашей страны скоро уйдет в невозвратное прошлое, а верующие, представляющие значительную часть ее населения, из людей второго сорта превратятся в полноправных граждан своего отечества. И мы хотим верить в реальность и будущее перестройки, но процесс демократизации, который совершается в нашей стране, по сути своей неделим. Русская Православная Церковь не может быть исключена из него.

Только тогда может быть полноценным участие верующих в начавшемся процессе обновления нашего обще-

ства, в социальной, культурной и духовной жизни народа.

Священник Глеб **Якунин**, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 30, корп. 1, кв. 45.

Священник Николай **Гайнов**, Московская обл. Пушкинский р-н, с. Братовщина, ул. Центральная, д. 130.

Андрей **Бессмертный**, г. Москва, 1-й Мосфильмовский пер., д. 4-а, кв. 62.

Валерий **Борщов**, г. Москва, ул. Красный Казанец, д. 19, корп. 2, кв. 146.

Виктор **Бурдюг**, г. Москва, ул. Сеславинская, д. 16, кв. 36.

Владимир **Зелинский**, г. Москва, проспект 60-летия Октября, д. 27, корп. 2, кв. 55.

Евгений **Пазухин**, г. Ленинград, аллея Поликарпова, д. 5, кв. 358.

Виктор **Попков**, г. Москва, ул. Плющиха, д. 58, кв. 45.

Владимир **Пореш**, г. Ленинград, пр-т Мориса Тореза, д. 33, кв. 55.

Е. Р.

В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Прошлое придет к нам через сердца и души людей, с которыми я встретился в этот памятный день. Не мучаясь бездельем и скукой, они спасали как могли и спасают память от забвения, помогая вставать памятникам в Филях, Царицыне, Кузьминках, Кускове, Звенигороде. С нами Алексей Григорьевич Гладков, наш сегодняшний гид. Коротко о нем можно было бы сказать так: к своим двум высшим техническим образованиям он приобрел еще одно, самое главное – образование души и сердца. А посему живет в нем боль за памятники своего отечества.

Уже 17 лет он не просто созерцает. Приходит помогать реставраторам, ведя за собой и сыновей своих, и знакомых, и школьников и даже просто прохожих. Это они убирали, красили, возводили леса, клали кирпичи в выходные, в свободное время, в отпуска. Бесплатно и безвозмездно. И холодные, недвижимые глыбы памяти оживают.

Молодые люди разбрелись по узким аллеям монастыря. Много веков назад вот на этом месте, на высоком холме между Тульской и Калужской дорогами, под прикрытием передвижной деревянной крепости Гуляй-города стояли пушки против войска Казы-Гирея. В честь победы над войском Казы-Гирея, последним войском крымских татар, дошедшим до Москвы, был основан монастырь, который москвичи в честь иконы Богоматери Донской, покровительницы воинов, называли Донским.

– Мы с вами находимся здесь, в самом центре Святого места всего Донского монастыря, – говорит Алексей Григорьевич. – Это Малый Собор Донской. Я хотел познакомить вас с иконой Донской Божией Матери, которая была у Дмитрия Донского на поле Куликовом. Вот мы с вами

видим икону, Мы можем мысленно перенестись в тот 1380-й год. 8 сентября, Куликовская битва. В этой битве в день погибло 360 000 русских. Оставшиеся в живых 40 000 под руководством Сергия Радонежского производят захоронение останков в восьми курганах. А самых выдающихся личностей, героев Куликовской битвы – Александра Пересвета и Родиона Осляби и еще тридцать два воеводы в дубовых колодах на плечах воинов переносят в Москву в старый Симонов монастырь. Ныне там размещается завод Динамо... И вот эта икона была на поле Куликовом. Еще раз посмотрите, полюбуйтесь.

И словно молнией прожгло нас прошлое. Шесть веков назад смотрели на эту икону наши соплеменники, уходящие в бой. Сейчас здесь, в тишине и покое, из глубокой древности смотрели глаза. Откинув голову, Младенец прильнул щекой к лицу Марии. Миг доверчивости и любви, миг, который открыл для древнего поэта наполненный глубокого человеческого смысла образ Русской земли. „Нам земля подобна есть русская милому Младенцу у Матери Своей“.

Мы идем дальше. Останавливаемся у одной из монастырских продолговатых темных плит. Здесь состоялось знакомство с Михаилом Васильевичем Ч. Он врач, кандидат медицинских наук.

– Я старый москвич и коренной, – охотно вступает в разговор Михаил Васильевич, – потому что все мои предки родились в Москве и похоронены в Москве. Конечно, меня очень волнует вопрос сохранения памятников культуры. И очень обидно и горько, и больно смотреть, как памятники разрушаются. Конечно, я считаю, что сейчас в первую очередь нужно восстанавливать те памятники, которые можно быстро восстановить и показать москвичам, и вообще всему народу, какой была Москва и какой она может быть. Памятники же все красивые. Если взять старые журналы, то можно увидеть, какими они были. И вот если бы восстановить хотя бы интерьер, что, кстати, по словам архитекторов несложно, Москва станет гораздо красивее. Появятся златоглавые

храмы, появятся очень красивые, красочные здания. Москва мало того, что станет красивее, она станет культурной, так как те самые запасники, которые хранятся в большом количестве музеев в Москве, получают выход своим сокровищам в народ.

Я считаю, что восстанавливать нужно также и наши некрополи, которые являются важными памятниками нашей культуры, где захоронены выдающиеся, великие люди нашей истории. К сожалению, эти некрополи находятся в небрежении. Вот мы стоим рядом с плитой, но мы забываем, что здесь лежит выдающийся, гениальный человек. И таких плит здесь много, на кладбище Донского монастыря. Это, собственно, цвет нашей культуры, цвет нашей истории. И, конечно, каждая могила должна буквально иметь какого-то покровителя в лице молодежи, в лице каких-то обществ. Они должны быть ухожены. Мы их духовные дети и нам надо продолжать жизнь нашей истории, не забывать своих предков, восстанавливать о них память.

– В этом цепочка, идущая из веков, и залог того, что в будущем наши добрые дела тоже не забудут, – вступает в разговор молодой мужчина.

– Совершенно верно. Жизнь человека так устроена, что если мы уважаем своих предков, своих отцов, то, естественно, наши дети должны продолжать эту цепочку поколений. Всегда так было. И когда терялась связь, когда вот эта цепочка разрывалась – исчезала нация, исчезал народ и исчезало государство.

– Скажите, – спрашиваю я, – а вот чем вы сейчас увлечены в истории нашего государства? Что вас особенно привлекает, поддерживает, движет в жизни?

– Я давно интересуюсь историей нашей страны, нашего народа. Особенно меня интересует история последнего столетия, поскольку в последнем столетии произошло очень много огромных событий. И вот особенно, я думаю, для молодежи важно изучить именно последние сто лет развития нашего государства. Допустим, вот война с Японией 1905 года. Наша молодежь почти ничего

не знает, как что происходило и что из этого получилось. Наша молодежь почти не знает, какую международную политику вела наша страна до войны с Японией, как наши дипломаты боролись за мир в конце прошлого века. И кстати, первое предложение о всеобщем разоружении в Европе и в мире внесла Россия – в конце прошлого века. И многое другое. Наша молодежь плохо знает, как в конце прошлого века возрождался интерес к русской культуре, как много было выставок, какое богатство в архитектуре. Это был какой-то всплеск, это было Возрождение в культурной жизни нашей страны. А мы мало об этом знаем.

– Но как узнать, простите? Как вы узнаете?

– Я узнаю это просто: я хожу в библиотеки и читаю старые книги. Но это все для специалистов, для узкого круга, как говорится. А молодежь интересуется, как возникла первая мировая война, а что же происходило в деревне перед началом революции, как развивалась русская промышленность, какие были противоречия.

– Извините, интересуется или должно интересоваться?

– Ин-те-ре-су-ет! Я знаю, мне приходится и профессионально с молодежью общаться. И вообще у меня круг знакомых довольно широкий. Молодежь интересуется историей, интересуется что было в действительности: и кто такие масоны, и какая велась дипломатическая борьба. Об этом не пишут, и у молодежи сложилось впечатление, что у нас какой-то вакуум был исторический в этот момент. Хотя в истории России никогда вакуума не было, всегда была жизнь бурная. В истории вообще нет вакуума, а в России тем более. Это динамичная страна. И нам иногда на Западе говорят, что у нас всегда застой, что у нас всегда было плохо, что мы консерваторы. Мы всегда на печи лежим. Но если вот взять старую литературу, старую периодику, то создается впечатление, что жизнь-то была. Периферии как таковой не было. Дело в том, что любой город, так называемый провинциальный, даже уездного масштаба, вот возьмите Дмитров, – был город настоящей и динамичной культуры. Там был свой театр

любительский, там был свой оркестр симфонический, который давал еженедельные концерты. Там были любители словесности, то есть жизнь буквально бурлила и никакого застоя не было, а была динамика. Так нужно об этом говорить, нужно вспоминать об этом, нужно показывать молодежи, что мы всегда жили богатой духовной жизнью. И ни одного дня у русского человека не было пустым, он был заполнен чем-то именно духовно. И труд всегда сочетался с восприятием мира каким-то особым. К сожалению, забыты наши праздники, наши традиции, которых ведь очень много...

Вот мы в одном из интереснейших уголков Донского монастыря. Мы видим барельефы с Храма Христа Спасителя в Москве. На них посещение Дмитрием Донским Сергия Радонежского перед походом против татар 1380 года. Мы видим здесь и Александра Пересвета, слева от него, и Родиона Ослябю чуть повыше. Всего их пять барельефов.

На фотографии общий вид Храма Христа Спасителя. Высота храма 104 метра. И каким же храм был величественным и торжественным. Белый мрамор, позолота куполов.

- Постройка происходила на деньги народные, - рассказывает Алексей Григорьевич. Все уголки России отправляли деньги на постройку Храма Христа Спасителя. Нам известен такой случай, когда из Петербурга в Москву шел поезд с деньгами на постройку Храма Христа Спасителя. Поздней ночью, усиленная охрана. И вот тем не менее происходит нападение на этот эшелон. Банда повязала сопровождающих и у одного из сопровождающих изо рта выпал кляп. И он со связанными руками говорит: „Что же вы делаете?“ „А что такое?“ „Ведь это же деньги на строительство Храма Христа Спасителя в Москве!“ И что делает банда тех времен? Она в замешательстве. Пауза. И по прошествии некоторого времени они развязывают сопровождающих и укладывают рядом с мешками, которые были с медными деньгами, мешки с серебряными деньгами: „Это на строительство Храма Христа Спасителя“. И

поезд уходит в Москву.

Когда постройка подходила к завершению, купечество и дворянство Москвы обратилось к Петру Ильичу Чайковскому с просьбой, чтобы он написал музыкальное сопровождение к моменту открытия Храма. Он пишет Торжественную увертюру „1812-й год“. Открытие Храма 26 мая 1883 года. Весна, Москва, центр. Все в зелени, цветет. И на площади перед Храмом Христа Спасителя собраны были выдающиеся оркестры, исполнители, колокола и прочее, прочее, прочее. И дирижировал этими оркестрами Петр Ильич Чайковский.

К Храму со всех уголков России шел и стар, и млад, и здоровый, и нездоровый. Шел поклониться, шел увидеть и еще раз вдохнуть вот этот русский дух, величие, грандиозность этого сооружения. В хорошую погоду, учитывая, конечно, что Москва была одно- и двухэтажная, купола Храма видны были на расстоянии 25-30 километров.

И снова голос Алексея Григорьевича:

– Мы с вами находимся на территории Донского монастыря и здесь видим останки Триумфальных ворот. Сооружены они в ознаменование победы России в Отечественной войне, в Москве, у Тверской заставы в 1827-1834 годах. Авторы проекта – архитектор Бове, скульпторы Витали и Тимофеев. Здесь, я не оговорился, Триумфальная арка ныне располагается на Кутузовском проспекте. Первоначально Триумфальная арка располагалась у Белорусского вокзала. Она как бы встречала воинов-победителей, воинов русской армии, которые возвращались в Москву. Полностью арку мы с вами видим здесь на схеме. И справа, и слева вот с такими крыльями – фрагмент крыла мы здесь видим. Они почему здесь, а не там, на Кутузовском проспекте? Чтобы не загораживать проезжую часть.

Спрашиваю:

- Алексей Григорьевич, вы по профессии кто?
- Инженер-технолог.
- Скажите, почему вы знаете историю как профессио-

нал? Собственно, это ваша жизнь, можно так сказать.

- Трудно даже ответить на этот вопрос. Помню, еще когда студентом был, ходил по Москве и однажды увидел съемку кинофильма „Война и мир“ на Таганской площади. Остановился, разговорились там. Дальше - больше. Пошел в Бородинскую панораму. Бородинская панорама повела меня дальше, на Бородинское поле. Обращался я уже к источникам, к самым первым источникам. Они меня захватили и я уже просто и жить-то по-другому не могу, чтобы чего-то не познавать, чтобы не быть на каком-то вечере, посвященном истории. История - это голос предков. И действительно, вот памятники истории тому пример. Входишь в историю, в глубину тех веков, и видишь, как люди шли в будущее, как они защищали свое отечество, как они создавали в своем отечестве, как они пытались передать все прекрасное своим потомкам...

Уходить никак не хочется. Хочется смотреть, смотреть и еще больше вникать и узнавать.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

О. Поляков

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДИСКУССИИ

Кажется, закончилась дискуссия, начавшаяся по вопросу о праве называть себя русским и расширившаяся на целый ряд вопросов, связанных с нашим духовным и национальным обликом. Один из участников дискуссии назвал ее „полезной“.

Да, она была полезной. Но для кого? И только ли полезной?

Полезна она была только для русской эмиграции – только. Но русскому народу она ничего не дала.

Не только полезна она – она и печальна. Более того – позорна.

Вдумаемся: **русские люди** в эмиграции доказывают друг другу, спорят о том, каким должен быть **русский человек**, когда он имеет право называть себя **русским**. Спорят о том, что должно быть ясно всем – и что ясно каждому русскому, самому захудалому крестьянину из самой захудалой деревни. Для него, крестьянина, это ясно, он, может быть, не сможет выразить это словами, но это он знает, чувствует душой, потому что быть русским – это его душа, он не может быть другим, не русским.

Представим себе, что с нашей дискуссией ознакомится русский подсоветский человек из тех, кто уже выбирается из коммунистическо-марксистской тьмы, кто уже начал расправлять свою русскую спину, над кем уже встает благодать русского духа. Что он подумает? Только одно:

„Господи, что это за люди?“ И еще: „Это они хотят учить нас, как родину любить! Это они хотят исцелять нас, когда сами нуждаются в исцелении!“

Действительно, вдумаясь: как мы дошли до жизни такой? Кто лишил нас нашей русской души, что вырвало из нашего сердца любовь к отчизне? Почему мы блуждаем в лесу чужих ценностей и забыли, что единственной путеводной звездой для нас может быть служение России? Что же случилось с русской эмиграцией, что не ушли еще в мир иной все наши отцы и деды, все те, кто в 1918 году поднял трехцветное знамя борьбы за честь, за будущее России, как мы изменили этому знамени?

*

О трехцветном знамени России.

Передо мной документ – документ горестный, печальный и заставляющий еще раз задуматься, оглянуться на себя: кто мы? Что мы?

Пишет капитан Б. М. Иванов, если не ошибаюсь, нынешний председатель Русского Общевоинского Союза – РОВСа. Пишет о героической борьбе Белой Армии, о героической верности русских людей своей родине, своему трехцветному знамени.

Именно о сохранении трехцветного русского знамени говорит капитан Иванов. О сохранении того знамени, которое следовало за главнокомандующим Добровольческой Армией (тогда кучки героев, поднявшихся против обманутой, взбаламученной массы во имя чести России) генералом Корниловым, когда Армия выступила в свой первый поход из Ростова. Это знамя следовало за генералом Деникиным, потом за генералом Врангелем, который вывез его за рубеж и передавая его РОВСу сказал: „Я скорее сожгу это знамя, чем изменю начертанное на нем слово: ОТЕЧЕСТВО“.

Капитан Иванов взывает к русским людям: „Где же вы русские люди с русской душой, с русским сердцем“. Ряды старых борцов, уже немощных, с трудом держащих это

священное знамя, редуют с каждым днем. Нужна смена. Но есть ли она в русской эмиграции? Призыв капитана Иванова не глас ли вопиющего в пустыне?

Найдутся, наверно, претенденты. Но разве люди, которые вычеркнули из своего сердца слова „Российское отечество“ имеют право на это знамя? Разве те, для которых вермонтская березка милее русской, те, которым уже не нужны храмы Святой Руси, для которых достаточно „перекрестить лоб“ – а не смиренно помолиться – в эмигрантской церкви, в которой, возможно, уже и не служат по-русски, отнесутся с должным благоговением к этому знамени? Много ли у нас организаций, – да и вообще есть ли они, – которые продолжают служить России, как служили те 3000 человек, вышедшие в первый поход – „не щадя живота своего“? Какая организация гарантирует, что это знамя, под которым пролито море русской крови, не станет пустым украшением перед строем людей, которые в прошлом умели приносить жертвы для России, но сейчас уже разучились? Или еще хуже – что не будет это знамя сиротливо стоять в углу, рядом с американским, немецким, французским или еще каким-либо флагом пока „русские“ эмигранты будут „в вечерней форме одежды“ плясать, пить, есть и веселиться на каком-либо из многочисленных эмигрантских балов? Или что это знамя не будет передано „на хранение“ в какой-нибудь иностранный музей или фонд, как уже сделано со многими русскими национальными ценностями, где с ним могут поступить... Нет, лучше уж не надо говорить, как с ним могут поступить...

*

Кстати – о месте молитвы.

Недавно в газете «Русская жизнь» в коротенькой статье-некрологе по скромной русской женщине, „тете Паше“, Параскеве Онуфриевне Анучкиной, я прочел, что она говорила: „Церковь – место намоленное...“ Какое чудесное выражение! Все то, что я пытался сказать многими

словами в моем ответе Роману Днепрову, она высказала в трех простых словах! Именно „намолены“ православные храмы в России, намолены сотнями тысяч, если не миллионами русских людей в течении многих веков. И эту намоленность никак не устранить, не убить, ни тем, что в этих храмах появятся недостойные слуги Божии, ни разрушением самих храмов, потому что само место останется намоленным. И даже осквернение храма не снимет с него этой намоленности, потому что молитвы русских людей, вознесенных к Богу из этого храма, вспять не повернешь. Как бы ни было свято Ново-Дивеево и прочие эмигрантские храмы, „перекрестить лоб“ в них совершенно не то, что помолиться, скажем в Троице-Сергиевской Лавре, каковы бы ни были внешние обстоятельства. Намоленность не та...

*

На ловца и зверь бежит... Взял я случайно томик Чехова, и раскрылся он на рассказе „Душечка“ – о женщине, чьи интересы, все мировоззрение которой менялось в зависимости от интересов ее очередного мужа. Так что, нам быть такими „душечками“: сегодня мы в Германии – „Ах, ах, у нас в Германии!“, завтра мы в Америке – „Ах, ах, у нас в Америке!“ У нас – это только в России, если мы душой, сердцем, стремлениями, мечтами и надеждами в России.

*

„Коли бить, так уж сплеча...“

Считают, что мое высказывание „не хуже ли эти теплопрохладные чем те, кто открыто отрекся от России?“ – „экстремистское“. Да, хуже! Тот, кто отрекся от России, скажем, как „правнук“ в письме г-на Волина, величина определенная: он американец, он живет американскими интересами и не мешает русским служить России, не пре-

тендует называть себя русским (именно „русским“, а не „этнически русским“) и решать русские дела. Другое дело „теплопрохладные“ – это этакая размазня, которая липнет ко всему русскому, но на которую ничто русское не может опереться. На словах они русские (Ах, какие русские патриоты!), но деле они ничего не хотят делать, только мешают тем, кто готов на действительные жертвы. Их больше волнует собственное благополучие, собственные удовольствия, чем судьба России. На блины с икоркой под водочку они готовы идти – этаким русский „фольклор“, этакое русское „национальное“ развлечение. Но на День скорби и непримиримости они не пойдут – там им делать нечего, там их ничто не интересует, там им скучно...

Мое высказывание не экстремистское, оно просто голая правда. Эта правда, видимо, пугает. Я это понимаю: заглянуть правде в глаза бывает порой и неприятно, и страшно.

*

Почему так неприглядно лицо тех, кто называет себя „этническими“ или еще какими-либо диковинными русскими, а не просто русскими?

Ответ очень простой: потому что они не служат России, как положено русскому человеку. Наоборот, они поставили Россию, ее историю, ее культуру, ее честь, ее духовное величие в службу себе, для возвеличивания и прославления себя, для выделения себя среди массы других людей, иностранцев, чуждых России. Они не слуги России, они паразитируют на теле России.

Не только это: они **торгуют** Россией, ее прошлым, ее культурой, ее честью. Одни скрытно, добиваясь особого общественного положения, другие в открытую, используя святыне для России символы и имена, например, для рекламы своих изделий. Делают это не только иностранцы, но и русские. Вот и видим мы русского двуглавого орла на бутылках с водкой, на тарелках и солонках, на дамских

сумочках и тому подобное. Если будет спрос, не постесняются поместить российский герб и на ночные горшки...

„Этнический русский“ решил убежать из русского дома, и сейчас думает о том, как бы больше унести, уворовать из этого дома и унести в свой новый, нерусский дом. Высосать как можно больше соков из российского наследия – а оставшееся, неподходящее для его новой жизни, выбросить на свалку. Выбросит то он самое ценное, потому что самое ценное в каждом национальном культурном наследии неповторимо, не поддается воспроизведению вне рамок своей национальной культуры, при отсутствии щепетильного, буквально религиозного отношения к духу этой культуры. „Евгений Онегин“ в арранжировке Либераччи превращается в „Чижика-пыжика“, Борис Годунов, прячущийся под стол от страха (это в Метрополитэн опере) – в шута...

Человек, который вырезает или кует крест, пишет икону или даже подметает церковный пол, если у него нет святого преклонения перед тем, что он делает, если он стремится только к выгоде, моральной или материальной – он святотатец. Такой же святотатец тот, кто манипулирует со своей родной культурой, втискивает ее в Прокрустово ложе чужой культуры для своей и своих детей выгоды.

Итак – „этнический русский“ по отношению к России – ренегат. По отношению к русской культуре – святотатец.

*

Многие „этнические русские“ много говорят о своей привязанности к своей „новой родине“, об исполнении их долга по отношению к ней. Я не верю в их искренность.

Можно еще понять молодежь, для которой Россия во многом уже далекая, красивая легенда. Но что взрослый человек, русский по рождению, по воспитанию, часто проживший немало в России, мог бы искренне, не ради материального благополучия, изменить своей родине и

искренне, со всей душой, примкнуть к другому народу – не верю.

Единожды солгавший веры не имеет, потому что солжет снова. Единожды изменивший одной родине, изменит и другой. Тот, кто разорвал пуповину, соединяющую его со своей родиной, со своим народом, не приклеит, не пришьет ее к новой „родине“, к новому народу, членом которого он хочет стать. Родина – как мать, не может меняться по желанию, национальное самосознание дается лишь раз, и тот, кто изменил своей родине, новой не будет иметь, а будет безродным приспособленцем, и вместо национального самосознания у него будет только голый расчет, который его толкнет на новую измену, если это будет выгодно.

*

Был поднят вопрос – кто лучший русский? Каков он должен быть? Ответа на этот вопрос нет, потому что нет предела совершенству.

Ответ же на вопрос, кто настоящий русский, очень прост: тот, у кого слова не расходятся с делами, тот, чье имя „русский“ соответствует его национальному самосознанию, кто служит своей родине-России, кто готов всегда и всюду исполнять свой долг перед ней.

Что же касается подробностей, то они рассыпаны во всех письмах всех авторов, принявших участие в дискуссии.

*

Еще одна западня для русской души, еще одна волчья яма на пути нашей борьбы за Россию.

В.Т. пишет, что лучший русский эмигрант тот, кто „всячески, слепо и жертвенно, работает на тех, кто еще там, уже там, навсегда там и т. д.“ Звучит красиво – но если задуматься, неверно.

Что значит „работает слепо“? Наше служение созна-

тельное. Мы знаем, чего мы хотим.

Что значит „работать на тех, кто еще там“? Ведь „товарищ“ Горбачев, „товарищ“ Чебриков и многие другие „товарищи“ „еще там, уже там, навсегда там“. Или это призыв помогать людям эмигрировать? Но это для русского народа не подходит: эмиграция, как справедливо сказал Л. Бородин, все же бегство. Да и не убежать всем... Наша задача не столь в служении отдельным людям, сколь служение России, русскому народу, находящемуся и „там“ и „здесь“. Важнейшая задача в этом служении – освобождение России от советской власти. Несчастье людей, которые „еще там“ не в том, что они „там“, а в том, что „там“ еще советская власть. Несчастье тех, кто „здесь“ – то же самое. Не будет советской власти, у тех, кто „еще там, уже там и навсегда там“ не будет особых проблем, связанных с пребыванием „там“, а у тех, кто „здесь“ будет выбор, где им быть – „здесь“ или „там“.

*

Небольшое пояснение.

Видимо, я недостаточно ясно выразился, когда говорил о том, что не следует бояться того, что кто-то в результате русского воспитания ринется в объятия советской власти. Я сказал, что этого не надо бояться не потому, что одобряю такой поступок, а потому, что если в страхе перед ним мы перестанем воспитывать наших детей русскими, то мы потеряем (собственно, уже потеряли) значительно больше. Тут оценка не абсолютная, а относительная: какое из зол меньше, массовая денационализация или единичные случаи сговора с советской властью. Это специфический эмигрантский вопрос, и распространять его на Советский Союз, как это делает г-н Афанасьев, не следует.

*

Без эмигрантских пустых споров, видимо, никак не

обойтись. В статье „Несколько слов о Конгрессе Русских Американцев“ под двойной подписью: В. А. Коссовского и самого КРА – так сказать, „официальной“ статье, меня обвиняют, что в нашей дискуссии я выбрал „мальчиком для порки“ Конгресс Русских Американцев. **Ничего подобного в моих статьях нет.** „Мальчик для порки“ есть, но это те, кто – тем или иным путем – ведут русскую эмиграцию к денационализации, независимо от того, состоят они в КРА или нет. Как мне кажется, желание выпороть, крепко выпороть этих „мальчиков“ проявилось почти во всех выступлениях. Но причем тут КРА? Непонятно, зачем у КРА появилось желание подставить, – скажем так, – свою спину под розги, предназначенные не для него? Но как раз эта прыть, эта бурная реакция наводит на мысль: не узнал ли кто-нибудь из руководителей КРА в этом „мальчике для порки“ себя?

Огорчает также то, что статья построена так, что человек, не читавший моих статей, ни статей других участников дискуссии, может подумать, что и я, и другие участники только и делали, что критиковали КРА за все и вся. Это напраслина. Критиковались только денационализаторы, работа КРА не рассматривалась, а если в дискуссии касались ее, то все положительное, что делает КРА, получало оценку, даже в тех случаях, когда КРА нехотя приносило пользу в деле борьбы за освобождение России, преследуя свои узкие „русско-американские“ цели.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

С. А л о в

Встреча волн, волновавшая когда-то...

Эта памятная встреча произошла в середине 70-х годов нашего бурного и сумбурного века. Для меня, русского американца, встреча эта была долгожданной. Речь идет о встрече первой и второй российских эмиграций с так называемой „третьей волной“.

Для нас, первой и второй эмиграции, встреча была знаменательным событием: ведь люди только-что „оттуда“, свежие, частичка России. С рассказами, новостями, правдой о родной земле.

Для них – это была тоже интересная, возбуждающая любопытство, встреча. Общаясь со многими из них, я узнал, что они ожидали встретить американцев с русскими фамилиями, едва-едва объясняющихся по-русски, с жутким американским акцентом. Тем не менее они проявляли к нам живой интерес.

Теперь, спустя более десяти лет, я вижу что ожидания встречи обманули и нас, и их. Позволю себе поделиться впечатлениями, оставшимися у меня от этой встречи.

Из практики многочисленных знакомств с представи-

телями „третьей волны“, я пришел к выводу, что эту „волну“ можно разделить на четыре группы.

Первая, самая малочисленная группа, – диссиденты, политические эмигранты, покинувшие Советский Союз или изгнанные оттуда по причине их несогласия с советским тоталитарным режимом, его порядками (и беспорядками). Некоторые из них – люди идейные, другие – бунтари, бунта ради.

Вторая группа – побольше числом, – эмиграция этническая. Подавляющее большинство этой группы состоит из евреев, утверждающих, что в Советском Союзе антисемитизм (я бы лучше сказал **юдофобия**), стал государственным явлением, что он идет не снизу, а сверху, т. е. исходит от правительства, которое способствует его распространению.

Третья группа – самая многочисленная, – экономические переселенцы. И в этой группе преобладают евреи, еврейские грузины (или грузинские евреи?), армянские евреи и др. В Нью-Йорке эта группа осела в основном на ставшем почти легендарным Брайтон Бич'е (Brighton Beach).

Четвертая группа – преступные элементы, включая советскую агентуру. Какой процент составляет эта группа в „третьей волне“ сказать трудно, достоверно же узнать еще трудней. Но о том, что процент этот высок можно судить по сообщениям американской прессы и телевидения. Один судебный процесс по обвинению в бандитизме, убийствах, грабительствах и других тяжелых преступлениях над представителями „третьей волны“ сменяет другой. Согласно данным нью-йоркской полиции, только две этнические группы Нью-Йорка не реагируют на призывы властей о помощи в нахождении особо опасных преступников: это китайская и... „русская“ общины. Китайцы запуганы своей свирепой мафией в нью-йоркском Китай-городе. А „русские“?.. Под „русскими“ подразумевается „третья волна“. И она не меньше китайцев боится преступников из своей среды...

Необходимо отметить, что русская эмиграция до начала

„великого исхода“ из СССР „третьей волны“ занимала, согласно официальным данным, одно из последних мест в этнических общинах США по преступности.

Большинство переселенцев „третьей волны“ в районе Нью-Йорка процветают, они легко „оклимались“ (их выражение!) здесь и успешно конкурируют с коренными американцами и другими этническими общинами. Для многих старожилов-американцев, не исключая русских эмигрантов, появление „третьей волны“ означало потерю работы, что для многих равносильно катастрофе. „Третья волна“ оказалась способной „законкурить“ других по следующим двум причинам: во-первых, они „сбили цену“ на рабочую силу во многих профессиях, поступая наподобие нелегальных эмигрантов из Мексики, наводнивших западные штаты страны; во-вторых, „третья волна“ пускает в ход мощные связи через свои этнические и религиозные организации – Найану, Хаяс, Юнайтэд Джуиш Аппил, сионистские организации, синагоги и пр.

У первой и второй эмиграций таких связей, увы, не было...

Когда в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово» я впервые увидел новое для меня слово „русскоязычный“, я насторожился. Кто придумал это слово, подумалось мне? Я обратился к советским словарям, – у меня их несколько. **Ни в одном** словаре мне не удалось найти слово „русскоязычный“, так же как не оказалось в них слов „франкоязычный“, „германоязычный“, „синоязычный“ и т. д. и т. п. Я объяснил это тем, что **переоценил** лингвистические тонкости «НРС» и, чтобы вознаградить себя за потерянное на бесплодные поиски время, я решил обогатить русский язык еще одним словом – „русскоязычник“. Если есть слово „русскоязычный“, почему бы не быть этому слову? „Патента“ на это слово я, конечно, не беру, оно могло прийти в голову одновременно со мной и другим землякам. Какое же значение должно иметь это слово? Скорей всего, „русскоязычник“ – это нерусский, но пишущий по-русски и владеющий этим языком. Возникают и другие вопросы. Почему газета «Новое Русское

Слово» постоянно жонглирующая словом „русскоязычный“ не переименовала свое название на «Новое Русскоязычное Слово»? Ведь газета сама себя называет „русскоязычной американской газетой“! Ведь словом „русскоязычная“ подчеркивается, что ни редакция, ни читатели газеты – не русские.

Но вот, когда во всех „англоязычных“ (по-просту – американских) газетах „гремит“ очередное судебное дело „третьей волны“ – будь то дело „мокрое“ или „сухое“ – и все американские средства массовой информации кричат о „русской мафии“, газета «НРС» стыдливо помалкивает о том, что речь должна идти о „русскоязычной мафии“. Если, „русскоязычное“ «НРС» отрекается от этнической „русскости“, не было бы для него минимально честным сделать такое заявление для американских средств информации: „Это, братцы, не про мафию **русских эмигрантов** вы пишете, это о нас – „русскоязычных“ переселенцах, про наших урок, которых вы совершенно неправильно называете „русской мафией“. Это же – „русскоязычная“ мафия!“ Но они молчат. Почему же? Да очень просто: когда им выгодно, они – „русские“; когда не выгодно, они – „русскоязычники“. Этот природный талант приспособляемости уходит в глубину истории человечества...

Теперь несколько замечаний о языке „третьей волны“. Примечательной особенностью языка „русскоязычников“ является импортированное из Советского Союза сквернословие. Я не хочу сказать, что они изобрели матерщину, они лишь щеголяют ею, тогда как мы быстро от нее отвыкли и почти отделались. Я говорю о правиле, а не об исключениях и не утверждаю, что абсолютно вся „третья волна“ сквернословит, а мы – нет.

Примерно в 60-х годах в кругах советской „образованщины“ появилась мода: начали называть вещи „своими именами“. Но тем не менее сквернословия и порнографии в изданных в Советском Союзе книгах не встречается. Но вот, определенная группа советских авторов, уехав из СССР, как будто только и ждала этого отъезда, чтобы

с рвением, достойным другого применения, присоединиться к порнографистам Запада. К примеру, бывший советский писатель Василий Аксенов щеголяет бесстыдством в своей книге „Ожог“ которую он опубликовал на Западе. Другой пример – Эдуард Лимонов, из книг которого я прочел только „Подросток Савченко“, но и этого достаточно. Наконец, Эфраим Севела с его книгами „Зуб мудрости“, „Викинг“ – других я не читал.

Мне могут возразить, что похабщина в эмигрантской литературе встречалась и до появления на Западе „третьей волны“. Согласен, но это были печальные исключения.

Как и в нашей среде, в „третьей волне“ есть люди простые и люди образованные, с различной степенью образованности и интеллигентности. С „простыми“ людьми я встречаюсь на Брайтон Бич’е, когда езжу туда за икрой, селедкой или копченой рыбой и о них речь будет ниже. Люди же образованные из „третьей волны“ живут в соседней с моей квартире и я знаком с ними, да и со многими другими: ведь в Нью-Йорке их несколько десятков тысяч. После 1979 года русскую речь можно услышать во всех районах Нью-Йорка. И зачастую речь эта отличается от нашей.

Да, говорят они по-другому. Во-первых, они говорят с особыми советскими интонациями, присущими не только отдельному городу, югу или северу страны (это естественно), но с интонациями, появившимися в Советском Союзе, присущими, пожалуй, именно советскому строю. Во-вторых, они намеренно пересыпают свою речь английскими словами и любят употреблять слова иностранного происхождения, вошедшие в русский язык. Когда такой „иностранщиной“ в русском языке злоупотребляют, это скорее производит жалкое впечатление, особенно на тех из нас, кто за долгое пребывание вне России успели овладеть несколькими иностранными языками. Это злоупотребление наводит на мысль, что „русскоязычники“ стремятся произвести впечатление, показаться более образованными людьми, нежели они есть.

То же наблюдается и в прессе „третьей волны“. В своих статьях, романах и рассказах „русскоязычные“ авторы щеголяют множеством иностранных слов, наивно думая, что это „впечатляет“. Я бы мог привести сотни примеров злоупотребления иностранными словами, но мне жалко тратить время на это.

Вернусь к „советской интонации“. Пояснить что это такое, не так просто. Интонации эти – комбинация фонетического звучания речи и советского штампа в манере выражения мысли. В советском русском языке возникло много нюансов интонации и произношения. Их не выразить на бумаге, их нужно услышать. Это какие-то каскадные синкопы, выпускание некоторых гласных, от чего выговор теряет свою плавность, делается как бы отрывистым.

Вот этот новый советский выговор и является „паспортом“ „русскоязычников“, по которому я узнаю их без промаха. Так же, по выговору, они – „третья“ – узнают нас, представителей первой и второй эмиграций.

Хочу обратить внимание еще на одну характерную особенность подавляющего большинства „третьей волны“ – евреев, будь то евреи русские, грузинские, азербайджанские, армянские или другие.

Из собственного опыта я заключил, что с юмором, затрагивающим еврейство, к ним лучше не соваться.

Мы привыкли рассказывать анекдоты и шутить над самими собой. Рассказываем анекдоты про русских, про армян, про китайцев, про чукчей, про других. Вспомните, например, сколько анекдотов существует про армян! Вспомните знаменитое „Радио Ереван“, о котором было придумано и „там“ и „тут“ сотни веселых и острых анекдотов и шуток! Любому армянину из моих друзей я спокойно мог рассказать любой из этих анекдотов, не боясь обидеть его. Никогда у меня, русского, не было и тени раздражения, когда мне грузин, еврей или татарин рассказывал анекдот про русских. Конечно, при условии, что анекдот этот остроумен.

Но, вот, попробуйте рассказать анекдот про еврея „тре-

тьеволновику“ еврею и вы автоматически делаетесь анти-семитом, чаще всего наживаете себе врага, который, может быть, взял вас на заметку, „засек“, как говорят в Союзе, чтобы сообщить о вас „куда надо“. Ведь, эти „куда надо“ существуют не только в Советском Союзе и, уж конечно, они – „куда надо“ – есть в Нью-Йорке, только они совсем другого характера, чем в Союзе. Анекдот, который вы рассказываете может быть на любую тему, но если он затрагивает еврейский быт или характерные особенности еврейской нации, результат один и тот же – неприязненное отношение к анекдоту и к вам.

Где тут справедливость? Неужели эта особенность является следствием якобы расцветшего в Советском Союзе антисемитизма? Но разве русских, украинцев, белоруссов и всех неевреев в Советском Союзе ненавистный всем нам режим истреблял и угнетал меньше, чем евреев? Разве „ежовщина“ тридцатых годов не была хуже всех погромов вместе взятых? И разве от нее не пострадали в первую очередь неевреи?

В Бруклине, самом грязном, преступном районе Большого Нью-Йорка, на Брайтон Бич, в 70-х годах осело несколько десятков тысяч экономических переселенцев из „третьей волны“. Большинство „русского“ населения Брайтон Бич состоит из типичных торгашей, которые не могли проявить своих талантов на социалистической родине. Они развернули такую бешеную коммерческую деятельность, какой Нью-Йорк не видел за всю свою историю. „Деятели“ с Брайтон Бич преуспели в обогащении. И преуспели они также в создании нового языка, на котором общаются между собой. Не научившись говорить по-английски „русскоязычники“ Брайтон Бич обожают загрязнять свою речь английскими словами. Получается жуткая смесь из двух испорченных языков. Объяснить это можно, пожалуй, только желанием показать, что они уже знают английский язык, похвастаться этим друг перед другом. Со стороны эта смесь языков выглядит, вернее звучит, жалко.

Заканчивая мои короткие заметки о впечатлениях,

оставшихся от встреч с „русскоязычными“ соотечественниками на американской земле, привожу разговор двух дам из „третьей волны“, записанный неизвестным мне автором. Чтобы понять каждое слово и выражение этого разговора, нужно владеть английским языком, но я надеюсь, что ознакомиться с ним будет интересно и читателям не говорящим по-английски.

„Поджидая на улице автобус, я невольно подслушал беседу двух дам. Около них вертелась девочка лет восьми.

– Ну, как, ваш *хазбанд* уже достал *джаб* или еще *анэм-плоймент* получает?

– *Уэлл*, – протянула другая, – достал *парттайм*... Вот в прошлый *уикэнд* у своего *босса порч пейнтовал*, оступился и упал в *гарбич кен*... Как узнала, что случился *аксидент*, тут же позвонила в *файер департмент* и вызвала *амбуланс*. Это же *иммердженси*! Пожарные не понадобились, но все же отвезли в *хоспитал*. А я побежала в *юньен к лойеру*. *Экс-рей* сделали. Хорошо, что *иншурэнс* был! Сейчас он – окей. А в общем это не жизнь, а сплошной *тробл*. *Билив ми*! Ну, а как вы, *хани*?

– Мой – *олл райт*. Даже *парт-таймы* имеет. Сегодня свободен. Приедет сюда на *каре*, чтобы меня в *гроссэри* отвезти, надо *фуда* на *лонг тайм* купить. Мы теперь имеем в *беззменте фризер*. Дочка моя любит *хот догс*, *аппл-пай*, а муж – *хамбургеры*, *шрымпы* и *стэйки*, а я, бедная, – на диете. Доктор разрешил только *нан-фет милк* и реденький суп из жестянки без *фета*, – *чикен нудл* называется. Одно горе в Америке кушать! На прошлой неделе пошла к доктору на *чек-ап*. Он сказал, что у меня что-то вроде *артрайтиса*, а может быть я путаю...

– *Май гуднэсс*! Хорошо, что не *кенсэр*!

– *Уэлл*... В общем *блад прэшиэр* высокий. Придется новые *тэсты* делать.

– А вот мой *стupid* муж, – знаете, что он отморозил? Решил мне к *берздэю сюрпрайз* сделать. Начал хорошо: повез меня *муви* смотреть, *пикчер „нэвер он сондэй“*, потом в „*шыпс нидл*“, ну, этот ресторан на башне, что крутится!

Там мы *динер* кушали, я даже взяла, *стэйк* заказала и *айс-кримом* заела. Было очень *найс*. А когда поехали домой, этот мой *крэйзи драйвер* через *рэд лайт* проехал и *тикет* заработал на 20 долларов. Весь *фан* пропал.

Но это еще не все. Я давно новый *фюрничер* для *ливинг рума* купить просила. Так он на следующий день поехал в *салвэйшен арми*, – как это по-русски? А, – в *гудуилл*. И купил там *джанк, сэконд хэнд, юзд-переюзд сэт*. Когда привез, у меня чуть *харт-аттак* не случился. Два дня была *сик*. У нас такой *файт* начался, *ю ноу!* Погнала я его обратно и приказала, чтобы весь *джанк* обратно отвез и *мани бак* потребовал. Видали такого *бизнесмена?*..

Да, забыла вас спросить, как вы сами? Что делаете?

– Я *безби-ситтером* у одних американцев. Они на *векейшэн* поехали, а я их двух кошек смотрю, – *сэнд* в *боксе* меняю...

Девочке надоело слушать болтовню и она заскулила:

– *Мамми, лет'с гоу хоум! Гоу хоум, мамми!..*

Возникновение нашего мира не есть следствие случайного взаимодействия физических и химических сил природы, а результат проявления исключительной творческой гениальности.

Размышления на эту тему изложены в брошюре

А. К. ТРОИЦКОГО

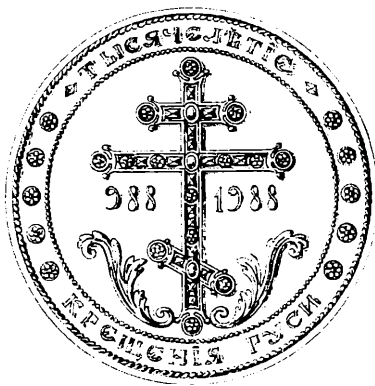
„О логическом пути познания первопричины бытия“

Цена брошюры 10 немецких марок

Заказы направлять по адресу:

„Possev“-Verlag,
Flurscheideweg 15,

D-6230 Frankfurt/Main, 80



ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

К предстоящему в 1988 году ТЫСЯЧЕЛЕТІЮ КРЕЩЕНІЯ РУСИ Западно-Европейский Комитет ознаменованія этого юбилея выпустил отчеканенную на Парижском Монетном Дворе памятную медаль.

На лицевой стороне медали изображен Св. Князь Владимир и даты „972 г. – 1015 г.“ (годы рождения и смерти Св. Владимира) и „Киев 988“. Под ободком текст: „Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир“.

На оборотной стороне изображен Русский Православный Крест и даты „988 г. – 1988 г.“, а под ободком: „Тысячелетіе Крещенія Руси“. Композиція обеих сторон медали выполнена художником А. Б. Серебряковым.

Диаметр медали 68 мм., вес – 170 г.

Стоимость медали с пересылкой:

Бронзовой – 260 фр. фр. (50 ам. долл. или 90 нем. марок).

Позолоченной – 350 фр. фр. (70 ам. долл. или 120 нем. марок).

Заказы и деньги посылать председателю Финансовой Комиссии Комитета:

A. SCHMEMANN, 12, rue Parent de Rosan, 75016 Paris.

Чеки выписывать на имя:

A. SCHMEMANN – MILLENAIRE.

О. Поляков

Алма-Ата: суть событий и отношение к ним

Студенческие беспорядки, происшедшие в Алма-Ате после смещения казаха Динмухамеда Кунаева с поста первого секретаря компартии Казахстана и назначение на этот пост русского Колбина (причем пришедшего со стороны, не работавшего ранее в Казахстане), прежде всего свидетельство краха национальной политики советской власти.

В своей национальной политике, принципы которой были сформулированы в двадцатые годы Сталиным, советская власть ставила две основные цели: подавление прав и влияния русского большинства и заигрывание с национальными меньшинствами. Первое проводилось по той причине, что гражданская война показала, что наиболее стойким и непримиримым противником большевиков был русский народ. Цель заигрывания с национальными меньшинствами ясна – это была политика „разделяй и властвуй“, стремление получить в национальных меньшинствах верных последователей советской политики, верных слуг советской власти.

Прежде всего, советская власть при административном разделении страны осуществила явную дискриминацию

русских. В так называемых „национальных“ союзных республиках, автономных республиках, автономных национальных округах часто проживает больше русских, чем представителей местного национального меньшинства. В частности, в том же Казахстане казахи составляют лишь 36% населения. Во всех случаях, когда такое псевдогосударственное образование граничит с собственно русскими территориями, в него включены не только те районы, где данное национальное меньшинство составляет большинство населения, но и те места, где оно составляет ничтожное меньшинство. Характерно также, что во всех союзных республиках, кроме РСФСР, имеются свои компартии, а также свои Академии Наук – то есть, дискриминация русских проводится в государственно-административной, политической и культурной областях. Сейчас мы много слышим о „русификаторской“ деятельности советской власти, что абсолютно не соответствует действительности: результаты переписи показывают, что процент людей какой-либо национальности, считающих свой национальный язык родным, не изменяется, и что численность национальных меньшинств возрастает быстрее, чем численность русских. Обычное явление, что русским детям в национальных республиках приходится учиться на местном, а не на русском языке.

В национальных республиках советская власть вела политику „выдвижения национальных кадров“ – то есть, фаворизацию деятелей из местного населения во всех областях жизни за счет дискриминации русских. При этом такие качества, как общий интеллектуальный уровень, степень образования и деловая квалификация отходили на второй план. Это, конечно, вызывало недовольство русских и антагонизм между ними и местным населением.

Для того, чтобы эти местные кадры не вышли совсем из-под контроля, в высших административных и партийных органах сохранялось определенное количество русских (например, второй секретарь компартии был, как правило, русский, иногда же человек другой, не местной

национальности). Обычно эти русские „заместители“ были фактически хозяевами положения, „око и ухо“, а то и „рука“ центральной власти.

В сталинские и хрущевские времена, когда партийная и государственная дисциплина была суровой, эта система была достаточно эффективной. Находящиеся под непрерывным давлением местных кадров русские кадры видели свое спасение в центральной власти. Местные же кадры сознавали, что только благодаря советской власти они выдвинулись „из грязи в князи“ и верно служили ей. Взаимный антагонизм привел к скрытной, а то и откровенной борьбе за власть, с взаимной слежкой и доношением, что давало центральной власти возможность полностью контролировать положение.

При Брежневе положение значительно изменилось. Общая дисциплина понизилась, начался разгул коррупции и казнокрадства на всех уровнях государственной и партийной иерархии, страх перед центральной властью в значительной мере исчез, появилось чувство вседозволенности. В таких условиях искусственно созданное равновесное состояние оказалось нарушенным в пользу местных кадров. Более сплоченные, беззастенчивые, жадные местные партийные и административные кадры потеснили русские кадры и получили свободу действия, направленную не столь на укрепление советской власти – она им нужна постольку, поскольку дает возможность бесконтрольно властвовать, – сколь на беспрепятственное ограбление людей своей же национальности и на личное обогащение. Русские кадры были во многом отстранены от реальной власти, частично же кооптированы в шайки местных партийных и административных деятелей. Влияние центральной власти резко упало, а также контроль с ее стороны. Особенно трудно было бороться с этими шайками по той причине, что помимо общих материальных интересов их сплавляло и общее национальное чувство, а зачастую и семейственность.

Горбачев и его сторонники поняли опасность такого положения, и уже на XXVII съезде КПСС ближайший по-

мощник Горбачева, Егор Лигачев, сделал доклад, основная часть которого касалась вопроса кадров в национальных республиках и вообще национальной политики. Из доклада ясно видно, что в дальнейшем советская власть не намерена терпеть засилия местных национальных кадров, что будет происходить „обмен“ кадрами между центром и периферией, что вообще будет обращено больше внимания на обучение русскому языку и т. п.

Снятие Динмухамеда Кунаева было одним из актов разгрома местных партийных клик, причем не первый и, видимо, не последний. Но только в этом случае произошел взрыв национально-шовинистических чувств.

Недостаток информации мешает нам правильно оценить, что же произошло. Советская власть старается – правда, обиняком, не совсем открыто – доказать, что все события были спровоцированы сторонниками Кунаева. Прямо сказать об этом она не может, потому что уж слишком плохо получается – в течение более двадцати лет Казахстаном правил человек, чуждый идеалам советской власти. К такому же мнению склоняются и многие иностранные наблюдатели. Другие же – в основном, из иностранных кругов, делающих ставку на расчленение страны – считают, что беспорядки в Алма-Ате – результат нарастающих национальных противоречий в массах населения.

Видимо, доля правды есть и в одном, и в другом утверждении. Очевидно, что спичку, поджегшую костер национального антагонизма, бросил Кунаев, вероятно, его друзья снабдили демонстрантов листовками и плакатами. Но, с другой стороны, оказалось, что горючего материала, – людей, настроенных национально-шовинистически, – нашлось предостаточно. Остается открытым вопрос: откуда эти настроения? Продолжение ли это прежней враждебности народов Средней Азии к русским (нельзя забывать, что прошло не так много времени, когда огнем и мечом в этих краях советская власть подавляла басмаческое движение), или же это результат нарастания новых антирусских тенденций. Вероятно, что антирусские, подо-

греваемые антисоветскими чувствами, настроения все время существовали, только явно не проявлялись по причине страха перед карательными органами советской власти. Сейчас только создались благоприятные условия для проявления этого антагонизма: снизился страх перед советской властью, перед Москвой; в самой власти, в ее местных органах, появились силы, которым наруку поддержка националистических тенденций; немалое значение имеет и война в Афганистане, как элемент националистическо-религиозной раскачки.

Недостаток информации, с одной стороны, и сознательная дезинформация, как советских властей, так и тех, кто связывает с национальными противоречиями свои особенности, русофобские, по преимуществу, интересы – с другой, не дают нам возможности реально оценить, что было основным в происшедших волнениях – провокация ли сторонников Кунаева или взрыв затаившихся национально-сепаратистских чувств. Таким же образом, совершенно неясно, что же произошло, кто кого, собственно, бил. Как пример можно привести пресловутые мраморные ступени какой-то парадной лестницы: по одной версии, демонстрирующие студенты отбивались обломками этой лестницы от наседавшей на них милиции, по другой – этими обломками „расстреливали“, окруженных бушующей толпой, ни в чем неповинных русских. Есть противоречия и посерьезнее: одни уверяют, что среди демонстрантов было много убитых и раненых, другие же, – что было много бессмысленных и жестоких убийств русских. Советские власти вообще отрицают, что при беспорядках были смертные случаи, но, видимо, без этого не обошлось.

Но каковы бы ни были причины волнений и в какую форму они вылились, представляет интерес, как к этим событиям относится население, как русское, так и казахское, как в самом Казахстане, так и вне его. Особенно интересно мнение русских. Обычно при рассмотрении национального вопроса забывается, что в нем имеется, помимо национальных меньшинств, и другой партнер, а

именно русский народ, чье мнение, чье настроение имеют немаловажное, если не решающее значение.

Некоторый свет на это могут пролить письма читателей газеты «Известия», напечатанные 10 января с.г. в статье „Свое суждение иметь“. Подборку, конечно, следует рассматривать с некоторой осторожностью, как документ, предназначенный для утверждения и пропаганды такого подхода к событиям в Алма-Ате, какой требуется для советской власти. Но необходимость придания объективного вида подборке, вынудила составителя включить в нее письма, вызывающие разнородные суждения.

Прежде всего, как и следовало ожидать, включено в подборку письмо, поддерживающее официальную установку о „нерушимой дружбе“ народов. Конечно, такое письмо написал казах, который пишет: „В первую очередь хотелось бы выразить негодование и возмущение в адрес отдельных моих земляков, спровоцировавших, организовавших и непосредственно участвовавших в хулиганских действиях...“ Высказывание замечательно по двум причинам. Прежде всего, беспорядки, имеющие национально-шовинистический характер, квалифицированы как „хулиганские“. Во-вторых, интересен оборот „негодования и возмущения в адрес“ – классический пример подсоветской псевдорусской „новоречи“. Габдулахату Галимджановичу Каримову, казаху, простительно выражаться не совсем по-русски (хотя он по профессии „педагог“), но товарищу Владимиру Надеину, редактору «Известий» по отделу писем читателей, следовало бы найти письмо пограмотнее. Впрочем, письмо Каримова, помимо квалификации событий как „хулиганские действия“ (нельзя же их квалифицировать как политические), содержит еще одно интересное утверждение: по Каримову, в Казахстане сейчас нет человека из местных кадров, который бы мог заменить Кунаева. Очень интригующая мысль. Поживем и, может быть, увидим, что и в Узбекистане, и в Грузии, и в Молдавии, и в других национальных республиках не окажется достаточно пригодных людей из местных кадров, которые могли бы править этими республиками.

Придется привозить со стороны. Русских. Егор Лигачев в вышеупомянутой речи на съезде партии говорил что-то подобное.

Но мы не должны перегибать палку и считать письмо Каримова безусловной и инспирированной властями ложью. Национальные кадры в Казахстане действительно были не на высоте. Однако, нас больше всего должно интересовать, каковы же истинные отношения казахов и русских! Парадные утверждения о братстве и нерушимом единстве, конечно, вздор. Но такой же вздор утверждения, распространяемые особенно на Западе, о жгучей ненависти казахов к русским и русских к казахам, вымысел о готовности тех и других взяться за ножи и резать друг друга.

Как мы уже сказали, волнения в Алма-Ате, помимо того, что они, видимо, были намеренно спровоцированы, могли в своей основе иметь или сохранившуюся с прежних времен неприязнь магометан-казахов к русским, или же нарастающую волну казахского национально-религиозного шовинизма. Ответа на этот вопрос мы дать не можем. Возможно, что сыграли свою роль оба фактора – но и в этом случае нам не дано знать, какой фактор сейчас сильнее. Но такая неопределенность существует только если рассматривать взаимоотношения казахов и русских в течение короткого нынешнего периода времени. Если же рассмотреть их в исторический ретроспективе, то очевидно, что культурная близость, взаимопонимание и просто бытовая десегрегация между русскими и казахами резко возросла, они уже не так чужды друг другу, как 100 или 50 лет назад. Если религиозный компонент культуры и самосознания казахов остался магометанским (хотя советская власть старалась всеми средствами вытравить его – так же, как и православный у русских), то в не-религиозной сфере культура казахского народа, его литература, живопись, театр и т. п. находится под огромным влиянием русской культуры, имеет в качестве образца для подражания и следования русскую культуру. Как и в культурной области, бытовая европеиза-

ция казахов происходила посредством и через русский быт. Так как, в массе, у русских нет расовых предрассудков, нередко смешанные браки.

Отношение же русских к событиям в Алма-Ате характеризуется, прежде всего, недоумением и чувством обиды. В письмах читателей «Известий», живущих вне пределов Казахстана, сквозит недоумение, как могло дойти до таких событий. Русские в Советском Союзе хорошо понимают, что прогресс, который произошел в Казахстане и во всей Средней Азии, во многом заслуга русских людей, как до, так и после революции. Не секрет, что окраины Советского Союза развивались значительно быстрее, чем центральные районы России (в некоторых из них, например, в сельских районах Нечерноземья, можно говорить не о прогрессе, а о регрессе). Русские люди ждут от национальных меньшинств признания их заслуг, благодарности за те жертвы, которые русские принесли для вывода этих меньшинств из полудикого быта и духовного бескультурья. Хотя в этом ускоренном развитии окраинных районов советская власть преследовала свои особые цели, многое делалось русскими людьми вполне добровольно и воспринималось как долг русского народа по отношению к национальным меньшинствам. Поэтому любые антирусские выступления со стороны казахов, узбеков или любой другой национальности воспринимаются русскими как проявление черной неблагодарности.

В письмах тех, кто живет в Казахстане, в самой Алма-Ате, это возмущение, эта обида проявляется еще отчетливее. Они-то воочию видели разгул взяточничества, приписок, господства принципа: „ты – мне, я – тебе“. Очень характерно письмо некоего Шибаева из Краснодара, видимо, жившего ранее в Казахстане: „В некоторых республиках и сейчас при приеме на работу, при поступлении в учебные заведения, выдвижении на руководящие посты и т. п. зачастую руководствуются не реальными способностями равноправных граждан, а их национальной принадлежностью. В результате такой порочной практики

люди кучкуются, как я это не раз видел в Казахстане: чисто казахские организации, где, особенно в администрации, большинство казахи. С другой стороны, есть организации с русским уклоном, где большинство работающих русские, армяне и т. д.“

До сих пор мы рассматривали письма, в которых высказывались, можно сказать, примирительные мнения. Но в той же подборке есть (якобы, только одно) и письмо, в котором высказана, как выразились в газете, „крайняя позиция“. Автора письма газета не называет. Он требует особых привилегий для „славянских народов в любой республике“. Что же, такие настроения есть. События, подобные происшедшим в Алма-Ате, только подогревают их. Мне кажется, что товарищ Надеин солгал, когда сказал, что такое письмо было только одно.

Мне кажется, что он солгал и еще в одном. Он уверяет, что его обзор будет не совсем корректным, если он не включит упомянутое письмо с требованием особых прав славянам. Но его обзор, действительно, некорректен тем, что он обошел молчанием какое-то количество писем (а они обязательно должны были быть), в которых высказывается мнение, что от Средней Азии, как от обузы для России, вообще надо отказаться. Такие настроения есть, и события в Алма-Ате тоже должны были их усилить. Для многих в России непонятно, почему нужно туда вкладывать непропорционально много, по сравнению с другими районами страны, средств и сил, чтобы за это получать черную неблагодарность, что воочию показали не только события в Алма-Ате, но и все развитие дел как в Казахстане, так и в других национальных республиках.

Конечно, в «Известиях» не могли поместить писем с выражением такой точки зрения – это было бы признание полного провала не только национальной политики советской власти, но и признание несостоятельности интернационалистических принципов марксизма-ленинизма.

Какое же наше, русских патриотов, отношение к событиям в Алам-Ате? Не вдаваясь в детали национальной политики, мы знаем только одно: какая-либо дискримина-

ция русских недопустима каково бы ни было юридическое положение территорий, где это происходит, каково бы ни было будущее решение национальных проблем. В особенности это касается именно Казахстана, где казахи составляют меньшинство населения и русский Колбин имеет значительно больше прав править им, нежели казах Кунаев. И если бы были свободные выборы, если бы не было фокусов с „выдвижением национальных кадров“, то было бы именно так – правил бы русский.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная демократическая ежедневная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год – 60,- долларов, на полгода – 35,- долларов, на 3 месяца – 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

От Редакции. *Как и следовало ожидать, переписка Н. Я. Эйдельмана с В. П. Астфьевым (см. «Вече» № 25) вызвала бурные отклики, затронувшие и влиятельную западную печать. Поскольку выявившиеся при этом проблемы, позиции сторон и методы действий представляют интерес для дальнейшего становления русского национального возрождения, мы считаем полезным ознакомить наших читателей с некоторыми из высказанных в прессе взглядов.*

Ниже публикуются выдержки из статьи Бориса Гройса „Новое язычество“ («Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», 22. 5. 87), статья Михаила Назарова, а также отрывки из открытого письма Юрия Штейна в редакцию журнала «Страна и мир» (№ 2, 1987). Материалы публикуются в дискуссионном порядке.

Борис Гройс: „Новое язычество“ *

„...Самое интересное в этой переписке, что ее публичное распространение впервые позволяет увидеть, что за мысли кроются в ведущих головах так называемого „русского национального возрождения“ – движения, влияние которого в последние годы возросло и которое пользуется симпатиями в различных кругах оппозиции и эми-

* «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 22. 5. 87

грации. Подобно Василию Белову и Валентину Распутину, Астафьев также принадлежит к наиболее успешным писателям в Советском Союзе и одновременно к самым известным представителям этого национального движения, которое критикует отдельные аспекты современных советских условий с точки зрения „исконных моральных устоев русского народа“. Морализирующий и критически страстный пыл этих трех и других близких им писателей пробудил некоторый интерес в публике. Поскольку вскрытие случаев коррупции или бичевание алкоголизма и халатности сейчас пользуется спросом, то официальная критика назвала этих писателей „совестью России“ и объявила „духовными предтечами“...

...Иронический тон (ответа Астафьева – Ред.) выражает притязание, чтобы все ведущие позиции в культурной жизни были предоставлены русским по происхождению. Это требование культурной монополии на национальной основе в советских условиях, конечно, направлено в первую очередь против евреев...

Мнение Астафьева – не единичный случай. Эйдельман указывает в своем ответе среди прочего на роман Василия Белова „Все впереди“... Впрочем, такое достаточно наивное представление о евреях, морали и западных условиях жизни характерно для „русского национального возрождения“: его идеологи считают сегодняшние трудности советского режима следствием внедрения в Россию западного рационализма и потребительского мышления.

...По мнению „национального возрождения“ вину за немецкий фашизм несут сионисты: ведь их целью, мол, было, пожертвовав ассимилированной частью европейского еврейства, добиться создания еврейского государства.

...В кругах „русского возрождения“ немало участников выступают против христианства как „еврейской религии“, которая чужда России и подрывает государственную власть. Это языческое движение требует возврата к „древнерусской вере“ в Перуна и Дажь-бога.

... Характерно, что в других публикациях этого направ-

ления мысли указывается на то, что настоящими арийцами являются русские, а вовсе не немцы, как это неверно полагал Гитлер под влиянием сионистов.

Подобных цитат можно привести множество, так как движение русского возрождения в последнее время усилилось... Причины этого усиления совпадают с причинами других фашиствующих течений... Во все время брежневского правления евреи систематически изгонялись из интеллектуальных профессий... Система регистрации национальности во все время советского господства служила основой для дискриминации евреев...

Сегодня большинство руководства Союза писателей находится в руках сторонников национального возрождения. Люди, как Астафьев или Белов, используют при этом свое положение в официальной литературе, чтобы критиковать недостатки в стране. Источник всех пороков они видят во влиянии Запада, индивидуализме и рационализме, а также в недостаточно быстром исключении из культурной жизни евреев, грузинов и прочих нерусских...

Не все сторонники „русского национального возрождения“ разделяют описанные экстремистские взгляды; некоторые из их требований, как например защита природы и сохранение памятников, – разумны. Однако письмо Астафьева показало, что разница между умеренными и экстремистами в этом движении не так уж велика. Таким образом, „русское национальное возрождение“ с его отрицанием Запада и ценностей современной культуры представляет собой дополнительное бремя для Горбачева, перенявшего его из брежневской эры; это движение, несомненно, препятствие любой политике, ставящей себе целью модернизацию страны.“

Полемика должна быть честной

„Не все сторонники 'русского национального возрождения' разделяют обрисованные нами экстремистские взгляды“, – заметил Борис Гройс в конце своей статьи „Новое язычество“ после того, как постарался в ней придать описываемому русскому возрождению исключительно экстремистский характер.

Я же начинаю свою статью с цитаты из статьи Бориса Гройса, чтобы превратить ее из его беглой извинительной оговорки в исходное утверждение: не все русские, стремящиеся защитить свою национальную культуру, столь примитивны, чтобы отвергать христианство как „еврейскую религию“, чтобы „во всех несчастьях России винить нерусских“, чтобы „объяснять сталинские репрессии наследственной виной евреев“, чтобы считать евреев ответственными за немецкий фашизм, о чем Б. Гройс прямо говорит как о „мнении русского возрождения“.

Столь серьезные обвинения можно выдвигать, если они доказуемы. То есть, следовало бы назвать по имени авторов указанных „идей“ и доказать, что они преобладают в русском движении. Таких доказательств Б. Гройс не привел, и мы вправе отказать ему в достоверности, применив к движению русского национального возрождения действующую в цивилизованных странах презумпцию невиновности.

Более того: мы позволим себе утверждать, что описанные Б. Гройсом признаки свойственны не русскому возрождению, а иному течению, давно известному исследователям под названием „национал-большевизма“, которое стремилось превратить коммунистическую идеологию

из ее интернационалистического в националистический вариант. Под русским же национальным возрождением, даже в серьезных западных советологических работах, принято рассматривать не эту узкую группку экстремистов, а широкое культурно-политическое течение, которое отличается от „национал-большевиков“, по крайней мере, двумя существенными признаками: 1. „русское возрождение“ имеет своим стержнем христианскую мораль, и 2. оно противостоит коммунистической идеологии. „Общее“, что остается, – лишь слова „русское“ или „национальное“. Но слова были всегда беззащитны: любой может их присвоить, изнасиловать, выпотрошить...

Экстремистов и дураков не может „запретить“ у себя ни один народ. Тем более такой большой и испытывавший такое сильное разрушение своей культуры, как русский. В условиях духовного вакуума, возникшего вследствие банкротства официальной идеологии и недопущения иных положительных ценностей, некоторые представители нашего народа могут оказаться под влиянием ложных идей. И когда вводится какая ни есть „гласность“, то ею пользуются и они. Однако это контрпродуктивно – по незначительному меньшинству духовно неразвитых экстремистов судить о стремлении народа к восстановлению своей полуразрушенной культуры. И уж никак нельзя отнести к экстремистам таких писателей, как Виктор Астафьев, Василий Белов и упомянутый в этом контексте лидер этого направления Валентин Распутин – тут уже может возникнуть сомнение не то что в достоверности статьи Б. Гройса, а и в добросовестности самого ее замысла.

Валентин Распутин вряд ли нуждается в защите от Б. Гройса – единственного, кто позволил себе поставить его имя в столь порочащий контекст. Однако у Астафьева и Белова, которых в чем только ни упрекали в связи с их последними произведениями, положение другое. И я полагаю себя тем более вправе защитить их от недобросовестных обвинений, что в свое время, еще до появления переписки Эйдельмана и до бурной дискуссии вокруг

романа В. Белова „Все впереди“, я критиковал в журнале «Грани» (№№ 142 и 143) некоторые, с моей точки зрения, недостатки их произведений, а именно: невидение различных причин и условий проявления зла при тоталитаризме и демократии, что порою приводит к антизападным обобщениям. В их основе, однако, лежит не злонамеренность, а отсутствие опыта демократии, незнание ее сильных и слабых сторон. С этим можно спорить, но это никак не ставит этих честных писателей в ряд нерукопожатных личностей.

В условиях нелегкого существования этих самоотверженных искателей правды, более важными мне кажутся не их просчеты, а заслуги по утверждению в сегодняшнем российском обществе общечеловеческих моральных принципов, отвергнутых коммунистической идеологией. Эти принципы, то есть христианская мораль, являются и наиболее эффективным противодействием экстремизму, и главнейшим условием возвращения России в семью цивилизованных народов. Потому что, вопреки оценке их Б. Гройсом, духовные ценности движения русского возрождения соответствуют и традиционным ценностям западного христианского общества (видимо, у Б. Гройса весьма своеобразное, усеченное рационализмом нашей эпохи, представление о таких ценностях...). Едва ли ценности русского возрождения могут быть препятствием для действительной модернизации страны. Препятствием они могут быть только для тех, кто хотел бы ограничиться „перестройкой“ в рамках коммунистической идеологии.

Чтобы не быть голословным, приведу еще раз широко известную цитату из рассказа В. Астафьева „Слепой рыбак“, поскольку в этом риторическом вопросе-мольбе, обращенном писателем к своим соотечественникам, речь идет именно о последствиях коммунистической идеологии, обещавшей „светлое будущее“:

„Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул в темную, беспро-

будную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не натывались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего в замен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим..." («Наш современник», № 5, 1986).

Именно отстаивание христианской морали, православия (а не только критика „отдельных аспектов современных советских условий“, что только и отметил иронически в их творчестве Б. Гройс) создали высокий общественный авторитет таким ведущим личностям в движении русского национального возрождения, как писатели В. Распутин, С. Залыгин, С. Аверинцев, академик Д. Лихачев и многие другие.

Дать должный отпор экстремистам прежде всего в интересах самого русского движения, иначе со временем „национал-большевики“ могут превратиться в опасное явление серьезных размеров. Однако этот отпор должен быть точно адресован – иначе он может вызвать обратный эффект. Из лиц, названных Б. Гройсом в его статье, такого отпора заслуживает, по имеющимся данным, лишь некий фотограф Васильев с его „соратниками“, который не только не лидер русского возрождения, но и считается в кругах этого движения провокатором, дискредитирующим полезную деятельность многих других людей.

В связи с подозрениями о провокаторской роли Васильева интересно обратить внимание на атаки против русских националистов в советской печати. Например, в «Комсомольской правде» (22. 5. 87) содержатся выпады не только против таких антисемитов, как Васильев, но и – против защитников памятников старины, поскольку раз-

рушенные большевиками церкви „были не памятниками, а гнездами клерикальной реакции“; против писателей с „клерикальными идеями“, в том числе и против Астафьева, утерявшего „классовый подход к оценкам событий“ в своем последнем романе (приводится эпизод из „Печального детектива“).

И так как мы снова вернулись к В. Астафьеву, то нельзя не высказать мнения и по поводу переписки с ним Н. Эйдельмана, которой в статье Гройса уделена роль главной улики. Мое мнение о ней таково: оба видных литератора, к сожалению, показали себя в ней не с лучшей стороны. Это касается и самого повода для переписки, и ее содержания, и тона, и самого факта ее обнародования. Это лишний раз заставляет подумать о том, что чем большей „гласности“ удастся достичь нашему обществу, тем больше ответственности потребуются от литераторов в пользовании открывшейся свободой слова, многому придется еще учиться...

Однако основную проблему в переписке Эйдельмана с Астафьевым я все же не могу обойти молчанием, ибо, кажется, даже некоторыми видными представителями интеллигенции она все еще не преодолена и грозит стать постоянным источником все новых недоразумений. Это проблема соучастия большевиков еврейского происхождения в разрушении русской „буржуазной“ культуры после революции. При решении этой проблемы (которая психологически сравнима с проблемами, например, антиамериканизма в Западной Европе и антирусскости в Восточной) мы, я думаю, не изобретем ничего нового.

Еще в 1923 г. группа известных еврейских эмигрантов из России в книге „Россия и еврейство“ (Берлин, 1923; переиздана в 1978 г. в издательстве ИМКА-Пресс, Париж) высказала мудрую мысль, что каждый народ вправе иметь своих подлецов-большевиков: „имеет же их русский народ...“ В этом сборнике блестящих статей элита русского еврейства отмежеввалась от своих подлецов типа – Троцкого и Зиновьева – как от преступников по отношению и к русскому, и к еврейскому народу. „Непомерно рьяное

участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России – грех“, – пишут эти авторы, о котором настоящие евреи могут лишь глубоко скорбеть, но русские должны здесь „понять роковое значение еврейского бесправия и еврейских погромов в прошлом“, а в свою очередь „евреи должны перестать сваливать в одну кучу 'погромщиков' все политические течения, которые принято относить к правому лагерю“. И далее: „...если радикальное исцеление от большевизма ожидается от восстановления религиозно-нравственных начал национальной и государственной жизни, то и еврейская мысль должна работать в том же направлении“, ибо только в духовно здоровом российском государстве могут быть гарантированы права как еврейскому меньшинству, так и русскому населению.

Тем деятелям, кого сегодня продолжает волновать эта проблема, было бы полезно прислушаться к цитированному выше мнению. Ибо сегодняшний спор между „западниками“ и „почвенниками“, частью которого, по-видимому, Б. Гройс замыслил свою статью, должен сохранить взаимное уважение и серьезное качество, – иначе это грозит соскальзыванием в примитивные сферы.

Традиционное разделение русской историософической мысли на „западников“ и „почвенников“ („славянофилов“) можно рассматривать не только как постоянный конфликт, но и как два полюса магнитного поля из энергии которого развивалась вся сложная и своеобразная ткань всей русской национальной культуры. Отключение одного из этих полюсов привело бы к обеднению культуры. Лучшие представители ее обеих флангов умели чувствовать свое духовное взаимопитание и свое единство в чем-то более важном. Так известный „западник“ XIX века А. Герцен по этому поводу дал очень меткое сравнение: „западники“ и „славянофилы“ – как двуликий Янус, головы которого направлены в разные стороны, но в теле которого бьется одно сердце – любовь к своей стране.

Думается, и сегодня для освобождающейся от тоталитаризма русской культуры было бы важно, если бы оба фланга нашли в себе достаточно мудрости и благородства, чтобы научиться чувствовать это общее сердце.

Из письма в редакцию журнала «Страна и мир» (№ 2, 1987) Юрия Штейна

Воскресным январским утром этого года оказался в Нью-Йорке мой давний московский знакомый. Литератор. И сразу же, не отрываясь от делегации, позвонил мне с аэропорта. Он явно спешил, разговор был короткий, вопросы мои попросил отложить до встречи. Но об одном столичном событии, животрепещущем, все же проинформировал: „У нас там пошла по рукам переписка. Так накалила страсти!“ – „Какая?“ – „Эйдельмана с Астафьевым“. /.../

...Отбирая уличающие цитаты в тексте рассказа „Ловля пескарей в Грузии“, Н. Эйдельман выловил из него все те немногие куски и фразы, где автор неодобрительно, а порой с присущей перу его желчью, гневно высказывается о местных хапугах, о бездельниках, пьяницах, торгашах, увиденных им на побывке в Грузии, а до того еще, раньше, встречаемых на российских базарах, толкучках, в питейных дорогостоящих заведениях. Не жалуется он и Отара, близкого в прошлом, достойного „сотоварища по Высшим литературным курсам“, а ныне разнузданного, барственно огрубевшего, как не щадит писатель Астафьев в других повестях и рассказах того же сорта своих соплеменников, духовно и нравственно покалеченных.

Не хотел, не увидел историк литературы, что рассказ не об этом, не о пороках встреченных писателем инородцев, – подорожные встречи с пошлостью не заслонили восприятия окружающей жизни, – что полон рассказ доброты, благодарности к людям Кавказа, гостеприимным и великодушным, хранящим бережно обычаи предков, в массе своей еще не утративших памяти сердца. „Как чудесно быть гостем, значит, и другом, пусть мимолетным, недолгим, у людей, умеющих без задней мысли

жить, говорить, радоваться простым радостям жизни, ну хотя бы встречному человеку, новому ли светлому дню, улыбке ребенка, говору ручья, доброму небу над головой“. Так благодарственно отзывается путник о приютившем его ненадолго грузинском семействе. И в этих словах, в этих простых понятиях – духовные ценности автора, В. Астафьева. Где же тут место ненависти, национальному высокомерию?

Но Н. Эйдельман находит в рассказе другой, еще более вопиющий факт надругательства над национальными чувствами инородцев, на сей раз уже монголов, осквернявших древнюю святыню Грузии – Гелатский храм. Это, по мнению Эйдельмана, „одна из самых дурных, безнравственных страниц нашей словесности“. Тут же дается цитата: „По дикому своему обычаю, монголы в православных храмах устраивали конюшни. И этот дивный и суровый храм они тоже решили осквернить...“ Далее следует ужасающая картина осквернения.

„Что тут скажешь? – вопрошает риторически Н. Эйдельман. И ответ его уже смахивает на провокацию: – Удивляюсь молчанию казахов, бурятов... калмыков, крымских татар...

Чего тут рассуждать? – Расистские строки“!

Вот к чему может привести, по наблюдениям историка литературы, „сила ненавидящего слова“.

Не будем спорить о праве писателя излагать исторические события, давать им свою оценку. Обратим лишь пристальное внимание на одну мелочь.

Картина осквернения Гелатского храма, эмоционально встряхнувшая историка Н. Эйдельмана и, видимо, не соответствующая исследованиям знатока русской истории Николая Михайловича Карамзина, на что указывает Н. Эйдельман, к автору рассказа Астафьеву прямого отношения не имеет. Это, как явствует из текста рассказа, пояснения грузина-экскурсовода или прислужника храма. „Все это, тихим голосом *переводил* мне умеющий незаметно держаться и вовремя прийти на помощь Шалва“, – читаем мы у Астафьева. Н. Эйдельман этой мелочи

впопыхах не заметил и поспешил уличить автора в тяжком грехе расизма.

Нельзя заподозрить В. Астафьева и в использовании испытанного художественного приема, когда мысли автора влагаются в уста персонажа. Рассказ этот биографический, основанный на материалах поездки в Грузию. И Шалва, и его брат Отар фигуры реальные.

Итак, с рассказом В. Астафьева как будто покончено, обличительный пафос иссяк. И уже на исходе полемических сил Н. Эйдельман приступает к вопросу, лежавшему в замысле всей этой эпистолярной свары. Конечно, еврейскому. Ненавистник калмыков, казахов, крымских татар должен быть непременно и антисемитом. Так и есть. В прошумевшей недавно астафьевской повести „Печальный детектив“ он выискивает „пустяк“, но – в контексте задачи – значимый. Вот она, эта искомая фраза: „Герой повести в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с 'десятком еврейчат'. Любопытно было бы только понять (это уже щекотливый вопрос к прозаику. – Ю. Ш.), к чему они в рассказе, если ни до, ни после больше не появляются?“ Прозаик понял намек и ответил цитатой из произведения Н. Эйдельмана, после чего тот о судьбе „еврейчат“ уже никого не спрашивал.

Теперь – об ответном письме В. Астафьева.

Впечатление оно производит действительно удручающее. И если отвлечься от обстоятельства его появления, то, не столько по фактам, сколько по тону, по форме выражения, непозволительное. Но давайте сначала поговорим об обстоятельствах, о причинах, вызвавших у адресата эту самую форму и тон. А затем и о фактах.

Натан Эйдельман в письме к Виктору Астафьеву, основываясь на рассказе и повести писателя, обвинил его ни много ни мало в шовинизме, расизме, национальной ненависти. Как попытались мы доказать всем вышеизложенным, обвинения эти безосновательны, примеры из текста превратны, притянуты, манера письма, интонация, внешне будто бы в рамках приличия, по сути своей часто бестактна и высокомерна. Все это, конечно, бывает, и

даже похлеще, в частном, личном письме, закрытом для посторонних. Но письмо Н. Эйдельмана не просто „попало“ в массовый Самиздат. Оно было туда *адресовано*./.../

... Писатель, один из немногих в стране творчески честный, страницы прозы которого – о жестокостях соотечественников в годы войны, о повальном падении нравов, цинизме, лжи, о глубочайшем духовном распаде собственного народа – пронизаны болью и состраданием.

И вот, запросто, брошенным в толпу листком бумаги с „тяжкими обвинениями“ подвергнут людскому судилищу. Какое же чувство должен вызвать у потерпевшего создатель такой затеи? Отвращение, горечь, обиду. Этими чувствами и продиктованы и форма, и тон ответного письма В. Астафьева. Человека немолодого, испытывшего за долгие годы творческой жизни и тягости вынужденного молчания и душемотанье цензуры, и барственое отношение к „деревенщику“ преуспевающих столичных писателей. И, между прочим, покалеченного войной, с одним зрячим глазом, что дало повод другому участнику журнальной дискуссии к „коррелирующей“ иронии насчет его 'юродства'.

Так что с мотивами тона и формы письма В. Астафьева, все прояснилось.

Что же касается фактов, то в моменты, подобные этому, человек выплескивает такие глубоко затаенные свои мысли, о коих в обыденные часы и задумываться не решится. Но они для него наболевшие, и коли уж выплеснулись наружу, попробуем уяснить их истоки.

Для русского верующего человека расстрел царской семьи – рана незаживающая. Особенно сейчас, после недавней канонизации их как великомучеников. И то, что непосредственным организатором этой расправы, собственноручно расстрелявшим беззащитных, оказался еврей Юровский, прочно осело в темных углах сознания. Сионист он там не сионист, разберись под горячую руку, но – еврей, и это так просто не забывается. Как не забывают поляки русским раздела Польши, как помнят и напоми-

нают нередко в эмигрантской прессе евреи нашей волны об ученых русскими черносотенцами еврейских погромах. И, кстати, эти напоминания полемических писем не вызывают. Не забыл, надо думать, коренной житель деревни В. Астафьев и о не в меру активном участии евреев-партийцев в кампании раскулачивания и коллективизации, приведшей крепкое крестьянское хозяйство России к сегодняшнему, быть может, уже непоправимому развалу. Руководителем этой кампании Сталин поставил, с дальним, несомненно, прицелом, работника аппарата ЦК Аркадия Яковлевича Эпштейна, назначив его наркомом земледелия и одновременно председателем Колхозцентра, дав ему на этом посту неограниченные карательные полномочия. Впоследствии Аркадий Эпштейн, как и многие его сподручные, пал жертвой „партийной чистки“ 37-го года, и В. Астафьев увидел в этих ежовских арестах „веление Высшего судии“. Его право.

Все это исторически объяснимо. Никто из нас не несет за преступления предков, пусть самых близких, никакой личной вины, но это – было. И оставило, к сожалению, след.

Не лишена оснований и раздраженная ирония В. Астафьева о евреях-пушкиноведах, лермонтоведах, комментаторах Достоевского. Повод к такому настрою дает ему в своем письме Н. Эйдельман. /.../

... Приемы полемики и нравственная позиция Н. Эйдельмана коренятся не только в чрезмерных его личных амбициях, но, думается, прямо скажем, и в специфических наших ашкеназийских комплексах, сложившихся из сознания принадлежности к избранному народу, и психологии уроженца местечка. Отсюда и убежденность в национальной нашей непогрешимости, отсюда и наши претензии на монополию только своих страданий. /.../

... Пора уже нам осознать себя нормальной нацией, по всем параметрам достойной и небезгрешной, как все другие народности мира. Тем более теперь, когда есть свое, независимое государство и уже доказано миру, что евреи

умеют, не хуже иных больших народов, и воевать, и пахать.

Но умеют евреи, судя по опыту жизни в диаспоре, и вести себя неблагородно в приютившем нас государстве, не считаясь с его интересами...

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)**

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

CHOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

В. Щубачеев

Парадоксы гласности

Писатель Юрий Бондарев, выступая на секретариате Союза Писателей РСФСР весной этого года, сравнил нынешнюю ситуацию в Советском Союзе с июлем 1941 года, – „когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров“. Если не будет нового Сталинграда, – предупредил Бондарев, – **„национальные ценности... будут опрокинуты в пропасть“**. И далее он сказал слова, которые сделали его известным едва ли не больше, чем его романы: „Лжедемократы от литературы зажгли над краем пропасти, украденный у справедливости и правды фонарь гласности. Эта украденная гласность предоставлена нашими средствами информации и печати **только одной стороне** – наступающей, разрушительной“ (см. «Литературная Россия», 27. 3. 1987).

Слова Ю. Бондарева процитировал в своем эмоциональном выступлении на пленуме Правления Союза Писателей СССР поэт Станислав Куняев. Процитировал, и развил заключенную в них мысль следующим образом: „В литературе, действительно, активизировались силы, которые жаждут диктата... В первую очередь их воля направлена на то, чтобы навязать общественному мнению угодные им оценочные клише. Одно из них – **запугивание нас внутренним классовым врагом, чаще всего разря-**

женным в русское национальное одеяние“ («Литературная газета», 6. 5. 1987).

Шестого мая, когда вышел из печати и поступил в книжные киоски этот номер «Литературной газеты» с „сокращенной стенограммой“ пленума Правления СП СССР, в столице, перед зданием Моссовета была устроена демонстрация, в которой приняли участие около четырехсот членов литературного историко-патриотического общества „Память“; делегация демонстрантов была принята первым секретарем Московского горкома КПСС Б. Ельцыным. Реакция на Западе была такова, что Европейский Парламент в Страсбурге принял (в июне месяце) особую резолюцию, потребовав от советского правительства прекращения „любых антисемитских манифестаций“ и едва ли не запрещения общества „Память“. Парижская «Русская Мысль» прокомментировала одно из собраний, организованных обществом „Память“, в особой статье из Москвы, озаглавленной: „Защита русской культуры или борьба с 'жидо-масонами'?“ («Русская Мысль, 15. 6. 1987).

Таков один из аспектов процесса „демократизации“, который проходит в СССР Михаила Горбачева под лозунгами **гласности** и **перестройки**. „Под шумок очередной культурной 'оттепели', – комментирует журнал «Континент» – в стране происходят 'опасные процессы'“ (см. «Континент» № 50). Что же происходит на родине?

Гласность, действительно, стала фактом общественной жизни в стране (так, что сами эти слова – „общественная жизнь“ – наконец-то, приобрели какой-то реальный смысл!). Можно согласиться с утверждением Р. Конквиста в одном из недавних его интервью, что существуют два вида гласности. Один – это откровения о (катастрофическом!) положении экономики в стране и о „изнанке“ социальной жизни. Писать и говорить стали много откровеннее и прямее, чем прежде, и в том числе о вещах и проблемах, какие всегда были под запретом (вплоть до проституции и наркомании). Конечно, такого рода материалы производят громадное впечатление. С некоторого вре-

мении стало гораздо интереснее читать советские, а не западные газеты, чтобы узнать что-то о жизни в современной России.

Другой вид гласности – и он интересует нас в этой статье преимущественно – тот, к какому особо чувствительна интеллигенция: появилась бóльшая возможность самовыражения. Отказались от некоторых запретов в литературе и культуре, разрешили расширить несколько культурный горизонт – вводя в оборот имена и произведения, о коих раньше нельзя было даже и упоминать публично. Правда, можно заметить вполне определенную тенденцию в воскрешении из культурного небытия авторов и деятелей культуры... Сравнивая нынешнее положение с хрущевской „оттепелью“ можно сказать, что пока не появилось личности, даже отдаленно сравнимой с А. Солженицыным (имя его продолжает оставаться „проклятым“) – но общий уровень общественного самосознания, несомненно, стал выше.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что **плоды** гласности, действительно, пожинает лишь одна сторона. Минимум официально допущенной свободы, кажется, вполне удовлетворяет тех, кто еще вчера выступали под лозунгами „демократической оппозиции“ – и они явно хотели бы пользоваться этой свободой исключительно для себя. Самые робкие попытки самоутверждения со стороны **патриотов** встречают немедленно их яростные протесты, сразу же подхватываемые западной прессой. История общества „Память“ очень показательна в этом смысле.

Вина здесь, однако, во многом ложится на самих выражителей русского самосознания. С одной стороны, они слишком робко и неумело говорят о **положительном** содержании своих идеалов, не умеют защищать своих же единомышленников (извечная российская разобщенность!). С другой – им видимо не хватает гражданской смелости говорить „от первого лица“, и они продолжают пользоваться партийной фразеологией, демонстрируя свою „лояльность“.

Вот выступает на пленуме Правления СП С. Викулов, главный редактор журнала «Наш современник». По словам другого делегата, этот журнал „публикует честные, крепкие статьи о состоянии нашего общества; за последние десятилетия журнал послужил отправной точкой для лучших произведений Астафьева, Белова, Бондарева, Распутина“. Действительно, с «Нашим современником» связаны многие надежды национально-мыслящих читателей в современной России. И С. Викулов прекрасно начал свое выступление: по его определению **гласность** – „это в первую очередь открытость, это объективная и, значит, неурезанная информация об истинном положении дел на любом участке перестройки, и, значит, **правда, полная правда, а не полуправда**, какой бы неприятной она ни была“.

„Перестроиться – для журнала означает ворваться в самое пекло боя...“ – говорит он далее, настаивая на важности и приоритете публицистики, как самого оперативного и нужного сейчас жанра. С. Викулов требует гражданской смелости, но в качестве примеров и образцов не находит ничего лучшего, как вспомнить „публицистику Горького, Шолохова, Леонова, Овечкина...“ – увы, мастеров именно позорной полу-правды, если не прямой мистификации и официозной лжи. Ведь явно редактор «Нашего современника», говоря о „публицистике Горького“ не имеет в виду его до сих пор запрещенные в СССР **„Несвоевременные мысли“**! Мог бы он вспомнить и все еще несуществующие для советского читателя **Письма В. Н. Короленко к Луначарскому** – вместо упоминания обязательного Шолохова. Вот бы и напечатал журнал эти несправедливо забытые гражданские выступления известных писателей – как бы это **прозвучало** в условиях, когда все сознают необходимость полной правды!

Но это – история. Если же говорить о современности, как может делать вид редактор русского литературного журнала, будто не существует А. Солженицын?! Как можно забыть слова того, кто действительно **первым**

„ворвался в самое пекло боя“, написав вот эти слова еще в ноябре 1969 года: „**Гласность**, честная и полная (!) гласность – вот первое условие всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности – тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет отечеству гласности – тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтобы они гнили там“. Так писал А. Солженицын в знаменитом некогда Открытом письме Секретариату Союза Писателей РСФСР, когда узнал о своем исключении из этой писательской организации. Теперь – когда восстановили в Союзе Писателей **покойного** Бориса Пастернака – почему не нашлось ни у кого смелости сказать открыто о живущем великом русском писателе, призывавшем к гласности почти двадцать лет назад, и уже тогда говорившем **полную правду** в своих произведениях?! Трусливое молчание о А. Солженицыне (кажется, один С. Залыгин попытался в заграничном интервью сказать что-то о нем – и неудачно!) – никак не свидетельствует о полноте гласности в СССР.

Главный редактор «Нашего современника» говорит о „необходимости спасения нации от физического вырождения“, о том, что его журнал „первым начал борьбу за трезвость как норму жизни“. Прекрасно, если это так, – но не было ли гражданским долгом С. Викулова хотя бы упомянуть о том, что эти темы – „эпидемия пьянства, распад семьи“, угроза физического вырождения русских как народа – ставились в самиздатском журнале Вл. Осипова «Вече» тогда, когда об этом никто не решался говорить открыто и прямо? И за это Вл. Осипов заплатил годами лагерей. Неужели теперь, в условиях **гласности** – нет места бывшему редактору «Вече» на страницах «Нашего современника»?

Как не нашлось места в литературных журналах у себя на родине сибирскому писателю Леониду Бородину, который вынужден был печатать свои художественные произведения за границей, и был осужден за это на пятнадцать лет! Никто ни на предыдущем писательском съезде, ни

на этом Пленуме ни словом не обмолвился о судьбе русского писателя, их коллеги, брошенного в лагеря – при том, что ритуально оплакивались жертвы сталинских репрессий. Где же та **полная правда**, к какой призывает С. Викулов?

Отстаивая важность публикаций несправедливо забытых, замалчивавшихся авторов и произведений, Андрей Вознесенский в выступлении все на том же Пленуме отметил, что „это делается прежде всего для восстановления исторической справедливости, для восстановления живого литературного процесса“. Прекрасно, что восстанавливается поправленная историческая справедливость – но и здесь нужна полнота и, прежде всего – справедливость к еще живущим творцам культуры, которые могут дать много для того, чтобы действительно „центр духовности переносился в нашу страну“.

К сожалению, намечаемая программа „восстановления исторической справедливости“ в отечественной культуре – слишком робкая, неуверенная и очень неполная. Академик Д. С. Лихачев в своей речи на VIII съезде писателей СССР говорил, как о самых неотложных вещах, о необходимости скорейших академических изданий русского фольклора, полного собрания сочинений Лескова, „Истории государства Российского“ Карамзина, „полностью“ Ахматову и Пастернака, Хлебникова и (?) Чуковского; упомянул он даже „исторические романы Мережковского“.

Но и эта, повторим, очень робкая и очень неполная программа, по всей видимости, осуществится далеко не скоро. Вот что рассказал в своем выступлении на Пленуме Правления СП Вл. Крупин: „Очень давно мы обсуждали вопрос и говорили об издании „Истории государства Российского“ Карамзина. **Удар по молодежи идет, чтобы отсечь – от могил, от истории.** (Напоминаем, что цитируем по „сокращенной стенограмме“, опубликованной «Литературной газетой» – В. Щ.). Мы говорим: почему бы это не издать? Обычная отговорка – бумаги нет. В 1981 году на встрече в Госкомиздате В. Распутин сказал: не знаю, как

мои товарищи, а я вот отказываюсь от своих изданий в пользу Карамзина... Там были Белов, Залыгин, Лихоносов, Личугин, Астафьев, Потанин... Мы все отказались от своих изданий в пользу Карамзина. Сегодня мне сказали, что вопрос об издании Карамзина вновь отодвигается, там якобы нужны какие-то комментарии. **А это вновь лет десять...**"

Итак, если литературное историко-патриотическое общество „Память“ будет настаивать на необходимости издания такого выдающегося памятника русской национальной культуры, как „История государства Российского“ Н. М. Карамзина – кому от этого будет плохо?

Случай с Карамзиным – один из самых вопиющих. Но далеко не благополучно обстоит дело с писателями, которых официально именуют „национальной гордостью“, которых „проходят в школах“, о ком существует необъятная „научная и критическая“ литература, кого, наконец, **издают** – и многомиллионными тиражами.

Начнем – с Пушкина. Нынешний юбилей Поэта с особой настоятельностью побуждает сказать несколько слов о судьбе пушкинского наследия в СССР. Да, Пушкина издают, и тиражами немислимыми. Полного Пушкина – в 20-ти роскошных томах – издали в период между 1937 и 1959 годами. Без комментариев. И это, пожалуй, следует считать особым достоинством академического издания: иначе не поздоровилось бы Поэту от ученых комментаторов той эпохи.

Люди пожилые помнят, очевидно, в какую убогую и примитивную схему укладывали Пушкина советские школьные учебники и учителя! Положение не изменилось существенно и в наши дни. И в самой **науке о Пушкине**, по-прежнему господствует крайний схематизм и примитивизм. Поэт возведен в ранг официальной „святыни“, а потому и подвергают его „косметической обработке“ не менее тщательно, чем бранные останки „основателя“ в мавзолее. Создана видимость, будто „не изученной“ не осталась ни одна строка Поэта, не исследо-

ванным – ни один день его жизни. Между тем, до сих пор нет даже приличной **Биографии** Пушкина: книга Анненкова – 1845 года! – в известном смысле продолжает оставаться самым достоверным источником для понимания судьбы Поэта. Главное же – **духовный мир** Пушкина – читатель в Советском Союзе по-прежнему постигает интуитивно, своими собственными силами, вчитываясь в его строки и стараясь **забыть** или **не обращать внимания** на псевдонаучный бред пушкинистов, который лишь заглушает чистые звуки пушкинской лиры.

„Если мы не только на словах, но и на деле признаем Пушкина величайшим русским гением, величайшим представителем русского духа, то, пора, наконец, приступить к серьезному и внимательному познанию духовного мира этого гения“, – писал в юбилейном „Белградском пушкинском сборнике“ С. Л. Франк 50 лет назад. Он же обозначил те основные направления в изучении духовного мира Поэта, которые продолжают оставаться исключительно актуальными и сейчас, полвека спустя. Справедливо указал ученый, что Пушкин прежде всего „по своему существу в глубочайшем смысле слова **сверхпартийен**“, его творчество нельзя уложить в прокрустово ложе „прогрессивного“ мировоззрения, предвзятой теории. В этом – объективная сложность изучения Пушкина, которая в условиях господства партийной марксистской идеологии становится непреодолимой. Никакая „гласность“ не в силах разрушить стереотипы, к которым **привыкли** советские пушкинисты, и которые они продолжают укреплять своими часто даже специалистам ненужными „исследованиями“.

Многообразно спрягается „всемирная отзывчивость“ Пушкина (слова Достоевского – из которых вынимается их внутренний смысл), с неприятной, мелкой хвастливостью подчеркиваются „литературные связи“ Пушкина – с классической античностью, итальянским Возрождением, английским романтизмом. В самое последнее время стали говорить чаще о его обращениях к Корану и Библии – как „литературным источникам“; ставится вопрос о том,

какую роль сыграла для него „древне-русская литература“. Но по-прежнему запретным остается обсуждение **религиозности** Пушкина – проблемы чрезвычайно важной для всей русской литературы, особенно новой, 19-го века, родоначальником которой является Поэт.

Оговоримся сразу же – речь не идет о том, чтобы сделать из Пушкина икону взамен нынешних плакатов, представить его воплощением всех христианских добродетелей. Но не только „общий религиозный дух“ его поэзии, но и „религиозная мысль, религиозное **содержание** духовной жизни в творчестве Пушкина“ (термины С. Л. Франка) заслуживают самого пристального внимания – и сами по себе, и в перспективе дальнейшего развития всей русской культуры XIX и XX веков. Как настоятельно требует серьезного и объективного изучения **политическая мысль** Пушкина – еще одна тема, извращенно толкуемая в советском пушкиноведении.

О крайне неблагоприятном положении дел в отечественной пушкинистике говорилось на выездной сессии Отделения литературы и языка Академии Наук – в связи с юбилеем. Нет молодых кадров, нет подготовленных специалистов, которые могли бы сдвинуть положение с мертвой точки. И, к сожалению, так дело обстоит не только с Пушкиным...

Гоголь. Как представляют Гоголя в Советском Союзе – достаточно известно. Многие еще помнят, возможно, призыв одного кремлевского лидера, начинавшего „перестраивать“ культуру: „Нам нужны **наши** Гоголи и Щедрины“. В этом возведении на один уровень одного из мировых гениев литературы и второстепенного „обличителя“ середины прошлого века, уже отразились типично советские представления о величайшем нашем писателе, унаследованные от „революционных демократов“. Так и пошло, со времен Белинского и Чернышевского – Гоголь, как ниспровергатель „царского режима“; традиция, ставшая обязательной для „передовой“ интеллигенции еще до революции 1917 года, и **для всех** – в Советском Союзе. Так и получилось, что в Полном(!) Собрании

Сочинений издания АН СССР не нашлось места для произведения писателя, которому он придавал особо важное значение – „Размышлений о Божественной Литургии“, а его многострадальная книга „Выбранные места из переписки с друзьями“ до сих пор остается фактически неизвестной и недоступной широкому читателю на родине Гоголя. Даже и сейчас, в условиях „гласности“, немислимо издание „Выбранных мест“ – скажем, в серии „Литературные памятники“ – хотя эта книга представляет собой выдающееся событие не только в истории русской литературы, но и всей русской культуры.

„Пророком православной культуры“ назвал Н. В. Гоголя прот. В. В. Зеньковский в своей фундаментальной „Истории русской философии“ (которая в СССР была „переиздана“ в более чем ограниченном числе **перенумерованных** экземпляров – для нужд „научных работников“, имеющих право читать „по особому разрешению“). Проблема религиозности Гоголя – еще более важна и актуальна, чем пушкинской; однако, для абсолютного большинства советских исследователей она просто не существует.

В этом году, в рамках начавшейся реабилитации Вл. Набокова, «Новый мир» опубликовал его известную (на Западе! – где она переведена на все языки) книгу о Гоголе. Безусловно, и эту книгу читатель в России вправе прочесть в русском переводе. Но вот ведь какой парадокс! „Николай Гоголь“ Вл. Набокова, как и известный труд Абрама Терца (А. Синявского) „В тени Гоголя“ (очень возможно, вдохновленного предшественником) дают намеренно карикатурное, унижающее изображение Гоголя – „моралиста“, религиозного проповедника. Есть в этой книге Набокова и прямые антирусские пассажи – прежде всего, в отношении императорской России...

Выше мы говорили о том, что фактически неизученным остается в нынешней России Пушкин, как политический мыслитель. Вот другой пример. Попробуйте в СССР найти **политические статьи** Ф. И. Тютчева – великого нашего поэта! Они никогда не перепечатывались в советских изданиях Тютчева (которых было несколько), – ни в рус-

ском переводе, ни во французском оригинале. Эта страстная апология России – человека „русского сердцем и душою, глубоко преданного своей земле“, защита ее от западноевропейских газетчиков – какой колоссальный **резонанс** могла бы иметь именно в нынешних условиях! Если бы действительной целью производимой „перестройки“ была защита национальных интересов России, русского достоинства и культуры! Тем более, что даже и сейчас остается в силе замечание Тютчева: „Россия всегда энергически отстаивала... религиозное уважение к принятым на себя обязательствам“.

Пророчества великого поэта могут казаться многим тщетными (и это постоянно подчеркивается до сих пор). Но, повидимому, внушают они и какие-то иные чувства, близкие к опасению. Не в этом ли причина продолжающегося **замалчивания** политической мысли Тютчева? „Тысячелетние предчувствия не могут обманывать, – писал он в 1848 году, – Россия, страна верующая, не ощутит недостатка веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своего призвания и не отступит перед своим назначением“. Как знать, не ожидает ли еще нас всех, русских, эта „решительная минута“ – в будущем?

После Тютчева естественно вспомнить Достоевского. (А говорим мы сейчас исключительно о писателях, поэтах – имена коих знакомы со школьной скамьи; оставим до времени разговор о мыслителях – типа Данилевского или К. Леонтьева – о которых многие советские интеллигенты с „высшим“ образованием никогда не слыхали!). Наконец-то, в составе академического (т. е. – для немногих) Собрания Сочинений полностью опубликован „Дневник Писателя“. При желании, советский читатель теперь сможет прочесть запретные ранее страницы, и подумать о многих вещах, которые пророчески были угаданы великим „тайновидцем духа“. Подумать над утверждениями „парадоксалиста“, – которые и тогда ведь шокировали многих, не желавших, или не умевших смотреть в суть. Например, афоризмы, типа: „Не всегда война бич, но иногда во спасение“, „долгий мир ожесточает людей...“

Помните эти рассуждения, столь резко контрастирующие с нынешними „пацифистскими“ настроениями: „В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человеке, главное – к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, – но чем дальше продолжается мир – все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают все. Остается под конец лишь одно лицемерие...“

Или вот еще: „Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего сохранять, совестно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслаждений порождает лень, а лень порождает рабов. Чтоб удержать рабов в рабском состоянии, надо отнять у них свободную волю и возможность просвещения...“

Разумеется, как предупреждает читателей ученый комментатор приведенных мест из „Дневника Писателя“ в советском издании Достоевского, это „отражение“ „слабых, реакционных сторон мировоззрения“ писателя. Но „примечания“ такого рода, если и читают – вполглаза. Между тем, никто из людей **мыслящих** (не обязательно инако-мыслящих, диссидентов – которые к Достоевскому, как раз поразительно „глухи“) не может не поразиться злободневностью **вывода** из такого рода „шокирующих“ рассуждений. Спорить с таким парадоксалистом, пишет Достоевский, нельзя – „но есть, однако же, престранный факт: **теперь начинают спорить и подымать рассуждения о таких вещах, которые, казалось бы, давным-давно решены и сданы в архив. Теперь это все выкапывается опять. Главное в том, что это повсеместно.**“

Не в этих ли словах (более столетней давности) – дух истинной, действительно коренной **перестройки**?!

„Перестраиваться“ – согласно Словарю Вл. Даля (когда речь идет о деле, о порядке управления) – значит: изме-

нить его на иной лад. Стандартный „Словарь русского языка“ С. И. Ожегова (1-е издание – 1949 год) зафиксировал новый, типично **советский** оттенок в значении слова. **Перестроиться** – значит теперь „изменить порядок своей работы, направление своей деятельности, свои взгляды“. Вот в чем дело: **изменить свои взгляды!** Что же, советская интеллигенция к этому привычна. Неоднократно приходилось ей „перестраивать сознание“ – согласно очередному партийному курсу. Речь идет именно о советской **образованщине** – как метко наименовал ее А. Солженицын. О тех, которые были запрограммированы еще в 20-е годы, по словам Н. Бухарина: „Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике“. И – наштамповали. Похоже, что именно этот сорт советской партийной интеллигенции и составляет сейчас главный резерв горбачевской „перестройки“ – тем самым превращая ее в профанацию и недостойное театральное представление...

„Главная задача историков – добиться перестройки (?) и сделать этот процесс по возможности необратимым(?)“, – заявил в интервью газете «Советская культура» советский историк Ю. Афанасьев (21. 3. 1987). И он, подобно многим выступавшим на пленуме писателей, восклицает: „нам нужна правда об обществе, в котором мы живем“. Кто же будет спорить с этой очевидной истиной? Но какую „правду“ имеет он в виду, если здесь же настаивает: „**Классовый подход** в оценке фактов и отдельных исторических личностей должен оставаться главным требованием как для историков, так и писателей“?

Этот „передовой“ историк (как его представляют на Западе – так как он раздвинул несколько рамки „персоналий“ сталинской эпохи) жалуется в своем интервью на то, что „иные авторы исторических, публицистических и художественных сочинений взяли на себя вовсе не оригинальную задачу популяризации 'общенациональной' миссии русских царей и вельмож, выдавая их за выразителей

интересов всех классов, общества в целом“. В интервью приводится целый список таких авторов и их сочинений – что указывает лишь на то, что истинная „перестройка“ в сознании многих историков, публицистов и писателей началась, и дает свои первые плоды. Этому можно только порадоваться.

Но продолжает оставаться обязательной ленинская „теория двух культур“, рассекающая единство неделимой национальной культуры в угоду догмату классовой борьбы и узкому партийному прагматизму. „Единая нация“, „единая культура“ – эти понятия забираются в презрительные кавычки и объявляются „реакционными“. Достаточно кому-то из литературных критиков попытаться немного **шире** истолковать ленинские слова, чтобы вырваться из-под власти их мертвящего догматизма (например, В. Кожин) – как тут же на него набрасываются ищейки, загоняя критическую мысль в прокрустово ложе общепринятой схемы (см. «Вопросы литературы», 1987, № 4).

„Уже с десяток лет распространяется в определенной среде интеллигенции идея о необходимости мировоззренческого, философского **плюрализма** в духовной жизни, – читаем в «Комсомольской правде» (10. 4. 87) – однако, плюрализм может быть относительно коротким переходным состоянием, вслед за которым последует преобладание одного из мировоззренческих направлений. Преобладание религиозно-идеалистической ориентации не принесло бы (!) обществу ничего кроме вреда, об этом свидетельствует весь опыт исторического развития“.

Это – из полемики о „новом богоискательстве“ среди писателей в СССР, которое очень волнует штатных пропагандистов безбожия. Они признают, что пора отказаться от „догматического атеизма“, что „нужно осваивать новые методы в овладении атеизмом“. И – простодушно жалуются: „Главная трудность тут в том, что человечество до сих пор не выработало стройной материалистической теории духа (!!!)“ (см. «Новый мир», 1987, № 4 – статья А. Нуйкина). Вот до какого абсурда можно догово-

риться в условиях „гласности“!

Проблема „образованности“ в Советском Союзе – еще одна из самых острых. Без действительной, глубокой и основательной перестройки образования, без создания условий для подготовки кадров, способных по-новому подходить к решению проблем во всех областях хозяйственной и культурной жизни – никаких радикальных перемен в жизни не произойдет. Нельзя вливать новое вино в старые меха – эта истина стара как мир. Для новых задач нужны и новые люди.

Положение в области образования в СССР – катастрофическое, и только сейчас начали об этом говорить открыто. «Литературная газета» провела на своих страницах дискуссию – „Почему у нас мало по-настоящему образованных людей?“ (15. 5. 87) – и в ходе этого, достаточно откровенного разговора, выявились истины печальные.

Участники дискуссии, доктора наук и академики, бьют самую настоящую тревогу. „Мы через 10-15 лет не то что с высокообразованными – вообще с образованными людьми расстанемся“ – заявил доктор философских наук В. М. Межуев. В то время как в Японии „уже поговаривают о введении всеобщего высшего образования“, в СССР додумались всего лишь до идеи так называемой „ранней профессионализации“ (что означает, по существу, „отождествление средней школы с ремесленным училищем“), да до призыва студентов первого-второго курсов в армию... В то время как во всех западных („капиталистических“) странах свободно можно записаться в университет каждому выпускнику средней школы – советская школа, оказывается, „не может гарантировать **каждому** поступление в ВУЗ“. Или вот еще откровение (еще одна цитата из выступлений): „Часто говорят, что преимущество социализма в том, что он дает бесплатное образование... (Но) у нас сегодня путь к высшему образованию перекрыт многими барьерами, и порой в нарушение социальной справедливости“.

Оставим в стороне бессмысленный спор о том, что такое „настоящая“ образованность. Но каковы же **причины**

такого поистине трагического положения в области „народного образования“? Горько иронизирует Л. Н. Гумилев (один из самых выдающихся и оригинальных историков нашего времени): „У нас спрос на образованных людей лимитирован уровнем Академии Наук. Чтобы быть избранным туда, надо знать меньше нынешнего академика, – что не всегда возможно“. Констатируется колоссальный разрыв между научно-техническим и гуманитарным образованием в СССР; точнее – полный провал в области „общей культуры“, потрясающее невежество, основы коего закладываются школьными программами и усугубляются всей системой последующего обучения в ВУЗах. История – „стыдно говорить, как она у нас преподается“ (д-р филологических наук С. Макашин) – „из нее выброшены огромные пласты; то же самое с литературой“. Академик Раушенбах недоумевает: „Совершенно не понимаю, почему нельзя издать в серии „Философское наследие“ русских философов-идеалистов, которые прославили в XIX-XX веках Россию...“

Ближе всех подходит к вопросу о причинах, цитированный уже философ Межуев: „Между гуманитарным и естественнонаучным знанием есть промежуточная область. Это – сфера социального знания. По существу, в нашем образовании она вообще пропущена. **Наши люди фантастически безграмотны по части знания процессов, происходящих в обществе, знания того, где они живут, на каком этапе истории находятся, откуда пришли, куда идут. И вообще – кто они такие“.**

Признание, прямо скажем, **само-убийственное**. Ведь прямую ответственность за такое положение дел несут сами эти „философы“, „историки“ – **ученые**. Известно, что эти чиновники от науки, с партийными билетами в карманах, послушно исполняют указания „сверху“ – но это не снимает с них моральной ответственности!

Конечно, даже в условиях „качающейся демократизации“ изменить что-то – исключительно трудно. Не случайно на упомянутую дискуссию немедленно последовала реплика „доктора **военных наук**“ М. Гареева, которого осо-

бенно возмутил робкий протест ученых против призыва в армию студентов начальных курсов. Оказывается, эта мера была принята „по многочисленным просьбам советских людей“, во исполнение „социальной справедливости“... Заместитель начальника Генерального штаба ставит все на свои места: „Образование у нас не мыслится без формирования марксистско-ленинского мировоззрения, глубокой идейности, убежденности, без органического сочетания обучения с коммунистическим воспитанием“. («Литературная газета», 8. 6. 87).

Именно таков смысл недавнего партийного документа – об „Основных направлениях перестройки... образования в стране“. Здесь тоже говорится о том, что положение неблагополучно („нарастание серьезных трудностей“), но что же предлагается для исправления? Да все та же мякина, под лозунгом „воспитывать идейно зрелых, общественно активных специалистов“: „усилить работу по идейно-политическому воспитанию“, „увеличить время на семинарские занятия“ – для „систематического и основательного изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, документов КПСС“. „Протрите циферблат часов“, – хочется воскликнуть вместе с А. Солженицыным – посмотрите, в какую эпоху мы живем, что нас окружает! Доколе эта мертворожденная идеология будет душить все живое? До каких пор призывами к „политической бдительности“ будут глушиться робкие ростки **самостоятельного** мышления, фальшивыми фразами о „гражданском становлении“ – убиваться в зародыше истинная гражданственность, построенная на чувстве ответственности за судьбы родины?

А ведь здесь даже и не затронута самая суть проблемы, – как она видится тем, кто думает о будущем России. Патриотически настроенный публицист нашего Зарубежья с горечью пишет о том, что „высшие и средние учебные заведения Российской Империи выпускали 'европейски' образованных людей – при том, что 'по-русски' образованных людей в России почти не было“ («Наша страна», 7. 3. 87). Это – раньше. Но что же тогда говорить

– теперь? Если решать проблему по-настоящему, начинать надо – именно с воспитания **национального достоинства!**

Еще раз обратимся к пленуму Правления Союза Писателей – где национальный вопрос, в известном смысле, стал центральным – хотя и замаскированным казенной фразеологией и личными перепалками. Белорусский писатель Нил Гилевич говорил с болью о „национальных нигилистах“ – которые „входят в жизнь национально несознательными, не интересуясь национальной художественной литературой, не зная своего родного языка, истории своего народа“. Увы, подобная „национальная бесполость“ все чаще встречается в русской среде, особенно в среде молодой интеллигенции. Результат „интернационального“ воспитания! Один из таких „воспитателей“ молодежи, драматург Виктор Розов, с пафосом говорил на пленуме: „Во мне, воспитанном сразу после революции, чувство интернационализма – мое биологическое свойство. Я, например, не могу произнести слова: 'Я горжусь, что я русский!' А что скажет узбек?..“

Такие вот „интернационалисты“, воспитанные после революции („наштампованные“ – по словам Н. Бухарина) сочиняли в 20-30 годы „стихи“, подобные приведенным в одном из выступлений на том же пленуме:

Я предлагаю Минина расплавить...
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы подстать.
Подумаешь – они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?

„Размышляя“ после пленума СП в «Литературной газете» (3. 6. 87) Ю. Идашкин писал: „Откровенно говоря, в мечтах многие из нас представляли себе гласность преж-

де всего как возможность открыто и свободно высказывать свою точку зрения. Оказалось же, что точно такую же возможность получили и все те, кто придерживается иных точек зрения. А навыков подлинно демократических дискуссий у нас пока недостаточно, терпимость к мыслящим иначе для нас пока непривычна...”

Что правда, то правда – ни о какой терпимости говорить не приходится. И, право же, далеко не все, „кто придерживается иных точек зрения“ „получили возможность“ открыто их высказывать – в печати или на публичных собраниях.

Несомненно, предпосылкой для действительно свободного обсуждения всех накопившихся за семьдесят лет вопросов – должен был бы стать **ОТКАЗ ОТ ДОГМАТИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА**. Только на этой основе возможно **спасение национальных ценностей** – о чем говорил Ю. Бондарев, о чем думают русские патриоты как на родине, так и в вынужденном изгнании.

Вышла из печати и поступила в продажу
книга **Юрия Ветохина**

Склонен к побегу

на английском языке.

Цена книги — 21,95 ам. долларов

Заказы с приложенными чеками
или почтовыми переводами посылать:

Yuri Vetokhin
R. O. Box 16084
San Diego, CA 92116
U S A

Н. Кусаков

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ

(Философский очерк)

В «Вече» № 21 в 1986-м году была напечатана моя статья „Откуда эта догма?“. Там выяснялось, что первенство формулирования и императивного отчеканивания основных идей, поведших ко Всемирной Революции, принадлежит не идеологам и деятелям французской революции, – „Энциклопедистам“, Руссо, Вольтеру и пр., а значительно менее известному английскому мыслителю Джону Локку.

Он первый изложил идеи, поведшие к низвержению христианской монархии и к учреждению того, что называют народовластием, демократией. Основавшись на эмпирическом понимании природы человека, из этого понимания Локк логически вывел следствие, положившее основу идей, поведших к революции.

К изложению этих идей Локк пришел потому, что к его времени в Европе утвердилось и распространилось мировоззрение философии эмпиризма. Эта философия явилась на смену господствовавшей до тех пор философии христианского схоластицизма, руководившей мы-

слью как в отношении понимания человеком внешнего мира, так и, – что имеет особенное значение в нашем случае, – в отношении понимания человеком самого себя, то есть своего внутреннего мира.

Философия латинского схоластицизма, при всем, что заслуживет в ней критики (юридизм, законничество и привнесение человеческих отношений в область духовной жизни), безусловно положительна в том отношении, что она коренится в философии христианского вероучения и мыслит о мироздании и о судьбах человечества, равно как и о самом человеке, держась истин, изложенных в Библии. Будучи верен этой философии, последний из схоластов, Декарт (1596-1656) пришел к формуле, выраженной в его знаменитой фразе: „*cogito ergo sum*“, т.е. – „я мыслю, стало быть я есмь“.

Междустрочно стоит отметить, что мы не собираемся быть зачисленными в ученики Декарта. Правильно или неправильно Декарт понимал соотношение между деятельностью сознания и его сущностью, – это особая статья. Нам важно то, что у него ясно выражено признание бытия в человеке с одной стороны *res extensa*, то есть вещи пространственной, чувственной, материальной, плотской, и с другой стороны – *res cogitans*, то есть вещи духовной, познаваемой в иных, чуждых материи, измерениях. Эти положения Декартовской философии, имея кульминацию в его речении „*cogito ergo sum*“, согласуются с более пространством представлением о человеке христианской культуры, как оно будет представлено в последующих строках. Мы пользуемся здесь словом из Декартовой философии в том смысле, что он признавал бытие духовной сущности в человеке, как свойства, врожденного человеку и присущего ему по его природе от рождения.

Философия эмпиризма, знамя которого поднял Фр. Бэкон (1561-1626), отвергла эту формулу и заявила, что человек рождается, как *tabula rasa*, не имея никаких врожденных данных духовного порядка и приобретает сознание только из опыта жизни. Рождаясь, человек не имеет ника-

ких нравственных обязанностей ни перед кем. Таким образом, материальное бытие человека есть единство, предшествующее человеческому сознанию, которое появляется, как продукт физиологической деятельности материи, с распадом которой оно уходит в небытие.

Отсюда Локк сделал выводы в область нравственности, этики, морали и, последовательно, политики и создал категорический императив необходимости низвержения монархии Божией милостью и учреждения народовластия, то есть того, что принято называть демократией. Вместо власти, исходящей от Бога, должна быть учреждена власть, исходящая от народа. Отсюда – Всемирная Революция. Первое звено ее цепи находится в Англии, последнее звено, которым цикл революции был завершен, замкнулось в длившихся более ста лет событиях русской революции, начавшейся в 1825-м году и завершившейся в 1917-м. Цепь революционной свободы опоясала весь мир.

Казалось, что в моей статье в «Вече» № 21 сказано все по вопросу о том „Откуда эта догма?“ и дальнейших вопросов обсуждать нет надобности. Однако, критические замечания со стороны читателей побудили меня заняться специальной разработкой некоторых неясностей и представить настоящее **неожиданное продолжение..**

Нам говорят – действительно, в те роковые годы XVIII века, когда родился эмпиризм, общественная мысль склонилась в сторону „Локковского“ секулярного человека и отсеклась от „Декартовского“ человека христианской культуры. Но, спрашивается, – **э т о** ли было, и **могло ли это** быть причиной бедствий, что с тех пор, в результате революции, выпали на долю человечества? В этом ли причина бед, или, быть может, теория была правильна, а искажена только форма практического осуществления теории? И какое отношение к делу имеет его духовность, если верить, что таковая имеется в природе?

Здесь надо применить логическое мышление. Если понятия эмпиристов, на которых создано представление о секулярном человеке, основаны на достоверных данных

научного знания, на истине бытия мира и человека, то их следует держаться. Проверке и поправке в таком случае должны быть подвергнуты лишь способы применения эмпирических основ, а затем – надо мужественно идти вперед. Если же оказалось бы, что построение догмы эмпиристов основано на знании ложном, как св. Апостол Павел выразился, на „знании лжеименном“ (сравн. I-ое к Тим. 6, 2), то и неудивительно, что эмпирические представления, поведши к революции, ни к чему хорошему поведсти не могли. Тогда от современности потребуются переоценка именно тех ценностей, которые были поставлены на высший пьедестал людьми, мыслью не умевшими подняться выше чувственного мира, – пяти чувств и трех измерений и в конце пути погрязшими в абсолютном материализме.

В то же время, если христианское, библейское понятие о мире и о человеке основано на действительности, а не на суеверии, тогда ясно, что отречение от него не может не быть чревато тяжкими последствиями, ибо не может быть построено здание, в планах которого не учтены законы всемирного тяготения.

Вот это противоречие и побудило меня снова взяться за перо и изложить, по мере сил, фактические данные, перед лицом которых читатель сможет сам взвесить аргументы, отличить правду от неправды и, разумно рассмотрев картину, поставить себя на ту или на другую сторону, то есть – на сторону революции, или же на сторону... Вы, возможно, ждете, что я скажу – „контр-революции“? Не будем ошибаться! Я хочу сказать: – **На сторону того, против чего революция подняла свою голову в страшной борьбе не на жизнь, а на смерть.**

Вопрос этого противоречия занимал мое внимание на протяжении ряда долгих лет, в ходе которых мне удалось собрать аргументы, укрепляющие уверенность в том, что тот, кто дочитает настоящий мой труд до конца, обогатится справками о целом ряде научных данных, которые не встречаются повседневно, и, в конце концов, скажет, что чтение это не было пустой тратой времени. А на

какую сторону он себя поставит, – это дело его совести. Я все еще верю, что есть совесть в груди русского человека, которому я и вручаю этот мой труд.

Да и ответ получить надо! В конце концов спрашивается, – кто такие мы с Вами? Секулярные мы люди, плотяные, как те свиньи из Эпикурова стада, как их характеризовал Гораций (*Epicuri de grege porcum*, как сказано в его письме Тибулу), или же мы люди, как их (нас) знает христианская культура.

Так вопрос поставлен.

Поведем беседу

Понятия философии эмпиризма в настоящее время являются универсально принятыми. Секулярный человек Локка воспринимается, как реальность не только фрейдистами, психоаналитиками, психиатрами и невропатологами, но просто нашим братом обывателем, который мало над чем задумывается серьезно в сутолоке повседневной жизни. Христианское понятие о человеке воспринимается, как дымка, которая понятна, когда слышишь проповедь в храме, и рассеивается как туман, едва ты из храма выйдешь на улицу. Весьма отлично от того, как то было во времена Декарта, или как то было у нас на Руси, праведники и исповедники христианских вероисповеданий в своей деятельности в наши дни оцениваются не по их душепопечительной деятельности, не по их личному благочестию и силе их молитвенного подвига, которые возводили бы паству на высоты боговедения и духовно-нравственной высоты, готовя каждого из пасомых к доблестному предстанию перед Божиим судом (а ведь мы все предстанем на суд Христов! – Рим. 14, 10). Нет. Пастыри сегодня оцениваются по успехам их заботы о благополучии пасомых – и сам папа римский, показывая пример пастве, молится о мире во всем мире и заботится о правах человека и гражданина.

О чем же, собственно говоря, идет речь при сопоставлении этих двух „людей“? Отложив в сторону беско-

нечную вереницу вопросов условного и относительного порядка, посмотрим на абсолютное, и увидим, что речь идет вот о чем: что получается, когда родственники возвращаются домой с кладбища, где остался погребенным тот или иной член семьи.

Есть ли бессмертие для человека?

Есть ли абсолютный суд?

Есть ли неизбежная кара и чаемая награда?

Два человека

О секулярном человеке говорил еще древнегреческий мыслитель Эпикур, когда заметил, что проблема жизни и смерти получает свое окончательное решение со смертью человека. Умер – и конец всем проблемам.

В этом же смысле выразительно звучали слова студенческой песни:

Умрешь – похоронят,
Как не жил на свете.

Нигилист Базаров у Тургенева говорил, что вырастет, мол, на могиле лопух, тем все и кончится. Современный скепсис со снисходительной улыбкой на вопрос о том, что ждет нас после смерти, отвечает: „Этого никто не знает“. Иные пускаются в толки о том, как человек растворяется в природе, сливается с нею, а что касается самого человеческого „Я“, то вспоминают древнее верование в метампсихозис, т. е. перевоплощение души, но ни разу не пришлось слышать, на чем же кончается весь цикл перевоплощений.

Мудрец Сократ мыслью созерцал бытие и умирая воскликнул: „Создатель всех! Дух и Премудрость! Тебе вручаю мою душу!“

О человеке христианского понимания достаточно ясно говорит Св. Писание т. е. Библия.

1. Человек создан Богом по образу и подобию Божию из праха земного. См. Быт. 1, 26-27 и 2-ая, 7.

2. Сотворив человека, Бог оставил его в руке произволения его. Ис. Сир. 15, 14.

3. И в грехе Адамовом (Быт. 3, 1-24) совершилось падение всего рода людского. 3-я Ездры 7, 48.

4. Человек рождается в мир земной жизни, являя собою тело, душу и дух. 1-ое Фес. 5, 23.

5. Когда человек „отходит в вечный дом свой, тогда возвращается прах в землю, чем он и был; а дух возвращается к Богу, Который дал его“. Еккл. 12, 5-7.

6. Кроме биологического и физиологического естества присущ человеку внутренний, сокровенный сердца человек. 1-ое Пет. 4, 6; 2-ое Кор. 5, 1; Еф. 3, 16-19.

7. Когда земной храм, эта хижина, разрушится, то мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. 2-ое Кор. 5, 1.

8. Прав Иов Многострадальный, когда говорит: „Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, а не глаза другого, увидят Его“. Кн. Иова 19, 25-27.

9. Все мы предстанем на суд Христов. Рим. 14, 10 и 2-ое Кор. 5, 10.

10. По суду Христову „праведники пойдут в жизнь вечную, а грешники в муку вечную“. Матф. 25, 46.

И Церковь, созданная Иисусом Христом, торжественно утверждает в Символе своей веры, – „Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века“.

Таково исповедание человека христианской культуры.

Так кто же мы такие?

Веровать во все эти и другие библейские положения на красной стороне мира, где государственная власть находится в руках коммунистической партии, политической религией которой является диалектический материализм, в гражданской жизни не разрешается и в некоторых случаях эта вера карается, как государственное преступление. На стороне, еще не подвластной коммунистической пар-

тии, т. е. на стороне мира, которую одни называют демократической, а другие – капиталистической, – верить разрешается, поскольку признается принцип, что религия есть частное дело каждого.

Другое дело, нравственные выводы из веры, т. е. из религиозных воззрений. На стороне под властью коммунистов, все нравственные выводы сделаны еще во время Робеспьера и законы эти утверждены Лениным в том, что нравственно все, что содействует революции, а что ей не содействует – безнравственно. На этом основаны и все органы государственной власти. На стороне демократической, закономерность конституционных начал, основана на секулярном человеке. О том, что есть человек христианской культуры, которому тоже следовало бы дать слово в жизни общества, не говорит никто. Во всем мире нравственные выводы, распространенные в область общественной и государственной жизни, построены по Локку, т. е. по эмпирическому пониманию сущности человеческой природы. Во всем мире власть находится в руках секулярного человека. Все это есть результат революции, в свое время низвергшей власть монархов, основанную на Божией милости, и установившей власть бошинства, выражаемую через представителей.

Продолжая свою статью „Откуда эта догма?“ («Вече» № 21), я беру на себя смелость говорить, что общественная мысль во всем мире находится под прелестью, под обаянием лжеименного знания, находится в оболъщении, в заблуждении, то есть в той самой мысленной аберрации, когда неправду принимают за правду, за истину.

На самом же деле истина находится на стороне православного христианства. От истины люди отступили и о подлинном составе своей сущности заботы не имеют.

Слова „прелесть“, „обаяние“, „очарование“ у нас издавна применяются неправильно и неправильно понимаются. Слово „чары“ в первоначальном смысле обозначает средство злого колдовства. Лесть, как слышим в слове „прелестный“, есть не что иное, как обман, ложь и человек, находящийся в состоянии прелести, есть чело-

век, в силу своей слабости, находящийся в таком душевном состоянии, когда он легко принимает ложь за правду. Борьба с прелестью крайне трудно, т. к. она всегда облачается одеяниями правды и справедливости, но истины в прелести не бывает никогда. Когда же кто-либо досмотрит острозорким оком до глубины и обличит внешнюю „правду“ в том, что за нею скрывается ложь, тогда обнаруживается истина. Не все достигают той проницательности, чтобы видеть внутреннюю сущность наблюдаемого. Поэтому прелесть и овладела общественной мыслью мира, в котором мы живем. Не лыком же шит был обманщик, пожелавший ввести в соблазн все человечество! Где-то, как-то была не замечена малая трещинка. А нее вода и просочилась. А потом смыло и всю плотину.

Сейчас мы предпринимаем попытку обнаружить лесь, разоблачить обаяние, вскрыть ложь и обнаружить правду. Приглашаю читателя к тому, чтобы он до крайности напряг бы внутреннее свое внимание и острозоркость своего наблюдения. Перед нами тема весьма серьезная.

Откуда эмпиризм?

Сегодня ум невольно останавливается перед вопросом о том, как же могло получиться, что прелесть доктрины эмпиризма так крепко овладела умами человечества, что общественная мысль не заметила, на какой путь ведет практическое применение прекрасномысленной теории? А было вот что.

Мир, к которому принадлежал Декарт, жил интересами вечной жизни, а мир, к которому принадлежал Локк, весь свой интерес перенес на жизнь плоти, на жизнь временную, земную. Под знаком этой оценки ценностей мы живем и сейчас. Переоценка ценностей, происшедшая так сказать на пороге между Декартом и Локком, была тем самым истинным эмбрионом Всемирной Революции, из которого вышли все ее последствия, была ее вещью в себе, ибо в новой оценке было скрыто намерение чело-

века окончательно, целиком и абсолютно, решить все проблемы земной жизни, сделать земную жизнь „сплошным удовольствием“ и поставить человека на высочайший пьедестал, сделав его тем, выше чего в мире ничего нет и быть не может. Первым шагом в этой переоценке и был эмпиризм. С этого времени исподволь вылезли наружу древние искушения.

Древнегреческая литература знает, как Прометей, один из Титанов, решил подняться выше Зевса на Олимп. Из тех же источников известно, что Зевс Прометея жестоко наказал, а всех Титанов пошвырял с Олимпа вниз в пропасть. Об этом написано у Эсхила.

История современной журналистики знает, что приглашая туристов на первый рейс «Титаника», пароходная компания уверяла всех в полной безопасности плавания на нем. Писалось большими буквами: „Если Господь Бог захочет потопить «Титаник», то Он все-равно этого сделать не сможет“.

«Титаник» затонул. Это случилось 15-го апреля 1912 года, и в этом было великое знамение для нашей современности, когда в титанической борьбе с силами природы, человеческий гений уже простер руку, чтобы увенчать себя венцом высочайшего существа во вселенной.

Мы, русские люди, повидавшие кульминацию применения в жизни доктрины, вышедшей из указанной переоценки ценностей, испытав на себе и на судьбе России, на судьбе русского народа, обещанное благодетелями рода человеческого из лагеря эмпиристов, – мы вправе говорить совершенно утвердительно, что в этой переоценке была сделана кардинальная ошибка.

Мало того, что попытка реализовать в жизни те теории, что возникли из философии эмпиризма, повсюду дали результаты контрпродуктивные и что отсюда последовали бедствия, тяжело легшие на плечи нашей родины, мы наблюдаем, как весь мир, пошедший путями, указанными философией эмпиризма-материализма, все ускоряющейся походкой шествует к грандиозной катастрофе, для представления о которой ни у кого не

найдется ни соображений, ни фантазии.

Так Труман, подписывая приказ об атомной бомбе, представлял себе победу, видел поражение Японии, но никак не мог себе представить, какие же именно последствия будет иметь его приказ.

Ясно, что требуется обратная переоценка ценностей и, что опять-таки ясно, не для того, чтобы вмешивать в современность те или иные внешние формы жизни и быта, которые остались в прошлом, но для того, чтобы верно ориентироваться в обстановке, которая будет складываться в будущем.

Так мы оказываемся перед вопросом. Пусть и неладно получилось применение в жизни понятий о секулярном человеке, все же этот человек есть эмпирически ощутимая реальность. Не считаться с этим нельзя. Стало быть, ошибки можно исправить. Если же от реальности уйти, то это значит вообще отказаться от жизни, уйти в царство мечтаний, и там уже исправить ничего и никто не сможет. Таким образом, если уж в переоценке ценностей нас приглашают вернуться к Декартову человеку, то прежде всего нужно удостовериться в его реальности, – в реальности того, что тут не прекрасномыслие, что этот „Декартов“ человек **есть** на самом деле, как – „я есмь“, и что там действительно есть с чем считаться.

Эта реальность зависит от бытия мира духов, от бытия Божия. Одно дело, если Бог есть, и другое, если Его нет. Декартово время было временем всеобщей веры, наше время есть время господства неверия. Поэтому, прежде чем говорить о возврате к ценностям Декартова человека, нужно убедиться в том, что эти ценности есть.

К вопросу о доказательствах бытия Божия

Об атеизме. Во главе соответствующих суждений стоит вопрос о доказательстве бытия Бога, как Его исповедует Церковь, созданная Иисусом Назарянином, Христом, Мес-

сией, о Котором повествует Евангелие а равно и исторические документальные данные. Вопрос о бытии или небытии Бога, о вере и о неверии, – как говорил Гете, **„является подлинной, единственной и глубочайшей из всех темой истории мира и человечества“**. Речь идет не о боге, в которого веруют пантеисты, подобные Далай Ламе, не о том боге, в которого веровали фантазеры немецкие идеалисты, в которого веруют индусские брамины и американские трансценденталисты. Таких богов много есть на свете, а Бог – один. О Нем у нас и будет речь. Речь будет о том Боге, о своем неверии в бытие Которого заявлял знаменитый атеист Людвиг Фейербах (1804-1872). Фейербах, тот самый мыслитель, что лег звеном в цепи идей единой доктрины между Гегелем и Марксом.

Фейербаху надоели туманные расплывчатые толки его современников, всех этих Гегелей, Фихте, Шеллингов и др. о боге, разлитом в природе и постоянно возникающем, и он пишет: **„Есть только один действительный, достойный почитания Бог. Это есть непосредственный, самодействующий, самоговорящий, самосверкающий громовержец, – Бог старого мира. Либо этот Бог, – либо никакого“**.*

О бытии этого Бога, Бога Библии, отрицаемого Фейербахом и другими атеистами, и говорим ясно и уверенно, – Бог Библии есть.

Речь идет о предъявлении эмпирических свидетельств к этому предмету. Не зная этих свидетельств и повторяя подсказки атеистов всех мастей и оттенков, либо коммунистических агитаторов, многие привыкли считать веру в Бога признаком необразованности. На самом же деле, во все века мыслящие люди всегда занимались вопросами веры, уделяя им чрезвычайное внимание. В этих кругах известно, что естественные науки и философия издавна представляли миру свидетельства о бытии Божиим. Коммунистические агитаторы либо замалчивают эти свиде-

* Заимствую у Г.Зигмунда по его книге „Der Kampf um Gott“, стр. 268.

тельствва, либо издавна искажали их.

Впрочем, здесь дело не столько в свидетельствах, сколько в расположении слушающего. Здесь, кроме добросовестного резонного рассуждения и осведомленности, склоняющейся то в ту, то в другую сторону, решающую роль играют с одной стороны гордость, силою которой человек желает думать, что выше него на земле никого нет и быть не может, а другой мужество и великодушие, в которых себя молчаливо проявляет смирение человека перед Высочайшим Существом, – Богом, Творцом и Вседержителем вселенной.

Суеверие же приходится наблюдать так сказать по обе стороны. Есть люди предающиеся суеверию на стороне религиозной. Они верят снам, гаданиям, приметам и другим видам пустосвятства. Есть суеверие и на стороне атеизма, когда по слову партийного начетчика, угодливые искатели хорошо оплачиваемого места, верят Марксу и Ленину, не умея продумать ложность исходных положений материализма.

Свидетельства о бытии Божиим издавна предъявлялись образованной общественной мысли. Мы их видели в трудах мыслителей, слово которых пережило века, читали в трудах Платона и Аристотеля, у св. Ансельма Кентерберийского, блаженного Августина и других мыслителей. Тщательные разработки этих свидетельств предлагаются и современной богословской мыслью, поскольку эти богословы пользуются свободой, но повторяю, – дело не столько в данных информативного порядка, сколько в расположении ума и сердца.*

* Обращаю внимание читателя на труды д-ра Георга Зигмунда, профессора Высшего Богословско-Философского Училища в г. Фульда, Германия, особенно отличая следующие:

1. Der Kampf um Gott, – Martin Verlag, Walter Berger, 8941 Buxheim, Allgäu, Deutschland.

2. Naturordnung als Quelle der Gotteserkenntnis, – Christiana-Verlag, Stein am Rhein, Schweiz.

Эти и другие труды профессора Г. Зигмунда охватывают области христианской религии, философии, психологии, естествознания и медицины.

Атеизм прежде всего есть плод гордости и отказа принять обязательства и ограничения, налагаемые правилами благочестивой жизни. Атеизм есть продукт нравственной распущенности, плод эмоции, рисующей религиозную жизнь в кривом зеркале. Люди строят себе нелепые представления о вере и о религиозной жизни и приходят в негодование. Правду же узнать боятся, т. к. она действительно налагает обязательства, а нравственная лень их не любит.

Не напрасно библейский мудрец давно восклицал: „Мерзость грешнику благочестие“ и еще „Мерзость гордому смирение“ (см. у Сираха гл. 1-ая, стр. 25 и гл. 13-я, стр. 24).

Желание представить тему о двух понятиях о человеке во всей доступной нам полноте, заставляет продолжить строки об исповедании бытия Бога, т. к. какой же был бы смысл говорить о христианском понимании сущности человека, если ум не устремлен к созерцанию Бога? Жить по-Божьему, как говорил кто-то, надо не потому, что это нравственно, благородно и умно, не потому, что человек живущий по-Божьему, несет окружающим благо и доброту, не потому, что он всегда спокоен и радостен. Нет. Жить по-Божьему надо просто потому, что Бог есть, что Он нас видит, что Он желает нам всяческого блага и потому, что в некий час каждому из нас предстоит предстать перед Ним.

Будем же бодрствовать.

Для человека, совестью своей остановившегося перед этой „подлинной, единственной и глубочайшей темой истории мира и человечества“, не столько имеют значение информативные данные о бесчисленном множестве фактов ЗА и ПРОТИВ, сколько важна совершаемая во внутреннем человеке готовность осмелиться сделать трансцендентальный мыслительный шаг через черту, отделяющую мир вещей незримых от мира чувственных вещей, важна готовность соприкоснуться с миром незримым и войти в него. Этот шаг совершается тогда, когда обостренным вниманием ум и сердце ощутят, что мир

вещей незримых соучаствует в нашей земной жизни. От мыслителя требуется интегральное внимание и готовность свободной воли признать, что благочестие и смирение суть не мерзость, заслуживающая презрения, а достоинство, требующее подражания. Недаром же Достоевский восклицал: „Смирись, гордый человек!“...

Английский эмпиризм замкнул мысль в пределах чувственного мира. Французские иллюминаты осмеяли все, что не помещается в рамки чувственности. Материалисты стали решать все проблемы жизни так, словно за пределами этих рамок ничего нет. Они сочли, что средства, имевшиеся в их распоряжении для их опыта, вполне достаточны, и очень, очень многое из того, что должно было быть учтено, осталось вне поля их зрения. Между тем, все то, чего эти мыслители не заметили, все то, что они осмеяли и грубо вытолкнули из жизни, продолжает соучаствовать в ее превратностях, то содействуя человеку, когда он разумно и без гордости сочетает чувственное с незримым, то больно наказывая, когда он предается гордости, за дерзание в нарушении Высочайшего Закона, которому подчинен весь мир.

Умно и выразительно говорил об этом Томас Карлайль: „Неписанный, если хотите, но реальный и основной, стоящий прежде всех писанных законов, такой, который вообще сделал возможными все писанные законы, должен быть и есть, и всегда будет, имманентный человеческому обществу с момента его возникновения и до самого конца его существования, подлинно непреклонный закон, подобный закону военного времени, имеющий большую ценность, нежели какой бы то ни было другой закон“.

Это и есть закон вечной жизни, отрицание которого ввергает в вечную смерть.

Когда мы мчимся в вагоне „электрички“ из одного конца города в другой, мы не думаем о том, что там, внизу, около осей и колес совершается действие, отвечающее незримым законам магнитного и электромагнитного поля.

В дни Бэкона и Локка никто не подозревал о существо-

вании этих законов физики, **но они были** и, по-своему, незримо соучаствовали в материальной жизни человека. Когда мы, люди, беседуем между собою о чем бы то ни было, мы забываем, что в нас самих, в нашей речи, совершаются законы, в силу которых незримое сочетается с чувственным: мысль с языком! Когда мы оглядываемся на судьбы окружающего нас человечества, мы не останавливаемся, чтобы дать себе отчет в том, что в превратностях этих судеб совершается сочетание мира чувственного, чувственных вещей, с миром незримым. Но оно совершается.

О смысле бытия

Но!.. Возможно ли человеку ощутить совершение этих событий? Человеку искони было свойственно изучать материальный мир во всем его многообразии. При этом внимание прежде всего останавливалось на явлениях природы. От глубочайшей древности и до наших дней, от Зороастра и Аристотеля до Камюса и Бергсона, естественными путями мышления философы досматривали до **смысла бытия** этого мира. С этим они возвышались к понятию о бытии некоего подателя смысла, подателя, стоящего выше порядка вещей чувственного мира, о бытии некоего учредителя этого порядка, о бытии некоего „великого архитектора“ или мыслящей „мировой души“. Отсюда в Вавилоне Ормузд и Ариман. Отсюда египетский Ор (Horus), отсюда громовержец Зевс и Неведомый бог (тоес агносто), к которому стремились мудрецы Афинского Ареопага. Отсюда же и пантеистические представления немецких идеалистов, американских трансценденталистов и русских вольнодумцев, богоискателей и, в конце концов, – применение Гегелевской диалектики к вопросам классовой борьбы и развития человеческого общества. Было ведь немало простодушных рабфаковцев, от души вдохновлявшихся законами диалектики и веровавших в их надмирную силу. Святая простота!..

Мыслители до-христианского мира уходили далеко вглубь исследуемого ими предмета, но никому из них не удавалось собственным умом дойти до уразумения одной истины, – истины о том, что **исследуемая ими вещь чувственного мира сама по себе, своею собственной силой не может быть причиной скрытого в ней смысла.** Вне этой истины, утаённой от мыслителей не-христианского мира, внутреннее бытие исследуемых явлений природы всегда оставалось и остается на уровне относительности. Эта относительность и ввергла эмпиристов в ошибку, в силу которой их выводы в область нравственности оставались и остались контр-продуктивными и вместо добра дали зло, быть может, при самых благих намерениях самих мыслителей.

О вере

Для того, чтобы умом и сердцем дойти до **абсолютного** смысла исследуемого явления, человек всеми силами своего ума должен перешагнуть за пределы форм относительного бытия чувственного мира и вступить в область мира незримого. **Тогда ему становится доступно уразуметь основу исследуемого относительного бытия, узреть в абсолютном бытии причины искомого смысла.** В бытии **причины** искомого смысла. Тогда уму открывается абсолютный Виновник всего бытия, Который и обнаруживает во вне все то, что само по себе самую вещь обнаружено быть не может, почему и познание его без соучастия Виновника не совершается.

Но вот, при указанных условиях обнаружение и познание встречаются между собою, что и есть живой акт, удостоверяющий причину, бытие причины совершаемого и свидетельствующий о бытии Творца и Вседержителя мира видимого и невидимого.

Непреодолимой правдой звучит здесь слово Апостольской проповеди, обращенной к Эллинскому миру. Оно прозвучало из уст Павла Тарсянина, когда Великий Апостол произнес свое слово о Христе Спасителе перед собра-

нием Афинского Ареопага. Св. Апостол призывал не просто искать Бога, но искать с той целью, чтобы найти Его (Деян. 17, 27), и ищущий находит (Матф. 7, 8).

Когда вы в Афинах поднимаетесь к Акрополю не по главной лестнице, а в обход, переулками, то уже приближаясь к вершине вы оказываетесь подле огромной скалы. Наверху этой скалы – площадка, где собирался Ареопаг, афинский аристос. Сюда ведет лестница, сегодня доступная только молодым ногам и то если эти ноги проворные. Две тысячи лет сказали свое слово.

Справа от лестницы, внизу на стене этой скалы вы увидите прикрепленную к камню большую бронзовую доску, на которой выгравирован текст по-гречески. Нынче его трудно прочесть. Буквы стерты, доска постарела. На этой доске благочестивые греки увековечили речь св. ап. Павла к собранию Афинского Ареопага. (Я ее видел летом 1981 года). Эту речь вы найдете в Библии, среди книг Нового Завета. См. Деян. 17, 19-34.

Это здесь относительная мудрость языческой философии стоиков и эпикурейцев встретила с абсолютной Истиной библейской премудрости. Здесь древний языческий мир пришел к познанию единственного Бога, кроме Которого, как сказал мудрец-атеист Фейербах, иного нет, и быть не может. Здесь стоики и эпикурейцы осмеляли Апостола и здесь „Дионисий Ареопагит, Дамарь и другие с ними“, как о том говорится в книге Деяний Апостольских, совершили тот таинственный акт, которым ум переступает черту, отделяющую чувственный мир от мира духовного, когда ум оказывается в той области интеллектуального бытия, где незримое становится очевидным. В этом трансценденте и совершается акт веры.

В этом акте веры осуществляется, то есть – приобретает существо, субстанцию не что иное, как умственная перемена, та самая переоценка ценностей, то самое покаяние, о котором говорил св. Иоанн Креститель (Матф. 3, 2), и к которому призывал Иисус Христос в первых словах Своей проповеди (Мар. 1, 15) и в Афинском Ареопаге, призывал св. Апостол Павел. Через веру незримое обле-

кается реальной силой, считаясь с которой человек оказывается в состоянии избежать опрометчивых шагов и действовать на благо, а не на зло себе и другим.

С этим открывается смысл человеческой жизни. Он раскрывается в исполнении императива для каждого человека, образовать свой собственный образ по образу и подобию Божию. Это и есть то подлинное, субстанциональное и творческое дело, к которому призван человек. В этом должна быть поставлена цель его жизни и по мере служения этой цели и достижения ее или же противостояния ей, оценивается личность каждого „Я“ и его пригодность или непригодность к дальнейшему бытию.

Смысл земной жизни раскрывается в бессмертии и в вечности, в которой дух человека, освободившийся от плоти и от чувственности, оказывается в состоянии непосредственного общения с Богом, Сотворившим весь мир и человека.

По толкованию св. Отцов, слово „Эдем“ (Рай) обозначает прежде всего духовное состояние человека, его способность к непосредственному богообщению. (См. у св. Григория Богослова „Песнопение таинственное“, Слово 7-е).

Там, в той жизни, где „времени уже не будет“ (Апок. 10, 6) человека ждет нравственный суд воздаяния, кары и награды, где исполнение приговора совершается либо самим человеком в его земной жизни, и выражается либо в его подготовленности и способности воспринять вечное блаженство, „что Бог приготовил любящим Его“ (Кор. 2, 9), либо в муче, вызываемой неспособностью воспринять в свою душу радость общения с Богом, либо в муче вечно нарастающей злобы и досады абсолютной бесцельности бытия и невозможности прекратить его – „муча вечная“ (Матф. 25, 46).

Атеист утешает себя мыслью, что бессмертия нет и что, как говорил Эпикур, „со смертью человека кончается проблема смерти“. Но тот же атеист в этом своем утешении создает картину абсолютного отчаяния, ибо с отрицанием бессмертия, с отрицанием кары и награды в веч-

ности, нет возможности отыскать смысл человеческой жизни, наглядно обнаруживается абсолютная бессмыслица земной жизни, и все скорби и радости ее совершенно обесцениваются и страшную силу убедительности приобретают слова Ф. М. Достоевского: „Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога и не убить себя тотчас же“ („Бесы“, тл. VI).

Несколько слов о богоискателях

Заложив большие пальцы за борт жилетки, Ленин издевался над русскими богоискателями и в переписке с А. Пешковым (Максимом Горьким) писал, что де-мол „нечего искать то, чего нет“. В этом красный мудрец явил не что иное, как свое тупоумие. Прошу извинить меня, что позволяю себе внести такое неприличное слово на эти страницы. Слово это принадлежит не мне, а именно Ленину, который щедро бросал его в лицо тем, кто осмеливался быть с ним не согласным и прежде всего ученым Маху и Авенариусу. Ленинское же тупоумие в том, что того, чего нет во всей истории человечества не искал никто, нигде и никогда, и искать этого никто не мог и не может.

Исследуя мысль человечества, легко убеждаешься в том, что самые поиски, совершаемые человеческим умом, свидетельствуют о бытии искомого. Нахождение же или ненахождение зависит от ума, или от тупоумия, и кроме того от жестокосердия. Последние два качества, будучи свойственны Ленину, и не дали ему возможности найти Бога, когда этот вопрос возник в его уме. Он решил его тогда, когда, как известно, сорвал с шеи нательный свой крестик, плюнул на него и растоптал его ногами.

Тупоумен и жестокосерд был Ленин. Вот и не нашел, а люди вдумчивые – находили, пример чему имеем в лице Ф. М. Достоевского. За это его красные и ненавидят.

Был между друзьями такой разговор. Один дерзко говорит:

– Покажи мне твоего Бога, тогда я в Него поверю.

А другой отвечает, спрашивая.

– А у тебя что, сердце чистое? Не слыхал ты разве, что „чистые сердцем Бога узрят“?

Свидетельства о бытии Божиим, факты и доводы, удостоверяющие истину бытия Божия, представлены уже давно. „Агитпропы“ утаивали эти доводы от своих аудиторий, промывая слушателям мозги только аргументами отрицательными. Но исследователи добросовестные издавна знают, что аргументы апологетические имеются и записаны в творениях таких умов, как Платон, Аристотель, как блаженный Августин, св. Ансельм Кентерберийский и целый ряд других мыслителей, среди которых на Западе видное место занимает Фома Аквинат. В трудах этих мыслителей мы встречаем убедительные доводы апологетики из области космологии, говорящие о первопричине бытия, здесь телеологические суждения, выясняющие целесообразность жизненных процессов биологии, здесь мысль возводится к высотам онтологии, где перед нею выясняется представление о бытии Высочайшем, о Всесовершеннейшем Существе, – О Сущем (Исх. 3, 14), – понятие, которое могло возникнуть только по той причине, что Существо это **есть**. Если бы Его не было, человек самостоятельно не мог бы Его измыслить и не мог бы Его искать.

Из истории Древней Греции известно, что еще во времена Сократа у греков вера или неверие почитались важнейшим фактором общественной жизни. Греки считали веру основанием общественности, ибо ею держится единый, нерушимый, абсолютный закон, нормирующий поведение человека. Едва упраздняется вера в Бога, закон оказывается на зыбкой почве. Он теряет свою абсолютность и общественная жизнь становится невозможной... или заменяется деспотизмом, который, в свою очередь открывает путь невежеству и пороку. По этой причине и в наши дни некоторые общественные деятели полагают, что конституционная свобода вероисповедания является аргументом антиобщественным. Не наше дело возводить кого бы то ни было в высоты „где Свет Неприступный“

(1 Тим. 6, 17). Не ум, а сердце вводит человека в незримый мир боговедения, ибо оно, как говорит св. Дионисий Ареопагит, должно состоять в ощущении сокровенного, через которое ум приходит к таинственному созерцанию непостижимого Божественного Существа.

Доводы предъявлены. Каждый с ними поступает по своей совести и каждый даст за себя ответ, но Истина пребывает неизменною, независимо от того, познает ее человек, или не познает, и каждый даст ответ за себя самого.

О человеке

Локк не ставил вопроса о бытии Бога. Местами он ссылается на авторитет Библии, приспособлявая тексты к своим интересам. Впрочем, бытие Бога он прямо не отрицает. Он только описал человека в таком виде, что тот оказался вне какого бы то ни было отношения к Богу. Французские иллюминаты и английские почитатели разума (Том Пэйн) применили мировоззрение эмпиризма к своим целям и подняли волну атеизма.

После того, что много места мы уделили описанию понятий о Боге, казалось бы, можно остановиться на этом, полагая вопрос исчерпанным. Однако, именно такая позиция Локка, что он рассматривал человека вне отношений к Богу, в то же время имея Библию своим авторитетом, заставляет нас по мере сил осветить вопрос об отношениях человека к Богу и именно в том смысле, как он предъявлен представленными библейскими выдержками. Вопрос остается в плоскости выяснения о бытии бессмертного человеческого духа. В этом, собственно говоря, вся суть. В этом различие между „декартовским“ человеком и человеком, как его понял Локк, то есть человеком „секулярной“ культуры.

Тракуемая тема, являясь „подлинной, единственной и глубочайшей из всех тем истории мира и человечества“ (Гете), предъявляет теперь требование ответить на вопрос: „Свойственна ли мне, то есть моему человечес-

кому „Я“ , духовная сущность, отдельная от моей плоти, но присущая мне во временной жизни, или не свойственна? Имеют ли ценность вышеприведенные десять библейских пунктов христианского понимания человека, или не имеют?“

Ответ на этот вопрос всегда был затруднен тем, что эмпиристы, позитивисты и материалисты разных толков (от Дидро и Бюффона до Фрейда и Маркса), давая свой отрицательный ответ, предлагали свои утверждения. Эти утверждения на первый взгляд были полноценными, впрочем, вскоре в них обнаруживалось небольшое пространство некоторой неясности и недоговоренности. Утверждения эмпиристов оказывались сомнительными. Дискуссия продолжалась, но мнения, выдвигаемые со стороны эмпиристов, между тем прививались к общественной мысли и делались *consensus omneum*. Поэтому какой бы новый опыт ни появлялся, какие бы сомнения в правильности исходных положений эмпиризма ни возникали, исходный постулат атеизма оставался принят, как нечто непогрешимое и неприкосновенное, и за пределы этого постулата выходить не позволялось никому. Этот запрет распространяется как на область вопроса о бытии Бога, так и на область понятий, относящихся к бытию духовной сущности человека.

Но факты говорят за себя.

Коль скоро научные и философские исследования указывают на участие Творческой Руки в жизненных процессах и свидетельствуют о том, что человеку свойственна духовная сущность, выходящая за пределы эмпирических восприятий, только „кляп“ партийной дисциплины (по Ленину), страх перед чекистами в пределах их власти или трусость и опасение услышать вольтеровский ехидный смешок, могут заставить умолчать и не обратить внимания на эти факты.

Бог знает, как могут быть восприняты приводимые нами ниже научные данные! Встречаясь с наукой, подчиненной философии эмпиризма, мы имеем дело с тем хитрым врагом истины, который называется лжеименным

знанием, „пseudонимо гносеос“, против которого давно предупреждал св. Апостол Павел.

Гипноз этого врага истинного знания лежит на многих страницах научных данных современности и без воли ума к освобождению от этого гипноза, он легко остается в тенетах преднамеренных суждений материалистического порядка. Преодолеть же оковы лжи, обнаружить гасимый ею источник света, значит разорвать кандалы материализма, значит вступить в область радостного вдохновения и свободной творческой мысли. Для того, чтобы сделать этот шаг, нужно сильное напряжение внутреннего внимания.

Д а р в и н и з м

Появление учения Чарльза Дарвина обозначало великое торжество материалистической науки. Всем показалось, что Дарвин дал исчерпывающий ответ вопрошанию материалистически настроенного ума, ответ, наконец, покрывший все полотно картины. Книга Дарвина „О происхождении видов“, дала мысль, которой люди желали страстно. Все комментаторы, упоминающие об этой книге, говорят, что ее тираж был раскуплен в тот же день, как она поступила в продажу (1859 г.). Биологическое учение Дарвина импонировало настроению общественной мысли тех дней, т. к. оно не только раскрывало тайну эволюционного трансформизма в области биологии, но оно, гармонично вписывалось в настроенность умов, воспринявших философию прогресса. Не подлежит сомнению, что и сам Дарвин пришел к своим заключениям по той причине, что мыслил по колее прогресса. Чтобы понять Дарвина и то – как и почему его теория была воспринята с таким энтузиазмом, надо дать себе отчет в сути философии прогресса. Идея прогресса была издавна свойственна человеческому уму. О ней говорили еще древние греческие философы, понимая под этим не что иное, как продвижение вперед. Незадолго до времени промышленного переворота, английский язык применял

слово „прогресс“ в таком только смысле, что люди говорили о „прогессе королевского поезда от деревни к деревне“ и сравнивали „прогресс“ черепахи с „прогрессом“ улитки. В таком смысле этим словом можно пользоваться и теперь.

Промышленная революция началась в Англии в 1709 году, когда в Шропшире, близ места где сейчас находится Айронбридж, для выплавки железа стали применять вместо древесного угля – каменный. Этим было преодолено экологическое кольцо, ограничивавшее производство железа 200-летним оборотом восстановления древесного топлива. Кокс позволил производить железо в любом количестве, независимо от подрастания вырубленных лесов.

Задымили фабрики. Закрутились колеса станков. Появились новые товары, ускорилося кораблестроение. Все двигалось вперед гигантскими шагами и к понятию о прогрессе привилась идея о том, что каждый новый шаг вперед порождает силы, ускоряющие и усиливающие движение. Известно, что техническая революция породила силы революции социальной, т. к. не что иное, как индустриальная революция принесла разорение кустарной промышленности, пауперизацию, дешевый труд, а с ним и пролетариат, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Идея прогресса дала Дарвину толчок и из его разработки возникло такое биологическое учение, которое вполне укладывалось в общую идею прогресса.

По Дарвину выходило, что концы эмпиризма сходились с концами биологии. Тайна человека, рождающегося, как табула раза, казалась открытой. Осмысливалась борьба за существование и торжество выживания сильнейших и оправдывалась гибель слабейших. В Дарвине утверждалось понятие о том, что новые признаки биологических видов возникают, как результат сопротивления адверсивным влияниям среды и в ходе борьбы за существование. Все это, через призму учения Дарвина, оказывалось нормой бытия природы. По Дарвинской биологии находили объяснение законы мирового порядка, того

самого Veltordnung, о котором размышляли немецкие идеалисты... и это было торжество Робеспьеровой богини Разума и всесильного Закона Природы, и со всем этим блестяще гармонировало социологическое учение Маркса.

Дарвинизм дал возможность материалистам разъяснить всему миру тайну происхождения человека из материи по законам, которым материя подчинена, и с этим гармонировало учение Маркса о развитии общества.

Антропология, наука о человеке, зародившаяся в середине 19-го века (Поль Брока́, французский хирург, положивший начало антропологии – 1824-1890) изучала анатомию, исследовала палеонтологические находки (окаменелости костей), строила догадки и делала заключения, строго держась норм, предписанных философией эмпиризма, границ закона природы, прогресса и поклонения богине Разума. Все деятели науки подчинили свою мысль постулату атеизма. Никому и в голову не приходило перешагнуть через черту в область неведомого даже тогда, когда это неведомое стучалось в дверь. Все было замкнуто в кольцо эмпиризма, и дарвинисты чувствовали себя победителями.

Но у дарвинизма нашлись противники. Первыми из них явились английские клерикалы, среди которых особенно выделялся англиканский епископ Вильберфорс. Он воспринял дарвинизм, как аргумент антирелигиозный, ибо он оскорбился при мысли о происхождении человека от обезьяны. Вокруг обезьяны пошли споры и дискуссии и как-то осталось за пределами обсуждений то, что важнейшим элементом дарвинизма был не вопрос об обезьяне, а вопрос о том, что Дарвин утверждал как истину понятия эволюционного трансформизма в животном мире и тем утверждал абсолютность Закона Природы. Дарвинизм гармонично вписывался в общую картину философии прогресса. Он отвечал понятиям философии Гегеля, тогда очаровавшей умы всей Европы, он отвечал понятиям о развитии и борьбе. Он вписывался в представления всего мыслящего общества, как заключительная черта, и марксистские понятия о классовой

борьбе, как движущей силе прогресса, в дарвинизме находили крепкую базу. Можно сказать, что если технологический прогресс и развитие социальных отношений были двумя ногами треножника для Маркса, то в открытии Дарвина нашлась та третья нога треножника, установление которой позднее дало Ленину повод говорить, что учение Маркса всесильно. И тем не менее голос епископа Вильберфорса продолжал звучать, вызывая критическое отношение к дарвинизму.

В духе и смысле философии прогресса Тайный Союз Коммунистов в 1847 году поручил Марксу и Энгельсу изложить Коммунистический Манифест. Он вышел в свет в 1848 году. Книга Дарвина вышла в 1859 году. Законы Божества Природы и вера в них отвечали тому, что можно было назвать *consensus omneum* и хотя не совсем „по адресу“ продолжал звучать голос английских клериков, отвергавших возможность своего происхождения от обезьяны, ученый мир биологов чувствовал то, что в „похмельи“ восторгов ускользнуло от широкой публики. Эта публика не заметила того, что **одно из звеньев цепи, которою держался дарвинизм, еще не было достаточно проверено.** Общественная мысль, недостаточно осведомленная в биологии, легковерно приняла все разъяснения, относившиеся к эволюционному трансформизму, не позаботившись подвергнуть каждое из звеньев надлежащей проверке.

Люди так сказать приняли на веру все данные о естественном отборе, о борьбе за существование, о выживании сильнейших и наиболее приспособленных, легко восприняли аргумент о том, что живые организмы способны в борьбе за существование приобретать свойства или качества, силою которых эти организмы оказываются в состоянии противостоять вредным и даже губительным влияниям внешней среды. Только пристальный взор особенно внимательных наблюдателей замечал, что в дарвинизме, как он себя являл миру, **не было дано объяснения одной небольшой, но более чем многозначительной подробности.** Последняя состояла в том, что никто до тех пор не

дал исчерпывающего объяснения тому, как и почему признаки, приобретенные живыми организмами под влиянием внешней среды, со временем и сменой поколений, начинают превращаться в признаки, передаваемые по наследству, как их называют – наследственные. **Загадка мутаций!**

Верно, – говорилось, – законы борьбы за существование ведут к тому, что противодействуя вредным внешним влияниям, организм вырабатывает в себе, и с тем приобретает, новые признаки. Об этом говорил еще со времен „Энциклопедии“ Ламарк (1744-1829). Эти законы лежат в основе эволюционного трансформизма и тот факт, что в силу этих законов благоприобретенные признаки превращаются в наследственные, надобно было понимать, как данную, не требующую объяснения и не допускающую возражений.

Однако, дискуссии вокруг теории Дарвина и дальнейшая экспериментальная работа все же требовали в порядке эмпирической точности, желающей ощутительно знать, знать чувственно; настоятельно требовали, чтобы точный ответ был предъявлен. Науке не скоро удалось раскрыть секрет мутаций, но все же удалось, ибо, как говорят, природа охотно отвечает человеку на его вопросы, когда они правильно поставлены и когда человек внимательно слушает ответ.

Вопрос был поставлен и ответ был получен в гениально поставленном и тщательно проведенном опыте американского биолога Томаса Гунта Моргана (1866-1945). Для опыта была использована фруктовая мушка, – *Drosophila melanogaster*, замечательная тем, что смена поколений у нее происходит каждые десять дней. Опыт Моргана длился тридцать лет. Наблюдению подверглось двести миллионов особей дрозофилы и у каждой особи были учтены все признаки, как наличные, так и приобретающиеся под влиянием внешних условий, передававшиеся по наследству, и терявшиеся; как благоприятные для вида, так и губительные. Результаты опыта были проверены и подвергнуты обсуждению. Выводы

были приняты всем ученым миром Запада и Моргану в 1933 году была присуждена премия Нобеля.

Это открытие стоило жизни не одному из русских генетиков и агрономов. На них обрушилась партийная наука, увидавшая в открытии Моргана буржуазный выпад, подкапывающийся под Маркса. Мало кто в те дни, да и теперь, давал и дает себе отчет в том, насколько учение Маркса связано с учением Ламарка. Морган опроверг Ламарка. С этим в марксизме получилась крупная брешь, т. к. теория классовой борьбы гармонировала с учением Ламарка и с открытием Моргана эта гармония нарушалась.

Неудивительно, что Сталин встревожился, едва услышав первые вести о Моргане. Тогда из архивов вытащили любительские труды И. В. Мичурина, которые тот строил по Ламарку, и окружили доброго садовода-любителя всевозможным почетом. Тогда же возвели высоко над горизонтом звезду агронома Т. Д. Лысенко, изобретшего метод яровизации, разработанный тоже по Ламарку. Яровизация вскружила голову тов. И. В. Сталину и ученые наши агрономы, подходившие к вопросу о Моргане с точки зрения науки, за свою откровенность должны были отправиться в концлагеря. В те дни были и уверовавшие агрономы. Они стали применять метод яровизации где только ни приходилось. Наконец, в 1936 году партия и правительство распорядились о проведении яровизации повсеместно. Научно-теоретическая и философская подоплека оставалась тайной для массы. Ученые-генетики университетского калибра помалкивали и в разговоры не вступали. Яровизация привела к полному провалу посевную кампанию 1936 года, о чем в газетах, разумеется, не писали. Некоторые личные наблюдения свидетельствуют, что опыт Моргана сильно подорвал доверие к марксизму и это отразилось на настроении образованной партийной публики. Есть личные впечатления, говорящие о том, что опыт Моргана оттолкнул от партии многих и что это было одной из причин „ежовщины“.

Но вернемся к Дарвину и Моргану. Опыт Моргана

представил в совершенно новом виде господствовавшие до тех пор представления об эволюционном трансформизме. Теорию Ламарка пришлось сдать в архив и с этим отказаться от мысли, что эволюция живых существ происходит в силу закономерностей, фатально заложенных в природу вещей. Пришлось признать, что весь процесс биологического эволюционного трансформизма совершается и совершился в результате бесконечного числа случайностей, что в этом процессе произошло не только восхождение к более высоким видам, но и нисхождение, деградация, приведшая некоторые виды к вымиранию. (Не так ли вымерли динозавры?). Другие виды, как бы останавливались в своем развитии, когда достигали какого-то предела, и только один вид непрерывно „шел вверх“ и, в конце концов, достиг совершенства наблюдаемого в человеке.

Человек предстал, как единственный биологический вид, который, будучи результатом деятельности биологической природы, ее объектом, в конце пути оказался в положении и в состоянии осмысливать эту же природу и воздействовать на нее субъективно, в известной мере подчиняя ее своей воле.

Событие чрезвычайное! В нем совершилось то, что само по себе совершиться не может, но что совершилось и чего отрицать нельзя, как не можем мы отрицать свое собственное бытие. А то, что оно (событие!) совершилось, служит несомненным свидетельством бытия некоторой творческой силы, своею волей господствующей над всеми законами бытия мира.

Случайность?.. Есть охотники все события сотворения мира, жизни и человека относить к случайности, как к принципу, и к случайностям, как к фактам, и эти охотники не видят разницы между одним и другим. Если же наблюдатель видит принципиальную разницу между тем и другим, т. е. между случайностью, как принципом, и случайностью, как фактом, то получается картина действительности, в которой становится очевидно, как из бесчисленного множества фатальных случайностей творчес-

кая воля отвергает непригодное и разрушающее и утверждает положительное и созидающее, и так ведет к совершенству. Легкомыслие видит здесь фатум закона природы, мысль, проникающая вглубь, созерцает здесь действие верховной воли.

Сколько бы миллионолетий ни длился процесс творения, в бытии самого человека обнаруживается свидетельство сотворенности человека Богом.

Интегрально рассматривая каждый предмет своего наблюдения, философия велит охватывать его (т.е. – исследуемый предмет) от начала до конца, венчающего всякое дело. При этом рассмотрение не ограничивается учетом внешне происходящего, но устремляется внутрь события с целью осмыслить его, – акт в мире доступный только человеку. Поэтому, добросовестная биология и другие средства познания исследуют не только, – **что, как и почему** произошло наблюдаемое, но в каждом поступательном шаге эволюционного трансформизма пытаются досмотреть до цели, до назначения этого акта, видеть общую целеустремленность всего процесса, и спрашивают, – **для чего и зачем** все это происходит и произошло.

В какие бы глубины палеантропологии мы ни устремляли наше внимание, поведем ли мы речь о *homo robustus* или же о *homo erectus*, мы приходим к выводу, что *homo sapiens* оказался венцом творения, и с тех пор, как он явился на земле, дальнейших эволюционных трансформаций нигде и никто не учел. Это значит, что по воле творческой силы, господствующей над всем миром, весь процесс эволюционного трансформизма был устремлен к созданию человека, который и явился единственным в мире существом, имеющим свободную волю и дар рассуждения (Сир. 15, 14). Человеком и увенчался весь процесс творения мира.

Итак, когда мы всю многомиллионолетнюю цепь трансформизма животного мира, в той генетической линии, которая увенчалась возникновением человека, оказав при этом должное внимание ко всем подробностям, относящимся к делу, впишем в порядок целеустремлен-

ного чередования видов, постоянно приближающихся к человеку и получивших свое завершение в человеке, тогда мы увидим и самый смысл естественного явления эволюционного трансформизма, тогда поймем, что целью возникновения и чередования видов было не что иное, как создание человека, по воле виновника бытия самого естества и законов, которым оно подчинено.

Тогда нам остается поблагодарить Дарвина и других добросовестных естествоиспытателей за их мудрый, вдохновенный труд, посредством которого короткие библейские строки (Быт. 1, 1-31) получили требуемое современностью истолкование и возможность полноценного их понимания.

Заговорил и стал человеком, или стал человеком и заговорил?

То, что человек создан, как „вершина органической иерархии“ (по выражению Дарвина) не говорит еще о том, что ему присуще невещественное духовное существо. Поэтому нам приходится теперь вникнуть в природу человека уже не столько с биологической стороны, сколько со стороны чисто антропологической.

Убедив себя в том, что человек есть не более, как сложный комплекс физиологической материи, как сегодня сказали бы, – „дезоксиррибонуклеиновой кислоты“, антропологи-материалисты остановились перед вопросом о том, – где же проходит черта, отделяющая человека от всего животного мира. Имея атеизм обязательным постулатом своих изысканий и не имея мужества выйти за пределы границы, положенной атеизмом, эту черту они нашли в языке и построили учение о том, – как язык создал человека. Определили, что когда некий человекообразный троглодит, на путях трансформизма в условиях борьбы за существование и в ходе биологической эволюции видов приобрел череп с таким устройством полости рта, которая давала ему возможность издавать членораздельные звуки, тогда он стал формировать слова и поль-

зоваться ими для общения с себеподобными. Со временем он осознал, что словам свойственен смысл, и когда он осознал этот смысл, тогда у него явилось сознание. Тогда он и стал человеком. Так рассуждали философы эмпиристы-позитивисты-материалисты, шедшие по пути к марксизму.

Идею о первичности языка по отношению к мысли впервые предложил немецкий мыслитель Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803) в своем сочинении „О происхождении человеческого рода“ (*Urkunde des menschlichen Geschlechtes*). Он определил человека, как животное имеющее вертикальное положение. Его объяснение было принято, т.к. оно отвечало всеобщему настроению общественной мысли, и никто не заметил противоречия, внесенного в тему гердеровским учением. Вообще, когда в наше время обращаешь взор на то, что писалось и думалось в те годы, когда возник Союз Иллюминатов, то поражаешься простоте как авторитетов, так и всех их учеников.

Отчетливо вычерченное резюме марксистского учения в этой области находим в трудах Института Философии Академии Наук СССР в сборнике, озаглавленном „Язык и мышление“. Нам приходится останавливаться на этом предмете во всех возможных подробностях, ибо здесь лежит ось вопроса о бытии или небытии духовной сущности человека. Свободна ли от материи звука наша мысль, или нет? Имеет ли и может ли мысль иметь свободное, независимое от материи бытие, или не может? Вот в чем вопрос.

„Марксизм обнаружил существо человека, – пишет Д. П. Горский, – как существа биологического и существа социального, что существенным свойством, отличающим его от животного, является его способность к труду, его способность производить орудия труда. Именно это свойство и было тем, что превратило его в общественное животное, что выделило его из животного мира и что дало ему возможность приобрести разнообразные новые биологические свойства“. (Сборник Академии Наук

СССР, „Язык и мышление“, стр. 81).

Глубже и еще более лаконично звучит формула Ф. Энгельса, указывающая, что причиной возникновения языка является труд. „Сначала труд, а затем уже и рядом с ним **членораздельная речь явились причиной очеловечения обезьяны**“, – говорит он.

Оспаривать материалистическую аргументацию было бы интересно, но многословно. Во многом материализм прав, но данные выдвигаемые с его стороны, не продуманы до конца. Например, центр Брокá действительно свойствен только человеку, но был ли он инструментом, субъектом речи, или же он явился результатом, объектом речи? Далее, – разрушение центра Брокá не лишает человека дара речи, хотя и прекращает способность говора. „Отнимается язык“, но человек „говорит глазами“, о чем, конечно, помнят все, кто читал гениально переданную Л. Н. Толстым сцену разговора между князем Болконским и княжной Марьей, когда князя принесли тотчас же после удара („Война и мир“).

Впрочем, не оставим без внимания сказанное у марксистов. Существа человека марксизм не обнаружил, ибо, хотя бы человек биологически и был, как выразился Дарвин, „вершиной органической иерархии“, ему (то есть, нам с вами) свойственны функции отнюдь не биологические, а именно духовные, такие, что относятся к *res cogitans*, функции, являемые в эмоциональной жизни чувствований. Вульгаризируя этот предмет, можно, конечно, найти элементы чувствований и у зверей. Можно наблюдать зависть, гнев, радость или печаль, но здесь материальный элемент настолько очевиден, что психология, серьезно вникающая в эмоциональную жизнь человека, легко проводит черту, где биологическое кончается и где внимательный взор видит глубину человеческого духа, хотя бы его жизнь и склонялась не всегда в сторону добродетели, и зачастую являла бы глубины падения в порочность. Читатели сочинений гениальных писателей знают персонажи Скупого Рыцаря у Пушкина, Леди Макбет у Шекспира, наконец, портреты людей, выведенных

на сцену пером Достоевского.

Можно бы предложить еще целый ряд доводов, указывающих на несостоятельность суждений материалистической школы, но мы оставим их и обратимся к одному пункту, из которого выясняются все прочие. Это – взаимоотношение между словом и мыслью в языке всего человечества, всякого человеческого рода, ибо в этой капле, освещаемой солнцем, становится видным бытие того, что у Декарта именовалось *res cogitans*, – сознание, имеющее бытие самостоятельно и независимо от *res extensa*.

Советские источники настойчиво твердят: „сознание не существует и не может существовать вне языковой оболочки“. И еще, – „мыслей, свободных от природной материи языка, то есть от слов, нет и быть не может“, и все это у материалистов коренится в понятиях, что „мы думаем словами“. Все это ведется к тому, чтобы убедить себя и всех окружающих в том, что слово и мысль представляют полное единство.

Для этого цитируется авторитет Маркса.

„Над душой, – говорится у Маркса, – от самого начала нависло проклятье: быть 'отяжеленною' материей, которая себя являет в виде движущихся слоев воздуха, в звуках, одним словом – в языке. Язык так же древен, как и сознание; язык **есть** реальное сознание, сознание практическое, существующее для других людей и только таким образом для себя; подобно сознанию, язык возникает лишь из необходимости, из повелительной надобности общения с другими людьми“.

Эта цитата из Маркса предлагается советской Академией Наук в сопровождении комментариев В. З Панфилова, который пишет: „Философский материализм /.../ считает, что идея существует лишь постольку, поскольку она реализуется в определенных материальных формах при том условии, что ее бытие обусловлено деятельностью одной из форм материи, в данном случае мозгом“ (см. вышеназванный сборник АН, стр. 106).

Здесь именно Карл Маркс и его последователь,

В. З. Панфилов проговариваются, выявляя несостоятельность как своих суждений, так и авторитета Академии Наук, подчиненной власти коммунистической партии. В их высказываниях сквозит ложность их знания, тот самый псевдонимо гносеоз, против которого св. ап. Павел предупреждал своего ученика Тимофея, когда говорил о „лжеименном знании“.

Если вы перечитаете приведенные цитаты, то обратите внимание на то, как невольно материалисты проговариваются, признаваясь, что „**язык возникает**“ из необходимости общения и что „**идея реализуется**“ в материальных формах. В этом утверждении ясно произнесено признание **предсуществования мысли слову**, и в этом звучит глубокая правда, оспариваемая большевиками и их попутчиками из лагеря материалистов.

Дело в том, что необходимость общения не может вызывать возникновение языка до тех пор, пока эта необходимость не будет осознана, очувствована сознанием. Я намеренно повторяю слово о сознании и пишу, что „**осознана сознанием**“, ибо имею в виду два не вполне идентичные понятия, как ими пользуется Э. Кант – „Vernunft“ и „Sinn“. Если бы я писал по-немецки, то здесь было бы сказано: *solange sie durch die Vernunft nicht besonnen wird*“. Иже чтет, да разумеет!

Кроме того, человеческая мысль разнообразна не в меньшей мере, чем разнообразна человеческая деятельность. Хотя человеку и не дано сотворить ничего, что до тех пор не имело бы бытия, в доступной ему конструктивной деятельности во многих случаях проявляется его творческий дух. Человек обречен быть *homo faber* и никому из людей никогда не было дано стать *homo creator*. Тем не менее история знает целый ряд случаев мышления творческого, вдохновенного и вышедшего за пределы мышления комбинаторного; мышления, когда мысль, возникая как *res cogitans*, т. е. невещественно и внепространственно, ищет формы в мире вещей пространственных. Мыслитель-гений испытывает беспокойство, волнение, желание неуловимого, и успокаивается

лишь тогда, когда мысль реализуется, с чем и возникает слово языка.

“Рождается мысль“, – говорим мы. Откуда бы она ни возникла, но **о н а**, мысль, ищет соединиться со словом, а не слово ищет соединиться с мыслью, и до тех пор, пока ее нет она не может реализоваться в материальных формах и никакие материальные формы реализоваться в мысль не могут, ибо сами по себе они ей абсолютно чужды. Они бессмысленны и тем самым бытия не имеют.

Спору нет, – мыслительная деятельность связана с физиологией нервной системы и едва ли есть причина сомневаться в том, что между клеточками нервной ткани мозга и „чудесами“ современной электроники с ее транзисторами, действительно имеется некоторое подобие. Это прежде всего относится к деятельности памяти, однако сегодня не нужно быть великим „чародеем из Силикон Валлей“ в Калифорнии, чтобы понимать, что никакие „чипс’ы“ никакой мысли породить не могут.

Напряженная деятельность мысли может вызвать головную боль, но надо помнить и то, что мысль мысли рознь.

Одно дело мысль конструктивного порядка *homo faber*, и другое дело мысль творческая, когда гений ощущает искру, пробежавшую в уме и ударившую в сердце.

Тогда Архимед выпрыгивает из ванны и кричит: „Эврика!“

Тогда Пушкинская Татьяна, увидев, наконец, в Онегине „москвича в Гарольдовом плаще“, в смущении говорит себе: „Ужели **слово** найдено?“... и вот, перед нами гений, ищущий слова, чтобы дать выражение тому клубку мысли на сердце, в котором сплелись чувствования отваги, любви, ненависти и доблести. Тот, кто видел Пушкинские корректурные гранки „Полтавы“, знает, сколько форм перебрала его бестелесная, живая, творческая мысль, пока, наконец, на свет не явилось гениальное, –

И грянул бой, Полтавский бой...

Я видел эти гранки в Пушкинском музее в Москве, и я знаю, что происходило в том сердце, из которого вышли

так же бессмертные строки, где сказано, —

И внемлет арфе Филарета

В священном ужасе поэт.

(См. „Перекличку“, в которой высочайший иерарх Русской Церкви, московский митрополит Филарет, показал себя достойным соперником Пушкина-поэта, а тот, смиренно приняв поучение Старца, явил величие своего духа.)

Пришлось обратиться к грекам за точным словом для того, чтобы определить понятие, которое мы имеем в виду. По-гречески „**фронема**“ значит не более, как мысль. О мысли мы и говорим, имея в виду, однако, ту мысль, которая, вопреки высказываниям материалистов, имеет бытие вне всякой материальной оболочки и хранится в сознании свободно, находясь в зависимости лишь от воли мыслящего человека.

Чем глубже мы всматриваемся в природу слова человеческого языка, тем яснее становится, как поверхностно и легкомысленно материалисты относятся к наблюдаемому предмету. Мы только что видели, что в слове сочетаются невещественные, духовные предметы с физическим еством слова. Из этого сочетания мы видим, что „слово, — как выразился митр. Анастасий, — есть не только символ мысли, но живое откровение нашего духа, воплощение разума, плоть и кровь чувства, дыхание воли“.

Когда мы всматриваемся в слово, отбросив легкомыслие и сосредоточив наше внимание на внутреннем содержании слова, тогда речи советской Академии Наук слышатся нам, как детский лепет упрямого дитяти, желающего настоять на своем во что бы то ни стало. Смешно читать изречения людей, имеющих ученые звания, о том, что „нет мыслей, свободных от природной материи языка“, когда имеешь дело с несколькими языками сразу. Сколько имеется в каждом языке таких слов, которых нет в других языках, притом, что мысли, выражаемые в таких словах, все-таки существуют у людей другого народа.

Кто не знает, что в немецком, английском и ряде дру-

гих европейских языков нет возможности в одном слове передать различие между „правдой“ и „истиной“? Но тут же оказывается, что немецкий язык предлагает нам заботу понять такие вещи, как разница между „Vernunft“ и „Sinn“, найти точное русское слово для немецкого слова „Leistung“, и переводчица с немецкого языка на английский книги „Der Kampf um Gott“ замечала, что для немецкого слова „Geist“ английский язык предлагал до пятнадцати разных слов, из которых нужно было отыскать именно то, которое отвечало бы мысли автора. Как бы то ни было, обратившись ко внутреннему вниманию и немец понимает разницу между „истиной“ и „правдой“, и русский человек поймет английское „Mind“ и смысл разницы между испанскими „Ser“ и „Estar“, для которых в других языках имеется лишь одно слово: „быть“. Есть много и других примеров, но не станем загромождать текст. Обратимся к рассмотрению того, что есть слово.

Как человек в своем полноценном бытии состоит из тела, души и духа, так и слово нашего языка имеет в себе эти же три составные части. Не желая потрудиться, атеисты не смотрят на то, что говорили и чему учили мыслители, писавшие книги Священного Писания, а там есть очень много, чему поучиться. В частности, о составе человека из тела, души и духа пишет св. Апостол Павел (1-ое Фес. 5, 23) и при надлежащем внимании мы находим все три составные части в слове нашей речи. Позитивисты, эмпиристы и материалисты не делают себе труда остановиться на слове, вникнуть в его сущность. Они видят тут лишь морфему и семему, то есть форму и содержание. Правда, наиболее вдумчивые, напр. американские трансценденталисты (Эмерсон), видят в слове энергию мысли, соединяющей форму с существом, но в самобытности слова тройственности им видеть не удалось. Вспомогательным же в слово.

Слово человеческой речи есть вещь, являемая нам в ее **морфеме**, которая представляет телесную, плотскую часть бытия слова. Через нее мы входим в соприкосновение с физической частью слова. Эта часть сама по себе, не

имеет ни смысла, ни значения. Она только вводит нас в соприкосновение с душевной частью слова, с содержанием, которое именуется семемой. У этой душевной части, у семемы, есть свойство быть носителем нескольких смыслов. Полисемия! Иной раз среди этих смыслов можно заблудиться.

Но кроме двух названных элементов в слове есть духовная часть, которую мы и называли фронемой. В литературе лингвистики позитивистской, материалистической мне не удалось встретить соответствующий термин, почему, прибегнув к греческому я и взял слово „фронема“.

Фронема и есть „сие истое“ слова, его истина, имеющая только один, единый смысл, лишь обозначенный, но не выраженный формой. Это истинный смысл, постигаемый умом поверх всех ориентирующих, а иной раз, и дезориентирующих указаний семантики и всяких ограничений морфологии. Дать ей определение, вырисовать ее путями общепонятными не удастся до тех пор, пока ум, мыслящий позитивно, эмпирически, прагматически, сам не пожелает проникнуть в суть дела, посмотреть на мир, так сказать, именно через то окошко, через которое смотрит ум человека, верующего в бытие духовной сущности человека. Как бы то ни было, один-два примера из области лингвистики могут достоверно засвидетельствовать, что мы тут ведем речь о явлении вполне реальном, не имеющем ничего общего с таинственной мистикой. Здесь нужно только мышление трезвое и свободное, не связанное никакими а-приорными рамками.

Понятие о том, что такое есть фронема, делается очевидным, когда мы последуем мыслью за философами-аскетами христианского Востока. Вот как об этом говорит один из них:

„Божественной благодатию путеводимые к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написанного и отделяет уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великой мыслью“.

Так говорит св. Исаак Сирин. См. „Добротолюбие“, т.

2, стр. 458.

Для того, чтобы хоть краем ока уловить сияние этого умного луча, ищущему, хотя бы он и не был аскетом, а только добросовестным исследователем, следует проявить некоторое доверие к тем полиглотам, которые снабдили нас анализом некоторых слов из нескольких языков и указали, как при разнообразии форм, исключающих возможность понимания на уровне морфологии, содержание на уровне семантики, открывает дверь калейдоскопу мыслей, то чуждых друг другу, то противоречивых и взаимно исключающих друг друга, то, наконец, согласных между собою, хотя бы и не до конца. Мы оказались перед тою же задачей, с которой встретила переводчица с немецкого на английский книги Г. Зигмунда, когда ей нужно передать немецкое слово „Geist“. Когда же мы воспользуемся наставлениями христианской философии, когда впишем весь многоликий калейдоскоп в интеграл причины, ради которой этот калейдоскоп явился перед нашими глазами, когда увидим цель, ради которой весь интеграл предложен нашему вниманию, тогда наш духовный взор обратится к единой, неизъяснимой словами истинной мысли духовного бытия того слова, которое подвергается нашему исследованию. Перед нами не что иное, как фронема изучаемого слова. Его дух.

В качестве примера беру слово о **“п р а в е”**, как оно написано в 14-м стихе 22-й главы Апокалипсиса.

„Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им **право** на древо жизни и войти в город воротами“.

Вот как это слово отразилось в семи языках:

Русский - Право;
Церк. слав. - Область;
Греческий - Эксусия;
Латинский - Potestas;
Немецкий - Macht;
Английский - Right;
Испанский - Derecho.

Фронема - это „эпиусия“ слова. Его надсущное

естество.

Если начать сопоставлять все эти слова в тех смыслах, которые дает каждому из них их национальное употребление, то приходим к абсурду. Сопоставим русское значение с немецким и мы получим, что право идентично силе. Но есть ли это то самое право, о котором так заботились французские революционеры? Или сейчас заботятся комитеты защиты прав человека? Выясняется обязанность толкователя не ограничиваться текстом одного языка, но обращаться к возможно большему числу переводов. Тогда смысл становится яснее. Но полноту смысла получаем лишь тогда, когда вписываем интересующее нас слово в интеграл Библии, как единого документа. Окажется, что **право** в заинтересовавшем нас тексте обозначает не что иное, **как отмену проклятья**, в силу которого человек лишился возможности питаться от древа жизни. Такова мысль не обозначенная словами, но высказанная и доходящая до сознания тогда, когда „умный луч проходит по стихам написанного и отделяет уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслью“.

Не желая делать текст громоздким, ограничиваюсь этим примером. Можно было бы привести еще целый ряд других, что и сделаю, если к тому возникнет интерес читателей. Но, по правде говоря, приведенного примера достаточно, ибо принципиальная сторона решается одним случаем. Важно только, чтобы ум, обращающийся с одним примером, или же с десятками, был готов устремить свой взор в высь по слову Апостола, наставлявшего христиан помышлять о горнем, а не о земном.

В человеке есть ум, слово и дух, – говорит св. Григорий Синаит, живший в 14-м веке. И ни ум не бывает без слова, ни слово без духа, но всегда суть и друг в друге, и сами по себе. Ум говорит посредством слова и слово проявляется посредством духа. По сему примеру человек носит слабый образ неизреченной и началообразной Троицы, показывая и в сем свое по образу Божию создание. (См. „Добротолюбие“, т. 5, стр. 134.).

Так мы видим три составные части в слове нашего языка. Видим форму, иначе называемую морфемой; видим содержание, – семему и познаем духовный смысл, – фронему. Таково наше слово, и коль скоро таково наше слово, явно, что таков и сам человек, ибо он состоит из тела, души и духа. Так в слове нашего языка обличается обман эмпиризма и материализма, обездушивший и тем задушивший человека, ибо он связал волю всех тех, кто поверил эмпиристам и их последователям.

Кто имеет уши, чтоб слышать, да слышит!

Но даже и тому человеку, который о горнем помышлять не желает, следует понимать, что он ни чем не отличается от другого, то есть от того, кто мыслит о горнем, и как бы атеист ни прятал голову под крыло, подобно страусу, чтобы не видеть угрожающей ему опасности, ему так же предстоит неизбежность предстать на суд Христов.

Будем же бодрствовать.

Что же скажут критики?

Придется нам, быть может, выслушать замечания о субъективном и объективном восприятии всякого предмета, о том, что предлагаемые нами факты можно оценивать в зависимости от личного мнения, от привходящих впечатлений и проч. Об этом немало говорится и у Канта, и у Гегеля, но среди этих толков нам не пришлось встретить достаточного обнаружения функции чуткости, требуемой от наблюдателя. Между тем, от чуткости зависит если не все, то во всяком случае очень, очень много.

Как бы объективно ни был представлен предмет наблюдения, при недостаточной острозоркости мысли наблюдателя, последний окажется не в состоянии видеть то, что ему будет предъявлено, и до чего все-таки „досмотрит“ ум чуткой и острозоркий.

Это и есть проблема Кантовской вещи в себе, проблема Платонового ноумена, проблема, не давшая Локку и всем, кто с ним, видеть то, что доступно уму, твердо стоящему

в христианской культуре. Это то самое, как говорит церковно-славянский язык, – **сие истое**, в чем себя являет человек христианской культуры, человек Декарта, имеющий бытие в своем сознании независимо от плоти, и чего не видит близорукий эмпирист, связанный миром пяти чувств и трех измерений.

И в этом Истина.

„Что есть истина?“, – бросил свой скептический вопрос Понтий Пилат в лицо Христу Спасителю.

„Что есть истина?“, – надменно вопрошает, отрицающая истину современность.

Посмотри со вниманием и увидишь, – отвечаем мы.

Истина абсолютная, сама в себе являемая, конечно, всегда была и остается предметом постижения непостижимого, как непостижим человеку Бог. Об этой Истине Христос сказал, что „Он есть Истина, и Путь, и Жизнь“ (Ин. 14, 6). Об этой истине Лествичник говорит: „Кто хочет определить словом, что есть Бог, тот слепотствуя умом покусается измерить песок в глубине морской“ („Лествица“, 30, 6).

Но в каждой вещи человеческой жизни, кроме ее внешнего, очевидного чувственного бытия, так же заключена сущность внутреннего ее содержания, ее смысла, ее назначения, – цели, ради которой эта вещь имеет свое бытие.

Эта истина бытия предметов не абсолютных, предметов относительных, как вещь в себе, издавна была тем, до чего доискивались умы философов. И недаром. До тех пор, пока вещь в себе не обнаружена, ум не в состоянии постигнуть самый предмет, с которым имеет дело, и только обнаружив ее, он находит правильное отношение этой вещи к себе, и только тогда оказывается в состоянии правильно определить, как он должен относиться к ней.

Платон называл ее ноуменом. Кант называл ее вещью в себе, для себя и по себе („Sache in, an und für sich“), а мы видим здесь истину бытия исследуемой вещи.

История философии знает, что Кант выяснил невозможность познания вещи в себе, то есть невозможность

постижения истины изучаемого предмета. С этим у Канта выяснялась невозможность познать Бога и человеческую душу. Но история философии не потрудились обратить внимание большинства своих слушателей на то, почему Кант пришел к своему выводу о невозможности познания вещи в себе. А дело простое, великий философ в Бога не веровал и хотя писал о познании Бога, в храм Божий никогда не ходил и молящимся его никто, никогда не видел. Потому-то до Истины добраться ему было не дано.

Но ежели бы великий мудрец знал о том, что та энергия души, которая называется верой, есть функция познания незримого, то, обратившись к этой функции, он непременно оказался бы способен видеть внутреннее содержание вещей и в нем познавать смысл, назначение и целеустремленность исследуемых явлений. Тогда ему стало бы ясно, что вещь в себе есть истина той вещи, которую он исследует, и при таком исследовании революции и ее антирелигиозной, богоборческой деятельности, философ может видеть, что эта функция, то есть богоборчество и антирелигиозная борьба до полного уничтожения противника, и есть то „истое“, как говорит славянский язык, есть та ноуменальная функция революции, ее подлинная истина, ее вещь в себе, ее ноумен, **который раскрывается в событиях** свержения монархического строя, во всех беззакониях и бесчинствах порока, невежества и беспощадного насилия, которые, как то объявляли вожди революции, являются непременными элементами революции.

Недаром же величайшие пророки революции заключая текст своего Коммунистического Манифеста, открыто заявляли, что их цели могут быть достигнуты только путем насилия, „... nur mit Gewalt erreicht werden können“.

Есть о чем подумать.

З а к л ю ч е н и е

Основной вопрос, ради которого предпринята нас-

тоящая работа, отвечен. Сведения, предложенные в этом очерке, удостоверяют, что человек христианской культуры – не мираж, не призрак и не мечта. Это – действительность! Это – мы. Это – люди, и каждый из нас может и должен сказать:

Это – я. Это мое „Я“. Это я создан Богом из праха по Его образу и подобию, как об этом говорит Библия.

Это я ношу в себе тело и душу, и дух, как учит св. ап. Павел (1 Фес, 5, 23).

Это мне свойственен внутренний человек, ищущий добра и ненавидящий зло (Рим. 7, 18-24).

Это, когда я отойду в вечный мой дом, тогда прах возвратится в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу (Еккл. 12, 5-7).

Это когда мой земной храм разрушится, я имею от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный (2 Кор. 5, 1).

Это именно я сам узрю Бога. Мои глаза увидят Его (Иова 19, 25-7).

Это именно я, вместе со всеми людьми предстану на суд Христов, как об этом пишет св. Апостол (Рим. 14, 10).

И вот, я чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.

*

Восприняв исподволь философию эмпиризма, европейская общественная мысль стала нерадиво относиться к предмету духовной сущности человека. Вы помните, конечно, что именно с этого началось то, что принято называть эпохой возрождения искусств. С этого начался поворот внимания от жизни духа, к жизни плоти, к чувственности. Тогда началось движение умов, сделавшее в конце концов ставку на секулярного человека – человека, ограниченного в своей чувственной, плотской, материальной сущности, и в результате человек оказался замкнут в области прелести и обмана, точнее говоря – самообмана.

Поэтому весь мир, следуя за Европой, стал на пути,

поведшие, а потом и приведшие, к революции, казавшейся чем-то прекрасным. Так и пути к революции казались прекрасными, а на самом деле оказались путями к смерти.

О том, что такие пути встречаются человеку на его жизненном поприще; о том, что есть ложные пути, которых надобно остерегаться, издавна предупреждал библейский мудрец. „Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их путь к смерти“ (Прит. 14, 12).

Подлинно. Вне христианской культуры человек является ущербленным в своих достоинствах и лишается возможности применить все свои способности, ибо о себе самом имеет ложные представления и не знает самого себя.

Догма революционной демократии, о которой говорилось в статье, побудившей представить настоящий очерк («Вече» № 21), сделала ставку именно на этого, на ущербленного человека. Ошибка же была сделана из-за того, что сама философия эмпиризма основана на лжеименном знании, на знании того, что человеку знать нет надобности, что дает ему ложное понятие о действительности и что отвлекает от знания вещей, действительно нужных. Когда была сделана ставка на секулярного человека, тогда и совершилась ошибка, на века определившая тяжкие судьбы человечества.

О том, сколь тяжки эти судьбы, русский народ знает лучше других.

Изложенные данные предложили ясное представление о том, что если в бытии плотского, секулярного человека никто не сомневается, т. к. это есть область примитивной чувственности, то, хотя человек христианской культуры, стоящий вне чувственных восприятий, и является плотски неосязаемым, он существует реально – для внимательного наблюдателя несомненно и абсолютно.

Два человека

Как тот, так и другой гнездятся в сердце каждого из нас и являют себя в личностях, среди которых проходит

наша жизнь, образуя более или менее численные группы. Как тот, так и другой, имеют свои цели, иной раз единые, иной раз гармонирующие, а зачастую противоречащие одна другой. Для достижения своих целей как тот, так и другой человек обращаются к средствам иной раз гармонично соответствующим, а иной раз к средствам взаимно-предосудительным и взаимно-недопустимым. Поскольку цели не всегда сходны, между этими двумя людьми подчас, и очень часто, возникает враждебность, что определяет полную невозможность согласовать деятельность обоих.

Человек христианской культуры стремится своего противника превратить в друга и привлечь его на свою сторону, тогда как человек секулярный, рассуждая более практически и прямолинейно, желает полностью подчинить всё и всех своей воле, а то, что подчинению не поддается – уничтожить. „Если враг не сдается, его уничтожают“, – провозглашал М. Горький.

Эти два человека находят себе выражение в существовании общественных групп, способных образовывать каждая свой лагерь, преследующий свои цели. И вот, мы видим суть революции именно в том, что власть, находившаяся в руках монархов Божией милостью, была у них вырвана средствами, которые заинтересованная сторона оправдывала целью, казавшейся ей благородной, а на самом деле пользовалась силой и обманом. Так власть, в конце концов, оказалась в руках группы людей секулярной, эмпирической культуры.

Не требует пояснений, что овладев властью эта группа делает все, чтобы из своих рук эту власть не выпустить. Квинтэссенция события Всемирной Революции в том и состоит, в том и имеет свою суть, что в ней совершился акт отступления от Божьего Закона, данного человеку для жизни и благоденствия, с этим открылся путь человеку греха и беззакония и этот последний приобрел возможность превозноситься выше всего, вплоть до присвоения себе божеского почитания.

Первейшей необходимостью революции, как в акте

овладения властью, так и удержания ее в своих руках, является задача: полностью исключить из представлений общественной мысли самое понятие о человеке христианской культуры. Революции необходимо исключить из бытия именно того человека, который отвечает христианской культуре, и это есть причина непримиримой агрессивной атеистической позиции и политики всех революционных сил, и так об этом свидетельствует история от дней Кромвеля, – первого цареубийцы и гонителя христианской веры.

В этом столкновении и являет себя обязательный атеизм революции, вне которого и без которого революции нет, не было и быть не может.

Борьба против Бога, против веры в Него и борьба за полное уничтожение созданной Им Церкви – есть истина революции, есть ее вещь в себе, ее ноумен, феноменально являемый, то-есть обнаруживаемый вовне, в беспардонном, наглом и непомерно жестоком уничтожении Церкви, учиняемом революцией с тех пор, как она вышла на арену действий при Кромвеле и теперь учиненном коммунистической партией в России во исполнение Прометеевского принципа, провозглашенного Карлом Марксом.

„Философия не утаивает, – писал К. Маркс в своей диссертации „О различии в натурофилософии Демокрита и Эпикура“, – что Прометеево слово есть ее слово. Вот оно: 'Одним словом, я совершенно ненавижу всех богов вместе и каждого в отдельности'. Так говорит философия обо всех небесных и земных богах, которые не признают, что **высочайшим божеством является человеческое самосознание**“.

То, что утаивалось под декорумом возвышенных слоев революционных теоретиков от Руссо и до Керенского и Плеханова, вышло наружу в России в неслыханной и невообразимой до тех пор трагедии Русской Церкви.

Здесь теологический метод исследования исторических явлений вполне обнаруживает подлинную, единственную и глубочайшую цель революции. **Революция была совершена исключительно для того, чтобы подвергнуть**

полному уничтожению Русскую Православную Христианскую Церковь.

Революция борется против Бога, против веры, против религии и против Церкви не в интересах своей стратегии, а как неизбежное явление своего бытия. Напрасно думать, что между революционными силами и Церковью Христовой когда-либо может произойти примирение. Здесь идет борьба на полное уничтожение. Тактика борьбы может изменяться, но борьба не утихнет до полной победы одной из борющихся сторон.

Римские папы ошиблись, когда поверили в конкордат между Ватиканом и Гарибальдийцами. Ватикан и сегодня стоит под угрозой разгрома так же, как под этой угрозой стояла Русская Церковь, когда-то уверенная в своей безопасности. Какой русский человек мог подумать, что Храм Христа Спасителя в Москве – эта гордость русского искусства, памятник величайшей русской славы, здание, сочетавшее в себе величие, красоту и жертвенность народа, построившего этот храм, – что этот храм будет разрушен! А разве это единственный храм?

А что теперь? Только наивные невежды верят, когда вокруг московской иерархии агентура всемирной революции устраивает помпу, чтобы создать впечатление о благополучии Церкви в СССР, ибо **никогда Революция не склонит своей головы перед величием Бога**. Вера в Бога, Его Церковь, как была, так и навсегда останется тем, против чего направлен главный удар революции.

Церковь контрреволюционна не тем, что она восстала против революции и осуждала ее еще при Царе, а потом через Воззвание Собора Русской Церкви (в январе 1918 г.) призывала к молчаливому сопротивлению и неприятию власти большевиков. Нет! Церковь контрреволюционна тем, что она есть предмет, революцией обреченный на полное уничтожение.

Действительность того, что мы наблюдаем в мире, побуждает сердце крепче держаться за Истину, проповеданную Иисусом Христом, не упуская ни из рук, ни из ума, ни из сердца слова Божия, освещенного в Предании,

как св. Апостол наставлял нас всех. Это слово громко звучало по всей России в святые дни августа 1914 года, когда вся наша Родина была охвачена патриотическим подъемом. Это отрывок из апостольского Послания, читаемый „во время брани за Императора и за люди“. Там говорится:

„Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, перепоясавши чресла ваши истиною, и облекитесь в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угабить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите и меч духовный, который есть слово Божие“ (Еф. 6, 11-17).

Не так ли наша борьба за Россию? За ее Правду, за ее Веру и благоденствие. Три силы на земле стоят в постоянной борьбе, как поучал св. Антоний Великий. Воля Божия, благая и всесовершенная, желающая человеку блага, воля дьявольская, желающая человеку всякого зла и всяких бед, и третья воля – человеческая. Она склоняется то в сторону Божьей воли, то в сторону воли дьявольской. Из этого и слагаются события истории человечества.

В наше время, правда, многие не верят в дьявола. Но мне пришлось слышать от верного человека, что если кто побывал на Лубянке или в Бутырках, или в других соответствующих местах, и после этого он еще не верит в дьявола, то это человек – либо бездушный, либо просто очень глупый.

Мы видели для чего была затеяна революция. Мы видели откуда она началась. Откуда же надобно ей оказывать сопротивление? Возможно ли восстановление России

во всем величии ее благородства Православной Христианской Державы?

Да, возможно. При одном условии.

Нужно, чтобы так или иначе, раньше или позднее, нашлось достаточное число людей христианской культуры, число, которое могло бы быть противопоставлено людям секулярной, плотской, материалистической культуры; число достаточное для того, чтобы выделить из своей среды людей власти, которая повторила бы подвиг Константина Великого.

До сих пор в исторической перспективе будущего, таких возможностей не видно. Все, что русский ум и русское сердце могут почерпнуть из знания фактов, сообщенных в этом очерке, это понятие о том, что происходит в мире, и с этим иметь правильный ориентир между добром и злом, и с этим иметь знание, чтобы оборонять свое достоинство христианина и человека, имеющего предстать на суд Божий.

Покамест ты сознаешь, что тебя в бездну несет Панургово стадо гадаринских свиней, зажавших тебя в своей толпе, ты к этому стаду не причастен. У тебя есть возможность и надежда из этого стада вырваться к человеческому достоинству. Плохо, если ты в этой толпе освоишься так, что посчитаешь положение твое нормальным и исправления не требующим.

Мы все переживаем страшное время. Мы все стоим перед такими требованиями совести, каких наши предки не знали, и если мы не в силах отстоять нашу веру в общественной жизни, то тем большую энергию мы должны явить в том, чтобы отстоять свою собственную душу.

„Проблема смерти кончается со смертью человека“, – говорили свиньи из Эпикурова стада, как их назвал Гораций в письме к Тибулу.

„Создатель всех! Дух и Премудрость! Тебе предаю душу мою“, – это были последние слова Сократа.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, – до сих пор воспевают Православная Россия.

Я числюсь по России, – говорил Пушкин.
Я тоже, – говорю я, написавший этот очерк.

**Святки, 1986-87 гг.,
Буенос Айрес, Аргентина**

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

**МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.**

НОВАЯ КНИГА

Игорь Смолянинов

ДОРОГИ

(Сборник стихов)

Автор сборника стихов „Дороги“ Игорь Михайлович Смолянинов, подчеркивая национально-религиозную направленность своей книги, пишет в предисловии: „Меня Высшая сила провела через страшные годы ежовщины, штрафных батальонов и немецкого плена. Эти пройденные дороги борьбы и страданий привели меня к главной цели – к Богу. Поэтому я назвал свой сборник „Дороги“ и в знак бесконечной благодарности за дарованное духовное прозрение, посвящаю его величайшему празднику русского христианского православия – тысячелетнему юбилею крещения Руси“.

На издание патриотического сборника „Дороги“ И. М. Смолянинов получил Высочайшее Благословение от Первоиерарха Русской Православной Церкви заграницей Высокопреосвященнейшего Митрополита **Виталия**. Свою книгу И. М. Смолянинов издал на собственные средства и все средства, получаемые им от продажи первого издания сборника, он передает в фонд Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви заграницей.

Книгу можно заказать у автора по адресу:

I.Schnitzer-Smolatinov
1, Park Crescent
Moonee-Ponds 3039, Vic.
Australia

**Цена книги 15 австралийских долларов,
с пересылкой авиапочтой – 18 австр. долларов.**

В. Симанский

БЕСТСЕЛЛЕР ДЛЯ НЕМНОГИХ*

Странно читать по-русски эту книгу, написанную французом (пусть и русского происхождения) для западного читателя... Роман Вл. Волкова „Le Montage“ вышел в свет пять лет назад, вызвал сенсацию во Франции, получив Гран При Французской Академии, был переведен на ряд европейских языков и... практически „не был замечен“ российской эмиграцией. Единственный русскоязычный печатный орган, откликнувшийся на это событие (не только литературное – если проследить полемику вокруг романа) был «Посев» – но заслуга, кажется, была не Редакции, а автора рецензии, имеющего свои причины интересоваться такого рода сенсациями. Да совсем недавно небезызвестный г-н Рудинский „откликнулся“ в «Нашей стране» будто бы на французское издание (1982 года!) – но его статья странным образом совпала с появлением русского перевода... Так вот и живет русская эмиграция на Западе, – десятилетиями в добровольной культурной само-изоляции, не интересуясь даже теми книгами, которые затрагивают ее самым непосредственным образом.

Роман переведен с французского Вл. Рыбаковым и, к счастью, не вполне испорчен переводом – что произошло

* Владимир Волков, „Операция 'твердый знак' “. Роман. Изд-во ОРИ, 1987 г.

с другой книгой Вл. Волкова – „Владимир Красное Солнышко“, выпущенной (будто бы по-русски!) швейцарским издательством „Л'аж д'ом“ в 1983 году. Правда, у придирчивого читателя остается странное ощущение: издатель как будто не особенно был заинтересован в том, чтобы дать полноценный русский эквивалент книги „Операция 'твердый знак'“ – этого выдающегося в своем роде произведения Вл. Волкова. Неизвестно, **авторизован** ли перевод. Ни строчки нет об авторе, – что в данном случае было бы более чем уместно. Опущен почему-то не только эпиграф – из Сунь Цзы, но и любопытнейшее Предупреждение Автора... Впрочем, издательство „ОРИ“ специализируется не на выпуске художественной литературы.

Между тем, Вл. Волков заслуживает особого внимания прежде всего у русского читателя. „Открыла“ его для нас – бывший Редактор «Русской Мысли» З. Н. Шаховская (к ее статье мы и отсылаем интересующихся). В «Русском Альманахе», вышедшем под ее редакцией, впервые по-русски был напечатан отрывок из книги Волкова о св. Владимире. В переводе – ибо пишет Вл. Волков по-французски и по-английски. Пишет с профессиональным блеском, с той влюбленностью в литературу, которая обличает его русские корни.

В этом странном романе – „Операция 'твердый знак'“ – виртуозно продуманная “детективная” интрига органически сочетается с элементами фанта-политики, имеющими видимость зловещих предостережений. К ним стоит прислушаться...

Основатель отдела Д. (Дезинформация) генерал КГБ Матвей Матвеевич – оказывающийся в действительности Мохаммедом Мохаммедовичем Абдулрахмановым, уже на первых страницах книги отечески наставляет молодого Якова Моисеевича Питмана, будущего столпа чекистских „органов“. Делает это он – под „неизбежным портретом“ „монаха-атеиста“, то бишь основателя ЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского, с постоянными ссылками на китайского мудреца Сунь Цзы (о котором Советский Энциклопедический Словарь одобрительно сообщает, как

об „авторе трактата о военном искусстве, проникнутого стихийной диалектикой“). Примем к сведению ценную справку из журнала «Посев» (1983 – № 4) – о том, что в действительности основателем Отдела Дезинформации КГБ был некий Иван Иванович(!) Агаянц – и у нас будет достаточно данных, чтобы еще раз усомниться в основательности тезиса М. Агурского о „национал-большевизме“. Может быть, все же – **„интернационал-большевизм“**?!

Но у Вл. Волкова все не так просто. Мохаммед Мохамедович – под конец дорастающий почти до размеров Великого Инквизитора – откровенничает перед смертью, и эти откровения представляют один из самых любопытных моментов в романе. **„Мы настоящие русские, – вещает он благоговеющему перед ним Питману, – единственные настоящие русские, с нашими темными рожами; ты со своими семитскими предками, а я Бог знает с какими... Другие, все эти великороссы, держали нам стремя...“** (стр. 259). Быть может, это не просто предсмертный бред выжившего из ума чекиста (которого автор уподобляет „трупам с содранной кожей в анатомичке“)? **„Настоящие русские подымают. Они столько пьют, что становятся импотентами. Их женщины возмущаются... Дайте нам ваших женщин, и мы наплодим вам русских...“** На языке официальной советской пропаганды это называется, „новой исторической общностью“, так называемый „советский народ“ – хотя Запад упорно именует **„русскими“** плоды этой интернациональной гибридизации. Но, согласно логике чекистского генерала, собственно русские – всего лишь „держали стремя“: **„Теперь... их больше не нужно“** (стр. 262). И уходящий в преисподнюю новоявленный Великий Инквизитор кровожадно вздыхает: „Эх, как бы я еще мог любить Россию, как бы я ею еще полакомился“ (стр. 261). Так прочеркивается одна из главных тем романа – **тема использования русских, России...**

Великий Дезинформатор оставляет и своего рода завещание-напутствие: **„Мы создали план действий на весь XXI век... Все подчинено ему. Даже без нас они**

будут вынуждены следовать по намеченному нами пути, потому что никогда не узнают, какова конечная ложь“ (стр. 262). Разумеется, все это – художественный вымысел. Но **что-то** все же хотел передать своим читателям французский писатель русского происхождения Вл. Волков? В Предупреждении (отсутствующем в русском переводе) он пишет: „Мне не поверят, если я стану уверять, будто „Монтаж“ – всего лишь плод моего воображения“.

Главный герой романа – Александр Псарь, сын белоэмигранта, унаследовавший от отца (который под конец жизни стал сов-патриотом) ностальгию по России, хотя он родился и воспитывался во Франции. Он завербован КГБ под кличкой Опричник (Вл. Волков беспощаден в своих „говорящих“ – для понимающих русский язык читателей – именах персонажей!). История почти банальная: несколько лет назад в Париже судили советского агента со сходной биографией, некоего Вл. Золотаренко. На суде он заявил, что Франция – всего лишь место его рождения, духовной же его родиной остается – Россия. И этой идеальной России он верно служил – через „посредничество“ советских секретных служб! – 16 лет, передавая военные секреты, к каким имел доступ по работе. А. Псарь служит КГБ вдвое дольше, и задачи ему ставятся более деликатного свойства. Он – „агент влияния“; его задача – „готовить“ общественное мнение (хотя сам автор и замечает иронически в одном месте: „то, что называют общественным мнением – будто действительно народ оболванен до такой степени, что у него на 50 миллионов человек одно мнение“).

Страницы, на которых Вл. Волков с исключительным мастерством и знанием раскрывает „секреты фирмы“ – приемы дезинформации, обработки общественного мнения (наличие коего следует все же признать) – принадлежат к числу самых захватывающих.

В романе есть интересный эпизод, поучительный и типичный для наших дней: в литературное агентство А. Псаря обращается некий „диссидент“, месье Левицкий,

предпочитающий беседовать „по-французски“ (что раздражает весьма чувствительного к языку героя романа – за которым угадывается автор). Этот „диссидент“ не работает на КГБ прямо, как А. Псарь. Он „работает“ – против России. Его, в отличие от сына белоэмигранта, не надо „направлять“; когда его выпускали из Советского Союза, слишком хорошо знали, **какие** идеи будет он развивать в свободном мире. Одну из таких идей он принес в литературное агентство: Достоевский (революционер-петрашевец, истинный защитник „униженных и оскорбленных“) – согласно этой идее, „был задушен в своей камере, и его место занял агент Охранки“, который и сочинил все последующие – пусть гениальные, но и „прославляющие царский режим“ произведения... Вл. Волков опубликовал свой роман до того, как в Советском Союзе вышла книга И. Волгина „Последний год Достоевского“ (Москва, 1986 г.) – где развивается сходная идея: будто бы в (ненаписанном) „продолжении“ „Братьев Карамазовых“ Алёша должен был стать... цареубийцей! Вот цитата: „Понятно, что предполагаемое покушение Алёши могло бытись только на период продолжавшегося царствования Александра Второго; само собой разумеется, что покушение должно было окончиться неудачей: ведь не мог же Достоевский при живом еще царе изобразить его гибель!“ Право, И. Волгин стоит месье Левицкого – и для развития подобных идей вовсе не надо уезжать из СССР!

В романе, сказали мы, описываются методы, какими разлагается изнутри Франция, Запад. Но многие из этих методов предварительно – и весьма успешно – были уже испробованы в России. Чекистское начальство Псаря считает его большой удачей, выпущенную им серию „Белых книг“: о (т. е. **против**) Церкви, армии, тюремной системы и т. д. Но ведь уже в предреволюционной русской литературе успешно **разлагали** посредством литературы: Православную Церковь, Императорскую Армию, весь государственный организм Российской Империи. Как удобно **теперь** ссылаться на Л. Толстого („Воскресение“), А. Куприна („Поединок“), М. Горького – и других класси-

ков! Какие „литературные агентства“, какие **проводники влияния** – и **ЧЬЕГО** – действовали **тогда**?

Особенно довольны Мохаммед Мохаммедович и Яков Моисеевич пособием, которое выпустил А. Псарь для французов под названием „Русский язык для всех“ – „пособие, рассчитанное на четыре года, составленное в Советском Союзе, и в каждом тексте, в каждом упражнении – яд пропаганды!“ Те, кому приходилось иметь дело с преподаванием русского языка за границей, знают эту неразрешимую дилемму: с одной стороны – совершенно невозможные советские учебники (**советские** – не только по месту издания), с другой – новейшие курсы и „свободные университеты“ в свободном мире, где орудуют все те же месье Левицкие, новейшие эмигранты из СССР... А если затронуть тему преподавания русского языка **на родине, в бывшей России**? Кто навязывает **там** – „эсперанто“, „тонко“ названное „литературным языком“ – по словам русского писателя В. Астафьева из недавно нашумевшего его письма Н. Эйдельману? Составляет ли и это – часть „плана действий“ на конец нынешнего и все последующее столетие?

В распоряжении А. Псаря – целый „оркестр“ послушных литераторов и издателей, с помощью которых (прибегая, в случае надобности, к прямому шантажу и угрозам) он реализует получаемые из центра директивы. Эти продажные перья ему необходимы, как непосредственные исполнители поступающих заданий. Ведь еще в период вербовки Я. М. Питман учил его: „В области распространения влияния никогда не нужно действовать самому; всегда – через посредника или, что предпочтительнее, через цепь посредников... Что бы мы ни делали, мы не можем делать прямо...“ (стр. 67). Завербованный агент действует под гипнозом убеждения, что это он – использует нужных ему людей в нужных целях. В действительности же – и в этом трагическая коллизия внешне „шпионского“ романа – используют его самого. **Он** – является прежде всего **проводником влияния**. Чьего? И для каких целей?

А. Псарь – то, что на языке профессионалов называется: „мертвый агент“, мертвый изначально. Он предназначался для выполнения всего лишь определенных операций, после чего становится ненужным – как „выжатый лимон“ или „изношенная рубашка“. Так он классифицируется в романе генералом Абдулрахмановым, который не может (и не хочет) скрывать свою антипатию к нему... Он использовался именно как русский: с особенностями его биографии (родился во Франции и является полноценным французским гражданином), его неистребимой ностальгией, его страстным желанием вернуться „домой“.

Жанр романа Вл. Волкова как бы исключает психологизм в обрисовке персонажей – отсюда некоторая „марионеточность“ их. К тому же роман населен (перенаселен) негодями и подонками всех мастей – профессиональными и дилетантами, по службе и в силу обстоятельств. Потому А. Псарь, – хотя нам и сообщается о нем масса деталей, остается фигурой условной, неким обобщением. **Мертвый агент, который служит мертвой идеологии**, но совершенно об этом не думает – более того, почти принимает эту идеологию, так как слишком хорошо знает Запад и ненавидит его (ситуация, которая встречается в некоторых романах Ле Карре). Единственный положительный герой романа – остающийся, впрочем, в полутени („альтер эго“ Автора?) верно и беспощадно определяет его, как „благородную гниль“ – *pourriture* по *le*. Трудно сказать, насколько этим Вл. Волков стремился уязвить часть российского дворянства, которая, действительно, продемонстрировала свою **гниль** уже в предреволюционную эпоху, а затем в годы революции и в эмиграции... А. Псарь презирает своих хозяев, но служит им – пока не убеждается в том, что он для них ничто. Он включен в игру, которая сложнее его (незаурядных) способностей.

Речь идет – об операции „Твердый знак“ (с чем и связано, по всей видимости, изменение заглавия романа в русском переводе): создании провокационной **правой** политической партии на Западе, партии, которая „направлялась“ бы органами КГБ. Что-то вроде операции „Трест“

и партии Младороссов в довоенный период, но с неизмеримо бóльшим размахом. Исключительная злободневность **так** сформулированной темы – вне всякого сомнения, и еще раз приходится удивиться, что роман остался незамеченным интеллектуальными сливками эмиграции, постоянно твердящими (например, в «Голосе Зарубежья») о такой опасности, несомненно, существующей.

Проведение подобной операции в наши дни имеет свою специфику, и сам А. Псарь (знаток здешней жизни) объясняет, почему это трудно. „Мы живем в обществе, в котором роли распределены раз и навсегда: нужно согласиться на свою или стать ничем. Это то, что на Западе называется свободой. Например, советский диссидент должен быть либералом: марксистским, если он хочет, националистом в крайнем случае, но – либералом. Нелиберальный диссидент – неприемлемое понятие“ (стр. 196). Иными словами – **правые** не могут рассчитывать на успех сегодня. Фантоматическое явление так называемых „новых правых“ свидетельствует лишь о том, что – еще до описываемой в фанта-политическом романе Вл. Волкова ситуации – кто-то верно понял нарастающую **справа** опасность, и позаботился о своего рода „громоотводе“... И все же – как показывают самые последние события в той же Франции (вызывающий панику успех пропаганды Ле Пена) – „предвидение“ французско-русского писателя, „реконструирующего“ очень вероятную акцию КГБ, оказалось поразительно актуальным! Правда, и здесь он сумел мастерски дать **свой** поворот темы, далеко выводящий ее за рамки публицистической банальности.

Нужно сказать, что уже Достоевский, во времена несравненно более свободные нежели нынешние, вынужден был для изложения некоторых своих взглядов (шедших слишком **вразрез** с общепринятыми) прибегать к подставной фигуре Парадоксалиста (в „Дневнике Писателя“). Использование же героев в художественных произведениях, как „рупоров“ авторских идей – прием еще более давний. Не решаемся утверждать, что Вл. Волков мыслит радикально отлично от наших современников

(в этом случае его не ожидал бы столь шумный успех); тем не менее, ему хотелось сказать нечто необычное. (Впрочем, быть может, по соображениям чисто романного, художественного эпатажа?). Но сказать так, чтобы быть услышанным – ибо все, что говорилось задолго до него, осталось и остается для „широкой публики“ **за семью печатями**. Так в романе появляется свой „парадоксалист“ – Михаил Леонтьевич Курносов. Автор оригинального сочинения „Русская правда“, написанного в одиночке психтюрьмы (куда он попал за покушение на Брежнева!). Сочинения, которое пишется с ведома и (молчаливого) одобрения КГБ, желающего использовать его в своих целях. Парадоксальным образом, однако, „Русская правда“ направлена на разоблачение всей этой дьявольской механики...

Не слишком ли рискованы парадоксы Вл. Волкова? В западной печати он уже заслужил репутацию „антисемита и антимусульманина“ (о чем сообщила даже «Литературная газета»: 5. 12 1984). В советской печати, естественно, он расценивается, как „махровый антисоветчик“. Русскоязычная пресса, если она хочет остаться верной себе, должна объявить его – агентом КГБ.

Между тем, кажется, что Вл. Волков всего лишь конструирует чисто техническую задачу (решением которой он занимался и в предыдущих своих книгах этого жанра): можно ли „переиграть“ КГБ? Парадоксалист (или – утопист?) Курносов убежден, что это возможно. Он рассказывает, как в молодости, познакомившись случайно с одним из „младороссов“, и убедившись, что этой партией управляет ГБ, он пришел было в отчаяние. „Потом я подумал, что все это не имеет большого значения, что **правда** – опасное взрывчатое вещество и может взорвать людей, орудующих ею для укрепления своей лжи“ (стр. 315). Рассуждение, которое может смутить не одного читателя. Тем более, что Курносов в романе наделен силой убеждения, и элемент **здорового смысла** присутствует в его рассуждениях несомненно. „Эти люди думают, что могут укротить правду и заставить ее работать на

себя, – говорит он, – Но правда – это необузданная кобылица...”

Что же это за правда – **Русская правда**? Курносов – как он сам себя определяет на пресс-конференции – „не диссидент, а русский, пытающийся сделать вывод из своей русскости“ (стр. 300). Его выводы весьма реальные, и, действительно, почти никто из так называемых „диссидентов“ (даже те, которые называют себя русскими) не говорил на Западе подобным языком, с такой степенью концентрации. Хотя в „правых“ настроениях обвиняли добрую дюжину эмигрировавших инакомыслов.

Перефразируя Достоевского, герой романа Вл. Волкова называет русский народ „народом **правдо-носцем**“: „Даже католики знают, со времени явления Божией Матери в Фатиме, что у нас особая судьба. **Так называемая русская революция есть нерусское покушение на эту судьбу**“ (стр. 308).

Этот тезис – о нерусском покушении на судьбу России – в последнее время становится все более популярным в определенных кругах. (На родине, не в эмиграции, запуганной последними выдачами „коллорабационистов“ в СССР). В этом смысле волковский Курносов – действительно, выразитель настроений, которые в западной (и русскоязычной эмигрантской) прессе подаются со знаком тревоги (см., например, «Континент», № 50). Писатель „угадал“ эти настроения, и указал на них в манере внешне бесстрастной, объективной – чтобы читатели сами могли сделать выводы.

Вот типичные „аргументы“ выразителей этих настроений, как они подаются в романе устами Курносова: „Есть в России мистический центр. Это – Троицкий монастырь. Место расположения монастыря было названо (после революции – Ред.) Загорском – в честь малоизвестного революционера, псевдоним которого был Загорский, а настоящая фамилия Крахман. Символично, не правда ли?“ Он продолжает „просвещать“ французов: „Знаете вы фамилии людей, убивших царя, царицу, царевича, княжен и четырех верных их слуг в подвале дома в Екатерин-

бурге 18 июля 1918 года в четверть второго ночи? Трое из них были русские, но вот фамилии остальных: Юровский, Хорват, Фишер, Эдельштейн, Фекете, Надь, Грюнфельд, Вергази. Настоящая фамилия Троцкого – Бронштейн, Зиновьева – Апфельбаум, Каменева – Розенфельд. Неважно, что некоторые из этих фамилий еврейские. Дзержинский был поляком, Сталин – грузином, Берия – мингрельцем, у Ленина было немного шведской крови и много татарской. Поэтому нет причин для обвинений в антисемитизме, как это делают Ростовщики всякий раз, когда констатируется, что русская революция на самом деле антирусская“ (стр. 308-309).

В аргументации Курносова есть и другое, известное по высказываниям некоторых именитых диссидентов. Так, когда он говорит, что „четырнадцать республик Советского Союза живут лучше, чем пятнадцатая – РСФСР“, – единственная, „не имеющая даже собственной коммунистической партии“; что „есть всесоюзная компартия, но русской нет, как нет Русской Академии Наук, – между тем как все остальные республики имеют свои компартии и свои Академии Наук“; что „русский ученый. чтобы чего-нибудь добиться в Ленинграде или Москве, должен сначала поработать в Киргизии или Узбекистане“ (стр. 309) – когда он говорит все это, нельзя не вспомнить нашу-мевшее интервью Александра Зиновьева журналу «Энкаунтер» (об этом писалось и в «Вече»). В сущности, романист воспроизводит почти дословно сказанное А. Зиновьевым.

Но в уста своему герою Вл. Волков вкладывает и целую концепцию, заимствованную из арсенала „старой“ русской эмиграции, еще первого призыва. „Запад еще не осознал феномена, который между тем так ясно объяснен такими людьми, как Кньюпфер и Честертон!“ – восклицает в романе Курносов (стр. 302). Если имя Г. К. Честертон заставит многих читателей вспомнить детективные истории патера Брауна (о других его книгах „широкая публика“ сегодня понятия не имеет, – особенно в СССР), похоже, что „Кньюпфер“ остался кем-то неведомым и для

переводчика, и для издательства. И это странно, так как **Г. М. Кнютфер** долгие годы проживает в том самом Лондоне, где вышел по-русски роман Вл. Волкова, а книга Г. М. Кнютфера „Борьба за власть над миром. Революция и контр-революция“ (первое издание 1958 года), переведена с английского на ряд языков, представляет собой самое выдающееся произведение русской монархической мысли, после Л. Тихомирова и И. Солоневича. Кнютфер был далеко не первым, кто заговорил о „Ростовщиках“ (этой теме посвящена особая монография известного французского историка Жака Ле Гоффа „Биржа и жизнь. От ростовщика к банкиру“), но в романе воспроизведена именно его концепция, с примерами, прямо заимствованными из его выдающейся книги. Так как книга Кнютфера до сих пор не переведена на русский язык (наши монархисты заняты в основном сведением счетов друг с другом) – приведем цитаты из романа Вл. Волкова, представляющие весьма точное изложение теории Г. М. Кнютфера.

„Все начинается с кредита, то есть с ростовщичества. Недаром средневековая Церковь запрещала ссуду с процентами. Я знаю (в книге Вл. Волкова эти идеи излагает Курносков в ходе пресс-конференции – Ред.), что именно благодаря кредиту была совершена промышленная революция и создано современное общество, но я не уверен, что здесь есть чем гордиться. Как только появился кредит, появились и банки. Все было еще не так плохо, пока банки были просто агентствами по обмену и ссуде. Увы, они довольно скоро получили возможность пускать деньги в обращение, не чеканя монеты, не печатая банкноты, а давая в долг суммы, которых в действительности не имели. Не стройте себе иллюзий: данная вам в долг сумма в виде банковского чека обеспечена в лучшем случае на 20%. Это уже не банковская операция, а умение показывать фокусы. Но банки пошли еще дальше: создавая деньги, они не только нарушили привилегию Государства, но стали эти несуществующие деньги давать в долг Государству, тем самым **порабощая саму Нацию...**“

Итак, **банки...** Курносов продолжает излагать идеи, почерпнутые автором романа из книги Г. Кньюфера: „Они находятся в руках людей, которых я называю Ростовщиками. В накоплении ими прибыли есть нечто фатальное: они не могут остановиться. Вы лучше меня знаете (это – издевательское обращение к журналистам, типичное для иронической манеры письма Вл. Волкова – В. С.), как **они утановили почти полный контроль над Европой и Северной Америкой**; как они толкнули на деколонизацию, так как молодые неопытные нации, на территории которых находились еще мало используемые запасы полезных ископаемых, гарантировали им прибыль более существенную, чем получаемую с тех же территорий через посредничество более организованных наций, которые присваивали себе часть прибыли...”

И далее – речь идет о России (ср. в книге Г. М. Кньюфера стр. 143-144 – В. С.): „Российская империя притесняла Ростовщиков по многим причинам и зависела от них гораздо меньше других европейских стран. В 1908 году государственный долг Франции имел показатель 288 на единицу населения, в России – всего 58,7. И в 1914 году этот долг был погашен на 83% благодаря государственной железной дороге. В 1912 году обложение в России было порядка 3,11, во Франции – 12,35 и в Великобритании – 26,75. В 1913 году русский золотой запас равнялся 1.550 миллионам рублей, в то время как бумажных денег было выпущено в обращение только на 1.494 миллионов рублей. В то же время французский франк был обеспечен только на 50%. Вместе с тем рост русской экономики был таким, что один французский экономист писал в 1914 году: ‘К середине века Россия будет доминировать над Европой политически, экономически и финансово’. Промышленное производство на душу населения увеличивалось на 3,5% в год, в США – на 2,75 и в Великобритании – всего на 1%. Как видите, у Ростовщиков была причина беспокоиться. К этому можно добавить, что в 1912 году американский президент Тафт говорил, что социальное законодательство Российской Империи ‘более близко

к совершенству', чем какое бы то ни было законодательство, какой бы то ни было демократической страны. Итог: если страна, обладающая не демократической формой правления... способна справиться с задачами, перед которыми отступают Ростовщики, то контроль над экономикой, которым они обладали, обречен."

Разумеется, Вл. Волков обширно начитан во всем, что касается России, и устами своего героя он излагает мнения многих авторов*, которые становятся все более известными. Скажем, вряд ли кого может шокировать такое утверждение: „Известно, что немецкий банкир Варбург дал Ленину крупные субсидии. Менее известно, что у этого Варбурга был брат, создавший систему Американского Федерального Фонда, тоже субсидировавшего русских революционеров с помощью американских банкиров. Тогда же Троцкий без смущения признавался, что получил большую ссуду от одного финансиста, принадлежавшего к английской либеральной партии. В результате Российская Империя выведена из строя, и СССР становится клиентом Запада“ (стр. 304).

Кульминация разоблачений Курносова – утверждение о „сообщничестве между капиталистическими Ростовщиками и их советскими бульдогами“, которое приобретает особую актуальность в нынешний „горбачевский“ период „реального социализма“. К сожалению, это утверждение не получает дальнейшего развития. Но одна фраза представляется в высшей степени знаменательной: „Представьте на минуту, что СССР становится нормальной страной, и сможете легко увидеть, до какой степени Ростовщики потеряют в этом случае власть над западным миром“ (стр. 304).

Вне всякого сомнения, роман Вл. Волкова „Операция 'твердый знак'“ имел бы в Советском Союзе, у современного русского читателя успех неописуемый – но трудно надеяться, что достаточное количество экземпляров прой-

* К их числу надо отнести и А. Федосеева, работа которого „Благотетели“ публиковалась в «Вече».

дет таможенные заборы. Тем более, что имя этого писателя, несомненно, „на заметке“ у таможенников. В СССР недавно пригласили в гости Джона Ле Карре – несмотря на весь антисоветизм его шпионских романов; можно быть уверенным, что Вл. Волков этой чести не удостоится. Блестящей этой книге так и суждено остаться – бестселлером для немногих русских читателей

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Новая книга!!!

Ю р и й М и р о л ю б о в

**Сказ о Святославе хоробре,
князе Киевском
книга I**

Цена книги: в странах Западной Европы – НМ 59,-
в С Ш А и других заокеанских странах
30,- американских долларов.

Заказы с приложенными чеками или почтовыми
переводами посылать:

Frau J. Miroluboff
Heinrichsallee 35, 5100 Aachen,
West Germany

НАМ ПИШУТ

Многоуважаемый г-н Красовский!

В 25-м номере Вашего альманаха Вы поместили свою статью под заголовком: „Два года спустя...“ Я прочел ее с большим интересом и прямо скажу: правдивая, своевременная и умная статья.

Блестящая игра в спектакле „Перестройка“ опытного артиста Михаила Горбачева Вас, как видно, не обманула. Вы верно угадали, что новый генсек занялся перестройкой не ради ликвидации порочной системы СССР, а чтобы спасти ее, и что он, являясь чистокровным пролетарием и коммунистом не может порвать пуповину, соединяющую его с социализмом. Мне нравится как Вы умело и красочно передали Ваши мысли читателю.

Однако сдается мне – Вы не все сказали: может быть в интересах сохранения престижа редактора, Вы кое-что умолчали. В Вашей статье лишь между строк читаются невысказанные, но неопровержимые истины:

1. Реальный социализм, как Вы выражаетесь (коммунисты по праву называют его развитым), хотя и пошатывается по временам, но отнюдь не рушится и даже не болеет смертельной болезнью; он здравствует, расползается по свету, становится более знатным и сильным и заставляет считаться с ним. Грешно нам утешать себя надеждой на неминуемую гибель или хотя бы на просветление социализма; скорее нам следует неустанно, смело клеймить его, разоблачать и срывать с него маску, чтобы спасти то, что еще не изуродовано им.

2. Советский Союз – бастион социализма – есть не просто „советская власть, не привязанная ни к какому-либо определенному народу и ни к какой географической стране“, как пытается убедить нас О. Поляков в том же 25-м номере «Вече». О, нет! Советский Союз есть высоко

организованное, долговременное и прочное государство многих народов, в том числе и русского, крепко построенное на территории убиенной царской России.

3. У русского народа осталась одна лишь территория, все же остальные его составные части: здравый разум, интеллект, культура, уклад, религия, трудолюбие быстро гибнут в ядовитой утробе социализма, даже его язык видоизменяется, приспособляется к ложным идеям и ненатуральной жизни.

Как нет на свете приятной и уютной тюрьмы, так нет и отрадного и доброго социализма.

Горбачев, как профессиональный лицемер, вовсе не собирается менять физиономию социализма; он хочет лишь надеть ему маску миротворца, демократа и реформатора.

Уважающий Вас,
Иван Рус

Новая Зеландия

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Дорогие друзья! Соотечественники!

Мое „дело“, сфабрикованное в Москве, в КГБ, в тесном контакте с пресловутым Отделом (в советской печати: Бюро) спецрасследований министерства юстиции США, который давно следует называть Отделом КГБ, – сделало новый „виток“.

Апелляционный суд в Нью-Йорке, куда дело было направлено моими адвокатами, констатировал, что „... нет бесспорных доказательств ложных показаний“ обвиняемого, то есть, что я ничего не скрыл из своей биографии. Кнстатировав это, Апелляционный суд, однако, утвердил приговор первой инстанции: лишение гражданства... Утвердил, „основываясь“ на том, что... писал. Сорок четыре года назад. За тысячи километров от США.

Решение Апелляционного суда настолько сумбурно, настолько противоречиво, что мои адвокаты немедленно подали обоснованное ходатайство о пересмотре этого решения. Что даст это ходатайство, кто скажет?

Между тем расходы на оплату счетов адвокатов продолжают расти. Хотя бóльшая часть расходов позади, впереди еще апелляция в Верховный Суд с соответствующими (не малыми!) расходами. А деньги в Фонде защиты гражданских прав Конгресса Русских Американцев, который спасал меня и мою жену от финансовой катастрофы, – исчерпаны.

Принося глубочайшую благодарность всем, кто поддерживал меня и мою жену-страдалицу, но и жену-героиню, материально, финансово в тяжкое время нашей жизни, обращаюсь снова к отзывчивым людям, – друзьям, знакомым и вовсе не знакомым эмигрантам российским – с призывом-просьбой: не оставьте своей поддержкой!

Всем, кто откликнется на наш с женой призыв, земной поклон!

С сердечным приветом –
В. Д. Соколов-Самарин

Июнь 1987 г.

Чеки и почтовые переводы („мони-ордерс“) просьба выписывать на: C.R.A. – Civil Rights Defence Fund и посылать по адресу:

Congress of Russian Americans, Inc.

P. O. Box 818

Nyack, N. Y. 10960, USA

От Редакции. По вине типографии и недосмотру Редакции в статье О. Полякова («Вече» № 25) „Еще раз об отчизне, о русском народе, о русской березке и о любви к ним“ при верстке набранного текста в нескольких местах перепутана очередность строчек, чем искажено содержание написанного на стр. 162-166. В связи с этим мы приносим извинение автору статьи и читателям «Вече». Поскольку очень трудно пояснить указаниями какие строчки после каких следует читать мы воспроизводим правильный текст вышеуказанных страниц. Текст начинается со второго абзаца стр. 162 («Вече» № 25) и заканчивается концом первого абзаца стр. 166.

Когда я спрашивал некоторых видных членов КРА, почему выбрано такое неудачное название, мне объяснили, что это было сделано „по высшим тактическо-стратегическим соображениям“. Но, как я уже писал и потом провел специальную проверку – ни одна из этнических организаций в США не назвала своих членов „американцами“ (если упоминают Америку, то так, как сделали украинцы: „Конгресс украинцев в Америке“), и прекрасно они работают, значительно успешнее, чем КРА.

Когда я отвечал на статью Днепров, я писал о том, что в КРА – как и во всей эмигрантской общественности в США – наблюдаются две линии: одна – это люди, считающие себя „русскими в Америке“, другая – это „русские американцы“, и отметил, что сам Днепров, видимо примыкает ко второй группе. Я осудил эту вторую группу, и выразил мнение, что такой подход, в частности, деятельность некоторых членов КРА, в том числе и из руководства КРА, я осуждаю и что „такой КРА мне не нужен“.

Моя критике не КРА вообще, а именно таких деятелей в КРА вызвала бурю, целый шквал обвинений, что я порочу КРА, что я против его существования и т. п. – хотя буквально пару строчек перед этим я написал, что КРА нужен, и разъяснил, чего я от него хочу и какой его деятельности ожидаю. Это недовольство выплеснулось и на страницы «Вече» в письме г-жи М. Самыгиной, причем она допустила прием, не очень благовидный в дискуссии: вместо того, чтобы спорить о деле, она задает вопрос, кто я и что я делаю для русской эмиграции и для России вообще. В общем, не имея достаточных аргументов для спора о деле, она, обвиняком, пытается опорочить меня, лишить меня права иметь свое мнение.

Мои обвинения в том, что в КРА имеются люди, которые хотят использовать его для целенаправленной и скорейшей денационализации, американизации русских людей в Америке, не безосновательны. Уже после того, как в «Вече» был опубликован ответ Роману Днепрову, вызвавший эту бурю, ко мне поступил документ, который показал, что все мои сомнения об истинных намерениях некоторых – подчеркиваю, **некоторых** – деятелей КРА абсолютно обоснованы, и что положение несравненно серьезнее, чем я предполагал. Это «Чикагский русский американец» № 2, лето 1986 года – официальный бюллетень Чикагского отделения КРА. В бюллетене помещена статья „Что должны делать русские американцы“ Анатолия Безкоровайного, ответ на мою статью „Русская эмиграция – зарубежная часть России“, опубликованную в газете «Русская жизнь» 25 января 1986 г.

Прежде всего, в бюллетене нет ни слова по-русски. Единственное, что там напоминает Россию, это двуглавый орел, хотя, по мне, помещать его над таким названием – кощунство. Статья Безкоровайного – это четкая программа денационализации русских в Америке. Безкоровайный твердо уверен, что русская эмиграция в Америке никакая не свободная часть России, а часть американского народа, и если у кого-либо есть еще проблески влечения к России, то задача КРА поскорее его вылечить

от этого. Основными задачами – по Бескоровайному – русских в Америке вообще и КРА в частности являются: обогащение американской культуры элементами русской культуры и распространение православия среди американцев, конечная цель и того, и другого – облагораживание американского общества. Так что не о России следует заботиться, не о ее судьбе, а об облагораживании американцев. Причем отмечу: распространение православия в американской среде мыслится под эгидой Американской Митрополии. Оно бы хорошо, если бы вслед за статьей Бескоровайного не следовало сообщение о приезде в Чикаго архиереев Московской Патриархии.

Повторяю: мне **такой** КРА не нужен. И я буду очень огорчен, если такой КРА нужен г-же Самыгиной и Роману Днепрову.

А что КРА много делает для русских, кто об этом спорит? Но не нужно делать винегрет из защиты Владимира Самарина и призывов г-на Бескоровайного, оправдывать тех, кто думает только о своем благополучии в Америке и считает, что под единой крышей с ними, в КРА, множество истинных русских патриотов, которые не откажутся от России до последнего своего вздоха. Да и защищают люди Самарина по разным причинам: одни защищают свое сытое бытие в Америке, как бы оно не порушилось, другие в его лице защищают непреклонного борца за Россию, свое право быть русскими националистами и антикоммунистами. Я защищаю Самарина ради его прошлого, настоящего и будущего жертвенного служения России, и надеюсь, что Владимир Дмитриевич не в претензии на меня.

Г-жа Самыгина уверяет, что для того, чтобы попасть, скажем, на съезд православной молодежи надо иметь иностранное подданство, иначе, мол, на съезд можно и не попасть, и этим не только оправдывает, но делает необходимым принятие иностранного подданства. Но не будем лукавить! На съезд можно было приехать и бесподданным – не так комфортабельно, но и без особых мук. Но дело не в этом. Когда русские эмигранты прини-

мали иностранное подданство, в частности американское, в середине пятидесятых годов, они брали его не для того, чтобы ездить свободно по съездам православной молодежи, и не потому – как сейчас многие уверяют – что полюбили Америку (для этого они еще мало к тому времени прожили в ней), а для того, чтобы облегчить себе быт. Я не осуждаю их, точнее – не осуждаю всех. Осуждаю я только тех, кто принял подданство (и зачастую переименовал имя и фамилию) для того, чтобы как можно скорее раствориться, спрятаться в американской массе, отрекшись от своего русского прошлого.

Роман Днепров свою статью как раз начал с описания такой семьи, которая и по сей день не хочет принять иностранное подданство. Днепров как-то не развил эту тему, не высказал определенно свое отношение к этому вопросу. Мне кажется, что сердцем он преклоняется перед этими людьми, но умом, с практической стороны дела, не одобряет. И в своем восхвалении преимуществ американского гражданства он ищет оправдания себе и своему практицизму.

Наконец, г-жа Самыгина говорит: „...’у нас’ для меня – это там, где я живу“. Так где же все же она жила, и сколько же этих „у нас“ было у нее? Как можно понять из ее письма, родилась она в эмиграции, где-нибудь в Югославии, Польше, Чехословакии. Это уже одно „у нас“. Затем, вероятно, была в Германии или Австрии, во время войны или после нее, в лагерях Ди-Пи. Это второе „у нас“. Могло потом занести куда-либо в Марокко или в Аргентину, затем в США – итак, не менее двух „у нас“, а возможно четыре-пять.

Я могу сказать „у нас во дворе“ соседу; „у нас на улице“ человеку, живущему на другой улице; „у нас в Нью-Йорке“ человеку, живущему в Вашингтоне, но уже с натяжкой скажу „у нас в Америке“ человеку из Германии и ни в коем случае так не скажу, если речь идет о России, особенно если разговор ведется о фундаментальных вопросах. Если я в Америке, то „у нас“ – это в России, „здесь“ – это в Америке, „там“ – это в Германии, Италии,

Франции...

Е. Валин в «Вече» №24 поместил большую статью-фельетон на эти же темы. На эту статью мне очень трудно отвечать по нескольким причинам.

Прежде всего, неудачно выбрана сама форма фельетона. Писать диалог двух лиц чрезвычайно трудно, так как – при всех благих намерениях автора – невозможно быть абсолютно объективным. Всегда идет игра в поддавки, причем не обязательно всегда в пользу одного спорящего. Спора-то и нет: каждая реплика имеет уже готовый ответ у автора, и весь ход „спора“ ведет к выводу, заранее определенному автором. Это как попытка играть в шахматы с самим собой: как ни старайся быть объективным, все равно выигрывает та сторона, с которой себя идентифицируешь, причем заранее задуманной „блестящей“ комбинацией, к которой играющий подводит игру.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай неторопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую – удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный, помилуй нас! (три раза)

**И. Ланской
Джорданвиль, С Ш А**

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

Н. Н. Воейков

ЦЕРКОВЬ, РУСЬ и РИМ

Книга дает богатый исторический материал взаимоотношений, или, вернее говоря, столкновений Русской Православной Церкви с Римо-католической. Обзор исторических фактов, повлекших за собой разделение церквей, осуществившееся в XI веке.

История католичества. История Православия. Попутно же – увлекательное изложение истории России, Киевской и Московской Руси, Русской православной монархии.

Католические нашествия на Россию, их отголоски и в более поздней истории (XIX-го века).

Москва и Европа; Русская православная монархия – как фактор мирового равновесия.

Исторические анализы, параллели и прогнозы.

Издание Свято-Троицкого монастыря

Цена в мягкой обложке – 20.00 ам. долларов

В переплете – 25.00 ам. долларов

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Holy Trinity Monastery Bookstore
P. O. Box 36. Jordanville, N.Y. 13361 – 0036
USA

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера 15 нм

подписка на 4 номера 50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера 9 ам. долл.

подписка на 4 номера 30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройком значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**